

Роберт Луис Стивенсон

**Похищенный или  
приключения Дэвида  
Бэлфура**



**Роберт Льюис Стивенсон**  
**Похищенный**  
Серия «Приключения  
Дэвида Бэлфура», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=121949](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121949)*

**Аннотация**

Записки о приключениях Дэвида Бальфура в 1751 году, о том, как он был похищен и потерпел крушение; о его страданиях на пустынном острове; о его странствовании по диким горам; о его знакомстве с Аланом Бреком Стюартом и другими выдающимися яacobитами шотландской горной области; и обо всем, что он претерпел от рук дяди своего Эбенезера Бальфура, ложно именовавшегося владельцем Шооса, писанные им самим и ныне изданные Робертом Льюисом Стивенсоном.

# Содержание

Посвящение	6
I. Я отправляюсь в Шоос-гауз	9
II. Я достигаю места назначения	16
III. Я знакоблюсь со своим дядей	24
IV. Я подвергаюсь большой опасности в Шоос-гаузе	35
V. Я иду в Куинзферри	47
VI. Что случилось в Куинзферри	56
VII. Я ухожу в море на «Конвенте» из Дайзерта	64
VIII. Капитанская каюта	75
IX. Человек с поясом, полным денег	83
X. Осада капитанской каюты	97
XI. Капитан признает себя побежденным	106
XII. Я слышу о Красной Лисице	113
XIII. Гибель брига	126
XIV. Островок	134
XV. «Мальчик с серебряной пуговицей». По острову Маллу	147
XVI. «Мальчик с серебряной пуговицей». По Морвену	159
XVII. Смерть Красной Лисицы	170
XVIII. Разговор с Аланом в Леттерморском лесу	178
XIX. Дом страха	190

XX. Бегство сквозь вересковые заросли. Скалы	200
XXI. Бегство. Ущелье Корринаки	213
XXII. Бегство. Степь	223
XXIII. «Клетка Ключи»	233
XXIV. Бегство. Ссора	246
XXV. В Бальуйддере	261
XXVI. Конец бегства. Мы переправляемся через Форт	271
XXVII. Я прихожу к мистеру Ранкэйлору	287
XXVIII. В поисках наследства	299
XXIX. Я вступаю в свои владения	308
XXX. Прощание	318

# Роберт Стивенсон

## Похищенный

Kidnapped (1886)

*Перевод О. В. Ротштейн, 1901.*

\* \* \*

# Посвящение

*Дорогой мой Чарлз Бакстер! Если вы когда-нибудь прочитаете этот рассказ, то, вероятно, зададите себе больше вопросов, нежели я мог бы дать ответов. Так, например, вы спросите: каким образом убийство в Аппине пало на 1751 год; каким образом Торренские скалы придвинулись так близко к Эррейду или почему опубликованный отчет об этом деле совсем ничего не говорит обо всем, что касается Давида Бальфура? Ведь эти орехи мне не по зубам. Но если вы меня спросите о том, виновен ли Алан или невиновен, то я полагаю, что могу постоять за свой рассказ. Вы могли бы сами убедиться в том, что местное предание в Аппине и донднесь явно высказывается в пользу Алана. Если вы наведете справки, то можете узнать, что потомки «другого человека», того, что стрелял, и теперь еще существуют в той местности. Но можете спрашивать сколько угодно, а имени этого «другого» вы не услышите: горцы свято соблюдают эту тайну, уважая вообще всякие тайны, и свои собственные и своих сородичей. Я могу с успехом оправдывать один пункт, но должен признать, что другой пункт оправдать невозможно; лучше уж признаться сразу, как мало интересуется меня желание быть точным. Я пишу книгу не для школьной библиотеки, а для чтения зимними вечерами, когда занятия в классах*

*уже кончены и приближается время сна. Честный Алан, который в свое время был лихим воякой, в своем новом перерождении выведен мною не с каким-либо особым злодейским умыслом, а только затем, чтобы отвлечь внимание какого-нибудь юного джентльмена от Овидия и обратить его хоть ненадолго на горную Шотландию и на минувшее столетие и отпустить его в постель в таком настроении, чтоб в его снах появились кое-какие заманчивые образы.*

*От вас, мой дорогой Чарлз, я не могу и требовать, чтоб этот рассказ вам пришелся по вкусу. Но он, может быть, понравится вашему сыну, когда он подрастет; ему будет приятно найти имя своего отца на форзаце книги. В то же время мне отрадно начертать это имя здесь в память о многих днях, большею частью счастливых, хотя иногда и грустных, но о которых теперь с интересом вспоминаешь. Если мне кажется удивительным, что я могу бросить взгляд назад сквозь двойное расстояние времени и пространства на приключения нашей юности, то для вас это, быть может, еще удивительнее, как для человека, который ходит по тем же самым улицам и может завтра же отворить дверь старой залы, где мы начали свое ознакомление со Скоттом и Робертом Умчетом и с нашим возлюбленным, но так малоизвестным Мекбином; или пройти в тот уголок, где собирались митинги великого общества I. J. R., где мы пили свое вино и сидели на тех же местах, где когда-то сиживал Берне со своими друзьями. Мне кажется,*

*что я вижу, как вы ходите по этим местам среди белого дня, видите их своими собственными глазами, тогда как для вашего товарища все это может быть только предметом сновидений. Как прошлое звучит в памяти во время перерывов среди текущих дел и занятий! Пусть же это эхо чаще звучит для вас и будит в вас мысли о вашем друге.*

*Р. Л. С.*

*Скерривор, Бурнемут.*



# I. Я отправляюсь в Шоос-гауз

Рассказ о моих приключениях я начну с июньского утра 1751 года, когда в последний раз я запер за собою дверь от-ного дома. Пока я спускался по дороге, солнце едва освеща-ло вершины холмов, а когда дошел до дома священника, в сирени уже свистали дрозды и предрассветный туман, висев-ший над долиной, начинал подниматься и исчезать.

Добрейший иссендинский священник, мистер Кемпбелл, ждал меня у садовой калитки. Он спросил, позавтракал ли я, и, услышав, что мне ничего не нужно, после дружеского рукопожатия ласково взял меня под руку.

– Ну, Дэви, – сказал он, – я провожу тебя до брода, чтобы вывести тебя на дорогу.

И мы молча двинулись в путь.

– Жалко тебе покидать Иссендин? – спросил он немного погодя.

– Я мог бы вам на это ответить, если бы знал, куда я иду и что случится со мной, – сказал я. – Иссендин – славное местечко, и мне было очень хорошо здесь, но ведь я ничего больше и не видел. Отец мой и мать умерли, и, оставшись в Иссендине, я был бы от них так же далеко, как если бы на-ходился в Венгрии. Откровенно говоря, я уходил бы отсюда очень охотно, если бы только знал, что на новом месте поло-жение мое улучшится.

– Да! – сказал мистер Кемпбелл. – Прекрасно, Дэви. Значит, мне следует открыть тебе твоё будущее, насколько это в моей власти. Когда твоя мать умерла, а отец твой – достойный христианин! – почувствовал приближение смерти, он отдал мне на сохранение письмо, сказав, что оно – твоё наследство. «Как только я умру, – говорил он, – и дом будет приведен в порядок, а имущество продано (все так и было сделано, Дэви), дайте моему сыну в руки это письмо и отправьте его в Шоос-гауз, недалеко от Крамонда. Я сам пришел оттуда, – говорил он, – и туда же следует возвратиться моему сыну. Он смелый юноша и хороший ходок, и я не сомневаюсь, что он благополучно доберется до места и сумеет заслужить там всеобщее расположение».

– В Шоос-гауз! – воскликнул я.

– Никто не знает этого достоверно, – сказал мистер Кемпбелл. – Но у владельцев этой усадьбы то же имя, что и у тебя, Дэви. Бальфуры из Шооса – старинная, честная, почтенная семья, пришедшая в упадок в последнее время. Твой отец тоже получил образование, подобающее его происхождению; никто так успешно не руководил школой, как он, и разговор его не был похож на разговор простого школьного учителя; напротив (ты сам понимаешь), я любил, чтобы он бывал у меня, когда я принимал образованных людей, и даже мои родственники, Кемпбеллы из Кильренета, Кемпбеллы из Денсвайра, Кемпбеллы из Минча и другие, все очень просвещенные люди, находили удовольствие в его обществе.

А в довершение всего сказанного вот тебе завещанное письмо, написанное собственной рукой покойного.

Он дал мне письмо, адресованное следующим образом: «Эбenezеру Бальфуру, из Шооса, эсквайру, в Шоос-гауз, в собственные руки. Письмо это будет передано ему моим сыном, Давидом Бальфуром». Сердце мое сильно забилося при мысли о блестящей будущности, внезапно открывшейся предо мной, семнадцатилетним сыном бедного сельского учителя в Эттрикском лесу.

– Мистер Кемпбелл, – сказал я прерывающимся голосом, – пошли бы вы туда, будь вы на моем месте?

– Разумеется, – отвечал священник, – и даже не медля. Такой большой мальчик, как ты, дойдет до Крамонда (недалеко от Эдинбурга) в два дня. В самом худшем случае, если твои знатные родственники – а я предполагаю, что эти Бальфуры тебе сродни, – выставят тебя за дверь, ты сможешь через два дня вернуться обратно и постучать в дверь моего дома. Но я надеюсь, что тебя примут хорошо, как предсказывал твой отец, и со временем ты будешь важным лицом. А затем, Дэви, мой мальчик, – закончил он, – я считаю своей обязанностью воспользоваться минутой расставания и предостеречь тебя от опасностей, которые ты можешь встретить в свете.

При этих словах он немного помешкал, размышляя, как бы поудобнее сесть, потом опустился на большой камень под березой у дороги, с важностью оттопырил верхнюю губу и накрыл носовым платком свою треугольную шляпу, так как

солнце теперь светило на нас из-за двух вершин. Затем, подняв указательный палец, он стал предостерегать меня сперва от многочисленных ересей, которые нисколько не соблазняли меня, и убеждать не пренебрегать молитвой и чтением библии. Потом он описал мне знатный дом, куда я направлялся, и дал мне совет, как вести себя с его обитателями.

– Будь уступчив, Дэви, в несущественном, – говорил он. – Помни, что хотя ты и благородного происхождения, но воспитан в деревне. Не посрами нас, Дэви, не посрами нас! Будь обходительным в этом большом, многолюдном доме, где так много слуг. Старайся быть осмотрительным, сообразительным и сдержанным не хуже других. Что же касается владельца, помни, что он – лэрд<sup>1</sup>. Скажу тебе только: воздай всякому должное. Приятно подчиняться лэрду; во всяком случае, это должно быть приятно для юноши.

– Может быть, – отвечал я. – Обещаю вам, что буду стараться следовать вашему совету.

– Прекрасный ответ, – сердечно сказал мистер Кемпбелл. – А теперь обратимся к самой важной материи, если дозволено так играть словами, или же к нематериальному. Вот пакетец, в котором четыре вещи. – Говоря это, он с большим усилием вытащил пакет из своего бокового кармана. – Из этих четырех вещей первая принадлежит тебе по закону: это небольшая сумма, вырученная от продажи книг и домашнего скарба твоего отца, которые я купил, как и объяс-

---

<sup>1</sup> Лэрд – в Шотландии то же, что лорд в Англии.

нял с самого начала, с целью перепродать их с выгодой новому школьному учителю. Остальные три – подарки от миссис Кемпбелл и от меня. И ты доставишь нам большое удовольствие, если примешь их. Первая, круглая, вероятно, больше всего понравится тебе сначала, но, Дэви, мальчик мой, это лишь капля в море: она облегчит тебе только один шаг и исчезнет, как утренний туман. Вторая, плоская, четырехугольная, вся исписанная, будет помогать тебе в жизни, как хороший посох в дороге и как подушка под головой во время болезни. А последняя, кубическая, укажет тебе путь в лучший мир: я буду молиться об этом.

С этими словами он встал, снял шляпу и некоторое время в трогательных выражениях громко молился за юношу, отправляющегося в мир, потом внезапно обнял меня и крепко поцеловал; затем отстранил от себя и, не выпуская из рук, долго глядел на меня, и лицо его было омрачено глубокою скорбью; наконец, повернулся, крикнул мне: «Прощай!» – и почти бегом пустился обратно по дороге, которою мы только что шли. Другому это показалось бы смешным, но мне и в голову не приходило смеяться. Я следил за ним, пока он не скрылся из виду: он все продолжал торопиться и ни разу не оглянулся назад. Мне стало ясно, что причиной всего была разлука со мной, и совесть стала сильно упрекать меня; сам я был очень счастлив, уходя из тихой деревенской глуши в большой, шумный дом, где жили богатые и уважаемые дворяне одного со мной рода и имени.

«Дэви, Дэви, – думал я, – видана ли где такая черная неблагодарность? Неужели при одном намеке на знатность ты можешь забыть старых друзей и их расположение к тебе? Стыдно, Дэви, стыдно!»

Я сел на камень, с которого только что встал добрый священник, и открыл пакет, чтобы посмотреть подарки.

Я догадывался, что то, что мистер Кемпбелл называл кубической вещью, было, конечно, карманной библией. То, что он называл круглой вещью, оказалось шиллингом; а третья вещь, которая должна была так замечательно помогать мне, и здоровому и больному, оказалась клочком грубой желтой бумаги, на котором красными чернилами были написаны следующие слова:

«Как готовить ландышевую воду. Возьми херес, сделай настойку на ландышевом цвете и принимай при случае ложку или две. Эта настойка возвращает дар слова тем, у кого отнялся язык; она помогает при подагре, укрепляет сердце и память. Цветы же положи в плотно закупоренную банку и поставь на месяц в муравейник, затем вынь и тогда увидишь в банке выделенную цветами жидкость, которую и храни в пузырьке; она полезна здоровым и больным, как мужчинам, так и женщинам».

Внизу была приписка рукой священника: «Также ее следует втирать при вывихах, а при коликах принимать каждый час по столовой ложке».

Я, разумеется, посмеялся над этим, но то был нервный

смех. Поскорее повесив свой узел на конец палки, я перешел брод и стал подниматься на холм по другую сторону речки. Наконец я добрался до зеленой дороги, тянущейся среди вереска, и кинул последний взгляд на иссендинскую церковь, на деревья вокруг дома священника и на высокие рябины на кладбище, где покоились мои родители.

## II. Я достигаю места назначения

Наутро второго дня, достигнув вершины холма, я увидел перед собой всю расположенную на склоне страну, до самого моря, а посреди этого склона, на длинном горном кряже, — Эдинбург, дымивший, как калильная печь. На замке развевался флаг, а в заливе плавали или стояли на якорях суда. Несмотря на очень далекое расстояние, я мог все ясно разглядеть, и мое деревенское сердце от радости готово было выпрыгнуть из груди.

Затем я миновал дом пастуха, где мне довольно грубо указали, как добраться до Крамонда. И так, спрашивая то одного, то другого, я шел мимо Колинтона все к западу от столицы, пока не вышел на дорогу, ведущую в Глазго. А на ней, к великому моему удовольствию и удивлению, я увидел солдат, маршировавших под звуки флейт; впереди на серой лошади ехал старый генерал с багровым лицом, а сзади шла рота гренадеров в шапках, напоминавших папские тиары. Во мне зашевелилось чувство гордости при виде военных в красных мундирах и при звуке веселой музыки.

Немного дальше мне объяснили, что я в Крамондском приходе. Тогда я стал осведомляться о Шоос-гаузе. Казалось, что мой вопрос всех удивляет. Сперва я подумал, что моя простая деревенская одежда, запылившаяся в дороге, плохо вязалась с величием этого места. Но, после того как



двое или трое, одинаково взглянув на меня, уклонились от ответа, мне начало приходить в голову, что в самом Шоос-гаузе есть что-то странное.

Чтобы рассеять свои опасения, я переменял форму вопросов, и, увидев честного малого, который ехал по проселочной дороге, стоя на телеге, я спросил, слышал ли он когда-нибудь про Шоос-гауз.

Он остановил телегу и посмотрел на меня так же, как и другие.

– Да, – отвечал он. – А что?

– Это большая усадьба? – спросил я.

– Разумеется, – отвечал он. – Дом очень большой.

– Ну, – спросил я, – а что за люди живут там?

– Люди! – воскликнул он. – С ума ты сошел! Там нет людей.

– А мистер Эбенезер? – спросил я.

– О да! – сказал он. – Если тебе нужен лэрд, то он там. Какое у тебя к нему дело, любезный?

– Мне сказали, что могу найти у него место, – сказал я, стараясь казаться как можно скромнее.

– Что? – закричал человек так громко, что даже лошадь вздрогнула. – Вот что, любезный, – продолжал он, – это, конечно, не мое дело, но ты кажешься мне порядочным малым... Послушай-ка моего совета и держись подальше от Шоос-гауза.

Потом я встретил юркого человечка в красивом белом па-

рике и понял, что это цирюльник, который совершает свой обход. Так как мне было известно, что все цирюльники большие болтуны, то я без обиняков спросил его, что за человек мистер Бальфур из Шоос-гауза.

– О, – сказал цирюльник, – он очень мало похож на человека!

И начал хитро расспрашивать, что мне нужно, но я был еще хитрее, и он пошел к своему клиенту, не узнав ничего больше того, что знал сам.

Не могу описать, какой удар это все нанесло моим ожиданиям! Чем туманнее были обвинения, тем они мне меньше нравились, так как оставляли обширное поле для воображения. Что же это за дом, когда один вопрос: «Где он находится?» – заставляет весь приход вздрагивать и таращить глаза? И что это был за лэрд, когда дурная слава о нем бежала по всем дорогам? Если после часовой ходьбы я мог бы вновь очутиться в Иссендине, то бросил бы свою затею и вернулся бы к мистеру Кемп-беллу. Но я забрался уже так далеко, что самолюбие не позволяло мне отступить, не проверив, в чем дело; из одного только самоуважения я должен был довести его до конца. И хотя мне было очень не по душе все, что я слышал, я все-таки, хотя и замедлив шаги, продолжал спрашивать дорогу и идти вперед.

День близился к закату, когда я встретил полную темно-волосую женщину с угрюмым лицом, устало спускавшуюся с холма. Когда я обратился к ней с моим обычным вопросом,

она круто повернула назад, проводила меня до вершины, с которой только что спустилась, и показала мне на громадное строение, одиноко стоявшее на лужайке в глубине ближайшей долины. Местность вокруг была очень красива. Невысокие холмы были покрыты лесом и богато орошены, а поля, на мой взгляд, обещали необыкновенный урожай. Но самый дом мне показался какой-то развалиной. К нему не вело дороги; ни из одной трубы не шел дым, а вокруг него не было ничего похожего на сад. У меня упало сердце.

– Как? Это? – воскликнул я. Глаза женщины враждебно сверкнули.

– Это Шоос-гауз! – закричала она. – Кровь строила его, кровь остановила постройку, кровь разрушит его. Смотри, – воскликнула она, – я плюю на землю и призываю на него проклятие! Пусть все там погибнут! Если ты увидишь лэрда, передай ему мои слова, скажи ему, что Дженет Клоустон в тысячу двести девятнадцатый раз призывает проклятие на него и на его дом, на его хлев и конюшню, на его слугу, гостя, хозяина, жену, дочь, ребенка – да будет ужасна их гибель!

И женщина, чей голос звучал как жуткое заклинание, внезапно подпрыгнула, повернулась и исчезла. Я продолжал стоять на том же месте, и волосы мои поднялись дыбом. В те времена люди верили в ведьм и боялись проклятий. Проклятие этой женщины, являвшееся как бы предостережением, чтобы я остановился, пока еще было время, совершенно лишило меня сил.

Я присел и стал смотреть на Шоос-гауз. Чем больше я смотрел, тем местность мне казалась красивее. Все кругом было покрыто цветущим боярышником. Луга были усеяны овцами. В небе большими стаями пролетали грачи. Во всем сказывалось богатство почвы и благотворность климата, и только дом совсем не нравился мне.

Пока я сидел так около канавы, крестьяне стали возвращаться с полей, но я был в таком унынии, что даже не пожелал им доброго вечера. Наконец солнце село, и я увидел струю дыма, поднимающуюся прямо на фоне желтого неба. Хотя струйка эта и была не шире, чем дымок от свечи, но все-таки служила доказательством того, что в доме были огонь, и тепло, и ужин, и какое-то живое существо. Эта мысль ободрила меня.

И я пошел вперед по терявшейся в траве тропинке, которая вела к дому. Она казалась слишком незаметной, чтобы вести к обитаемому месту, но другой я не видел. Тропинка привела меня к каменной арке; рядом с ней стоял домик без крыши, а наверху арки виднелись следы герба. Очевидно тут предполагался главный вход, который не был достроен. Вместо ворот из кованого чугуна высились две деревянные решетчатые дверцы, связанные соломенным жгутом; не было ни садовой ограды, ни малейшего признака подъездной дороги, но тропинка, по которой я шел, обогнула арку с правой стороны и, извиваясь, направилась к дому.

Чем ближе я подходил к нему, тем угрюнее он казался.

Это был, должно быть, только один из флигелей недостроенного дома. Во внутренней части его верхний этаж не был подведен под крышу, и в небе вырисовывались нескончаемые уступы и лестницы. Во многих окнах не хватало стекол, и летучие мыши влетали и вылетали туда и обратно, как голуби на голубятне.

Когда я подошел совсем близко, уже начинало темнеть, и в трех нижних окнах, расположенных высоко над землей, очень узких и запертых на засов, замерцал дрожащий свет маленького огонька.

Так вот тот дворец, куда я иду! Вот те стены, в которых я буду искать новых друзей и должен начать блестящую карьеру! Там, в Иссен-Уотерсайде, в доме моего отца, яркий огонь светил на милю вокруг и дверь отворялась для каждого нищего.

Я осторожно шел вперед, наострив уши, и до меня донеслись звуки передвигаемой посуды и чьего-то сухого сильного кашля, но не было слышно ни голосов, ни даже лая собаки.

Большая дверь, насколько я мог различить при тусклом вечернем свете, была деревянная, вся утыканная гвоздями, и я с робким сердцем поднял руку и постучал один раз. Потом стал ждать. В доме воцарилась мертвая тишина. Прошла минута, и ничто не двигалось, кроме летучих мышей, шнырявших над моей головой. Я снова постучал, снова стал слушать... Теперь мои уши так привыкли к тишине, что я слышал, как часы внутри дома отсчитывали секунды, но тот, кто

был в доме, хранил мертвое молчание и, должно быть, затаил дыхание. Я уже думал, не убежать ли мне, но гнев перешибил; я стал колотить руками и ногами в дверь и громко звать мистера Бальфура. Едва я вошел в азарт, как услышал над собой кашель. Отскочив от двери и взглянув наверх, я в одном из окон верхнего этажа увидел человека в высоком ночном колпаке и расширенное к концу дуло мушкетона.

– Он заряжен, – произнес голос.

– Я принес письмо мистеру Эбенезеру Бальфуру из Шооса, – сказал я. – Здесь он?

– От кого? – спросил человек с мушкетонам.

– Это вас не касается, – возразил я, начиная раздражаться.

– Хорошо, – ответил он, – можешь положить его на порог и убираться.

– Уж этого-то я не сделаю! – воскликнул я. – Я отдам его мистеру Бальфуру в собственные руки, как мне велено. Это рекомендательное письмо.

– Что такое? – резко крикнул голос. Я повторил свои слова.

– Кто же ты сам? – был следующий вопрос после значительной паузы.

– Я не стыжусь своего имени, – сказал я. – Меня зовут Давид Бальфур.

Я убежден, что при этих словах человек вздрогнул, потому что услышал, как мушкетон брякнул о подоконник. Следующий вопрос был задай после долгого молчания и стран-

НО ИЗМЕНИВШИМСЯ ГОЛОСОМ:

– Твой отец умер?

Я так был поражен, что не мог отвечать, и в изумлении смотрел на него.

– Да, – продолжал человек, – наверное он умер, и вот почему ты ломаешь мои двери.

Опять пауза, а затем он сказал вызывающе:

– Что ж, я впущу тебя, – и исчез из окна.

### III. Я знакомлюсь со своим дядей

Вскоре послышался лязг цепей и отодвигаемых засовов; дверь была осторожно приотворена и немедленно закрыта за мной.

– Ступай на кухню и ничего не трогай, – сказал голос.

И пока человек, живший в доме, снова укреплял затворы, я ощупью добрался до кухни.

Ярко разгоревшийся огонь освещал комнату с таким убогим убранством, какого я никогда не видел. С полдюжины мисок и блюд стояло на полках; стол был накрыт для ужина: миска с овсяной кашей, роговая ложка и стакан слабого пива. В этой большой пустой комнате со сводчатым потолком ничего больше не было, кроме нескольких закрытых на ключ сундуков, стоявших вдоль стены, и посудного шкафа с висячим замком в углу.

Закрепив последнюю цепь, человек вернулся ко мне. Он был небольшого роста, сутуловат, с узкими плечами и землистым цветом лица; ему могло быть от пятидесяти до семидесяти лет. На нем был фланелевый ночной колпак и такой же халат, надетый сверх истрепанной рубашки и заменявший ему и жилет и кафтан. Он, очевидно, давно не брился. Но более всего тревожило и даже страшило меня то, что он все время не спускал с меня глаз и вместе с тем ни разу не взглянул мне прямо в лицо. Я никак не мог догадаться, кто



он по рождению или по занятию. Более всего он был похож на старого, отслужившего свой век слугу, которого за харчи приставили смотреть за домом.

– Ты проголодался? – спросил он, и взгляд его забегал на уровне моего колена. – Можешь съесть эту кашу.

Я сказал, что это, вероятно, его собственный ужин.

– О, – сказал он, – я могу отлично обойтись без него. Но я выпью эля: он смягчает мой кашель.

Он выпил около полустакана, все время не спуская с меня глаз. Затем быстро протянул руку.

– Покажи письмо, – сказал он.

Я сказал, что письмо адресовано не ему, а мистеру Бальфуру.

– А за кого ты меня принимаешь? – спросил он. – Дай мне письмо Александра!

– Вы знаете, как звали моего отца?

– Было бы странно, если бы я этого не знал, – отвечал он. – Он был мне родным братом, и, хотя тебе, кажется, очень не по вкусу и я сам, и мой дом, и моя прекрасная овсянка, я все-таки твой родной дядя, мой милый, а ты – мой родной племянник. А потому отдай мне письмо, а сам пока ешь.

Будь я моложе на несколько лет, я, вероятно, расплакался бы от стыда, отвращения и разочарования. Теперь же я не мог произнести ни слова, но молча отдал ему письмо и стал есть кашу так неохотно, насколько это возможно для здорового юноши.

В это время дядя мой, наклонясь к огню, вертел письмо в руках.

– Знаешь ли ты, что в нем? – внезапно спросил он.

– Вы сами видите, сэр, – сказал я, – что печать не сломана.

– Гм... – сказал он. – Что же тебя привело сюда?

– Я хотел отдать письмо, – сказал я.

– Ну, – сказал он с хитрым видом, – ведь у тебя были, вероятно, какие-нибудь надежды.

– Сознаюсь, сэр, – отвечал я, – узнав, что у меня есть состоятельные родственники, я действительно надеялся, что они мне смогут помочь. Но я не нищий, я не ищущу милости у вас и не прошу ничего, что дается неохотно. Хотя я и кажусь бедным, но у меня есть друзья, которые будут рады помочь мне.

– Ну, ну, – сказал дядя Эбенезер, – нечего тебе фыркать на меня. Мы еще отлично поладим. А затем, Дэви, если ты не хочешь этой каши, то я доем ее сам. Да, – продолжал он, завладев моим стулом и ложкой, – овсяная каша – славная, здоровая пища, важная пища. – Он вполголоса пробормотал молитву и принялся ужинать. – Твой отец очень любил поесть, я помню. Можно было назвать его если не большим, то, по крайней мере, усердным едоком. Что же касается меня, то я всегда только чуть притрагивался к пище. – Он глотнул пива, и это, вероятно, напомнило ему об обязанностях гостеприимства, потому что следующими его словами были: – Если ты хочешь пить, то найдешь воду за дверью.

На это я ничего не ответил, но упорно продолжал стоять и смотреть с большим гневом на моего дядю. Он продолжал торопливо есть и бросал быстрые взгляды то на мои башмаки, то на чулки домашней вязки. Только раз, когда он решился взглянуть немного повыше, глаза наши встретились, и даже на лице вора, пойманного на месте преступления, не могло отразиться столько страха. Это заставило меня призадуматься над тем, не происходила ли его боязливость от непривычки к людскому обществу, не пройдет ли она после небольшого опыта и не станет ли мой дядя совсем другим человеком. От этих мыслей меня пробудил его резкий голос.

– Твой отец давно умер? – спросил он.

– Уже три недели, сэръ, – отвечал я.

– Александр был скрытный человек, молчаливый человек, – продолжал он. – Он и в молодости мало разговаривал. Он говорил что-нибудь обо мне?

– Пока вы сами мне не сказали, сэръ, я и не знал, что у него был брат.

– О господи! – воскликнул Эбенезер. – Верно, он и о Шоосе не говорил?

– Никогда даже не называл его по имени, – сказал я.

– Подумать только! – ответил он. – Станный человек!

Несмотря на это, он казался чрезвычайно довольным: самим ли собою, или мной, или поведением моего отца – этого я не мог угадать. Во всяком случае, у него, должно быть, прошло то чувство отвращения или недоброжелательства, кото-

рое он сначала испытывал ко мне, потому что он вдруг вскочил, прошелся по комнате за моей спиной и хлопнул меня по плечу.

– Мы еще отлично поладим! – воскликнул он. – Я положительно рад, что впустил тебя. А теперь пойдем спать.

К моему великому удивлению, он не зажег ни лампы, ни свечи, а ощупью вошел в темный проход; ощупью, тяжело дыша, поднялся на несколько ступенек, остановился перед какой-то дверью и отомкнул ее. Я спотыкался, стараясь следовать за ним по пятам, и теперь стоял рядом. Он предложил мне войти, так как это и была моя комната. Я послушался, но, сделав несколько шагов, остановился и попросил свечку.

– Ну, ну, – проговорил дядя Эбенезер, – сегодня чудная лунная ночь.

– Сегодня нет ни луны, ни звезд, сэр, и тьма кромешная, – сказал я. – Я не могу найти постель.

– Ну, ну, – ответил он, – я не люблю, чтобы в доме был свет. Я страшно боюсь пожара. Спокойной ночи, Дэви, мой милый.

И не успел я выразить еще раз свой протест, как он захлопнул дверь, и я услышал, как он запирает меня снаружи. Я не знал, плакать ли мне или смеяться. В комнате было холодно, как в колодце, а когда я наконец нашел постель, она оказалась мокрой, как торфяное болото. Но я, к счастью, захватил с собой свой узел с вещами и, завернувшись в плед, улегся на полу около большой кровати и быстро заснул.

С первым проблеском дня я открыл глаза и увидел, что нахожусь в большой комнате, обитой тисненой кожей, обставленной дорогой вышитой мебелью и освещаемой тремя прекрасными окнами. Лет десять, а может быть, и двадцать назад нельзя было бы желать более приятной комнаты для сна или пробуждения, но с тех пор сырость, грязь, заброшенность, мыши и пауки сделали свое дело. Кроме того, некоторые оконные рамы были сломаны, но в Шоос-гаузе это было обычным явлением, точно моему дяде приходилось когда-нибудь выдерживать осаду своих возмущенных соседей, может быть, с Дженет Клоу-стои во главе.

Между тем на дворе светило солнце, а я так замерз в этой печальной комнате, что начал стучать и кричать, пока не пришел мой тюремщик и не выпустил меня. Он повел меня за дом, где был колодец с бадьей, и сказал, что, «если мне нужно, я могу вымыть тут лицо». Я вымылся и добрался как мог до кухни, где он развел огонь и стряпал овсяную кашу. На столе стояли две чашки с двумя роговыми ложками, но все тот же единственный стакан легкого пива. Вероятно, я посмотрел на него с некоторым удивлением, и мой дядя заметил это, потому что, как бы в ответ на мою мысль, он спросил, не хочу ли я выпить эля – так он называл свое пиво.

Я сказал ему, что, хотя у меня есть такая привычка, я не желаю его беспокоить.

– Ну, ну, – сказал он, – я не отказываю тебе в том, что благоразумно.

Он снял с полки другой стакан, но, к моему великому изумлению, вместо того чтобы нацедить еще пива, перелил ровно половину из первого стакана во второй. В этом было какое-то благородство, от которого у меня захватило дух. Хотя мой дядя бесспорно был скрягой, но принадлежал к той высшей породе скупцов, которые могут заставить уважать свой порок.

Когда мы кончили завтрак, мой дядя открыл сундук и вынул из него глиняную трубку и пачку табаку, от которой отрезал ровно столько, чтобы набить себе трубку, а остальное запер снова. Затем он уселся на солнце у одного из окон и стал молча курить. Время от времени глаза его останавливались на мне, и он выпаливал какой-нибудь вопрос. Раз он спросил:

– А твоя мать?

И когда я сказал, что и она также умерла, он прибавил:

– Красивая была девушка!

Потом опять после длинной паузы:

– А кто такие твои друзья?

Я сказал ему, что то были различные джентльмены, носящие фамилию Кемпбелл, хотя на самом деле только один из них, а именно священник, когда-либо обращал на меня внимание. Но я начинал думать, что дядя слишком легко относится к моему общественному положению, и желал доказать ему, что хотя я с ним теперь наедине, но у меня есть защитники.

Он, казалось, раздумывал о моих словах.

– Дэви, – сказал он потом, – ты хорошо сделал, что пришел к своему дяде Эбенезеру. Я высоко ставлю нашу фамильную честь и исполню свой долг относительно тебя, но пока я обдумываю, куда бы лучше тебя пристроить: сделать ли тебя дипломатом, или юристом, или, может быть, военным, что молодежь любит более всего. Я не хотел бы, чтобы Бальфур унижался перед северными Кемпбеллами, и потому прошу тебя держать язык за зубами. Чтобы не было никаких писем, никаких посланий, ни слова никому, иначе – вот дверь.

– Дядя Эбенезер, – отвечал я, – у меня нет основания предполагать, что вы желаете мне дурное. Но, несмотря на то, я желал бы убедить вас, что и у меня есть самолюбие. Я отыскал вас не по своей воле. И если вы еще раз укажете мне на дверь, я поймаю вас на слове.

Он казался сильно смущенным.

– Ну, ну, – сказал он, – нельзя же так, мой милый, нельзя. Потерпи день или два. Я не колдун, чтобы найти тебе карьеру на дне суповой миски. Но дай мне день или два и не говори никому ни слова, и, честное слово, я исполню свой долг относительно тебя.

– Хорошо, – сказал я, – этого довольно. Если вы хотите помочь мне, то я, без сомнения, буду очень рад и очень вам благодарен.

Мне стало казаться (немного преждевременно), что я взял верх над моим дядей, и я заявил, что надо проветрить кро-

вать и постельное белье и просушить их на солнце, потому что я ни за что не стану спать в таком неприятном месте.

– Кто здесь хозяин, ты или я? – закричал он своим пронзительным голосом, но вдруг сразу осекся. – Ну, ну, – прибавил он, – я не то хотел сказать. Что мое, то и твое, Дэви, а что твое, то и мое. Ведь кровь не вода, и на свете только мы двое носим имя Бальфура.

И он начал бессвязно рассказывать о нашей семье и ее былом величии, о своем отце, начавшем перестраивать дом, о себе, о том, как он остановил перестройку, считая ее преступной растратой денег. Это навело меня на мысль передать ему проклятия Дженет Клоустон.

– Ах негодяйка! – заворчал он. – Тысячу двести девятнадцать – это значит каждый день с тех пор, как я продал ее имущество. Я бы хотел видеть ее поджаренной на горячих углях, прежде чем это случится! Ведьма, настоящая ведьма! Я пойду переговорить с секретарем суда.

С этими словами он открыл сундук и вынул из него очень старый, но хорошо сохранившийся синий кафтан, жилет и довольно хорошую касторовую шляпу – все это без галунов. Он кое-как напялил это на себя и, взяв из шкафа палку, опять запер все на ключ и собрался уже уходить, как вдруг новая мысль остановила его.

– Я не могу оставить тебя одного в доме, – сказал он. – Мне придется запереть дверь и тебя не впускать.

Кровь прилила мне к лицу.



– Если вы выгоните меня из дому, то уже больше меня не увидите, – сказал я.

Он страшно побледнел и пососал губы.

– Это плохой способ, – сказал он, злобно глядя в пол, – это плохой способ добиться моего расположения, Давид.

– Сэр, – сказал я, – хотя я и питаю подобающее уважение к вашим летам и нашему роду, но мало ценю ваше расположение: меня учили уважать себя, и, если бы вы были десять раз моим единственным дядей и моей единственной семьей, я все-таки не стал бы покупать ваше расположение такую цену.

Дядя Эбенезер подошел к окну и некоторое время глядел в него. Я видел, как он трясся и корчился, словно в судороге. Но когда он обернулся, на лице его играла улыбка.

– Ну хорошо, – сказал он, – надо терпеть и щадить. Я не уйду, и доволен об этом.

– Дядя, – сказал я, – я ничего не понимаю. Вы обращаетесь со мной, как с воришкой. Вам неприятно, что я в этом доме, вы даете мне понять это ежеминутно и на каждом слове. Невозможно, чтобы вы смогли полюбить меня. Я, со своей стороны, говорил с вами так, как ни с кем никогда не говорил. Зачем же вы хотите удержать меня? Отпустите меня обратно к моим друзьям, которые любят меня!

– Ну, ну, ну, – сказал он серьезно. – Я тебя очень люблю, мы еще отлично поладим, и честь дома не позволяет мне отпустить тебя туда, откуда ты пришел. Поживи здесь спо-

койно, будь умником, побудь некоторое время со мной, и ты увидишь, что мы поладим.

– Хорошо, сэръ, – сказал я, подумав, – я немного поживу здесь. Конечно, справедливее получить помощь от родственника, чем от чужих, и если мы не поладим, то надеюсь, что не по моей вине.

## **IV. Я подвергаюсь большой опасности в Шоос-гаузе**

День, начавшийся так дурно, прошел, сверх ожидания, довольно хорошо. В двенадцать часов мы опять ели холодную овсяную кашу, а вечером горячую; овсяная каша и легкое пиво составляли весь стол моего дяди. Он разговаривал мало и, так же как и прежде, после долгого молчания выпаливал свои вопросы, а когда я попытался навести его на разговор о моем будущем, он снова увернулся. В комнате рядом с кухней, куда он позволил мне пройти, я нашел множество латинских и английских книг, чтением которых я с большим удовольствием занялся до вечера. Время прошло так незаметно в этом приятном обществе, что я почти примирился с моим пребыванием в Шоос-гаузе, и только вид моего дяди и глаза его, как бы игравшие в прятки с моими глазами, вызывали во мне недоверие.

Я открыл нечто, возбуждавшее во мне сомнения. Это была надпись на первой страничке дешевой народной книги (Патрика и Уоркера), сделанная, очевидно, рукой моего отца и гласившая: «Моему брату Эбенезеру в пятую годовщину его рождения». Меня сбilo с толку вот что: мой отец был младшим сыном в семье, стало быть, он совершил странную ошибку или же, не достигнув еще и пяти лет, уже писал пре-

восходным, четким почерком.

Я старался выкинуть это из головы, но хотя я затем просмотрел много интересных книг, старых и новых, исторических, стихи и романы, мысль о почерке моего отца не покидала меня. И когда я наконец вернулся в кухню и снова уселся за кашу и пиво, я первым делом спросил дядю Эбенезера, был ли мой отец очень способен к учению.

– Александр? Нет, – отвечал он. – Я был гораздо способнее: я в детстве был умным мальчиком и научился читать одновременно с ним.

Это озадачило меня еще больше; мне пришло на мысль, не были ли они близнецами, и я спросил его об этом.

Он вскочил со стула, и роговая ложка выпала из его рук на пол.

– Зачем ты это спрашиваешь? – спросил он, схватив меня за плечо и глядя мне прямо в лицо; а глаза его, небольшие, светлые и блестящие, как у птицы, как-то странно мигали и щурились.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил я спокойно. Я был значительно сильнее его, и меня нелегко было испугать. – Оставьте мою куртку. Так нельзя обращаться с людьми.

Мне показалось, что дядя мой сделал над собой большое усилие.

– Слушай, Давид, – сказал он, – ты не должен говорить со мной о твоём отце. В этом все дело. – Некоторое время он

сидел неподвижно, но весь дрожа и не сводя немигающего взгляда с тарелки. – У меня, кроме него, не было братьев, – прибавил он, но совершенно бесчувственным голосом; затем взял ложку и принялся за ужин, все еще не переставая дрожать.

Все его поведение – то, что он поднял на меня руку, а потом неожиданно признался в любви к моему отцу – было выше моего понимания и возбудило во мне одновременно и страх и надежду. С одной стороны, я начинал думать, что мой дядя, пожалуй, сумасшедший и может быть опасен. С другой стороны (совершенно произвольно), в уме моем стала слагаться история наподобие слышанных мною когда-то народных баллад о бедном юноше, законном наследнике, и о злом родственнике, старавшемся отнять у него то, что ему принадлежало по праву. Если бы мой дядя в глубине души не имел причины бояться меня, то зачем ему было играть комедию с пришедшим к нему бедным, почти нищим родственником?

Хотя я не признавался себе в этой мысли, она тем не менее прочно засела в моей голове, и я, по примеру дяди, стал украдкой следить за ним. Так мы сидели за столом, как кошка с мышью, пристально наблюдая друг за другом. Он больше не говорил мне ни слова, но что-то усердно соображал. И чем дольше я наблюдал за ним, тем мне становилось яснее, что он замышляет что-то враждебное мне.

Убрав посуду, он достал табаку на одну трубку; так же как

и утром, повернул стул к очагу и курил некоторое время, сидя спиной ко мне.

– Дэви, – сказал он наконец, – я вот о чем думаю... – Он остановился и еще раз повторил свои слова. – У меня есть немного денег, почти обещанных тебе еще до твоего рождения, – продолжал он, – я обещал их твоему отцу. О, без всяких формальностей, понимаешь, просто в разговоре за стаканом вина. Ну вот, я эти деньги держал отдельно – это было очень невыгодно, но что делать: обещал так обещал, и теперь эта сумма возросла ровно до... – тут он запнулся, – ровно до сорока фунтов! – Он произнес эти слова, взглядывая на меня через плечо, и потом почти с воплем прибавил: – Шотландскими деньгами!

Так как шотландский фунт равняется английскому шиллингу, то разница от этой оговорки получилась значительная. Кроме того, я видел, что вся эта история была ложью, выдуманною с какой-то целью, которую я затруднялся угадать. Поэтому я не пытался скрыть усмешку в голосе, ответив ему:

– О, припомните хорошенько, сэр! Вероятно, сорока фунтов стерлингов!<sup>2</sup>

– Я это и хотел сказать, – отвечал дядя, – сорока фунтов стерлингов! И если ты на минутку выйдешь за дверь посмотреть, что делается на дворе, я достану их и позову тебя обратно.

---

<sup>2</sup> Один фунт стерлингов содержит 20 шиллингов.

Я исполнил его желание, презрительно улыбаясь его уверенности, что меня так легко обмануть. Ночь была темная, и только несколько звезд светилось над горизонтом, и в то время, как я стоял за дверью, я услышал глухой стон ветра между холмами. Я подумал, что в воздухе чувствуется приближение грозы и перемена погоды, но не предполагал, что еще до наступления ночи это будет иметь для меня огромное значение.

Позвав меня обратно, дядя отсчитал тридцать семь золотых гиней<sup>3</sup>; остальные деньги, в мелких золотых и серебряных монетах, он держал в руках, но в последнюю минуту пожалел расстаться с ними и сунул их в карман.

– Ну вот, – сказал он, – ты видишь теперь! Я чудак и странно веду себя с чужими, но слово свое держу, и вот тебе доказательство.

Я считал своего дядю таким скупым, что онемел от его неожиданного великодушия и не мог найти слов, чтобы ему выразить свою благодарность.

– Ни слова! – сказал он. – Без благодарности, мне благодарности не надо. Я исполняю свой долг. Конечно, не всякий бы сделал это, ко мне доставляет удовольствие, хотя я и осторожный человек, отдать должное сыну моего брата. Мне приятно думать, что теперь мы поладим, как подобает таким

---

<sup>3</sup> Гиней – старинная английская золотая монета, содержащая 21 шиллинг (теперь гиней уже не чеканят, но иногда еще применяют в качестве единицы денежного счета).

близким людям.

Я отвечал ему со всей возможной учтивостью, но все время недоумевал, что будет дальше и почему он расстался со своими драгоценными гинеями: ведь даже ребенок не поверил бы его объяснениям.

Вслед за тем он опять искоса взглянул на меня.

– А теперь, – сказал он, – услуга за услугу.

Я отвечал, что готов доказать ему свою благодарность в разумной степени, и стал ждать какого-нибудь чудовищного требования. Однако, когда он, наконец, решился заговорить, то сказал только – и очень здраво, – что стареет и слабеет и надеется, что я помогу ему управляться в доме и в садике.

Я отвечал, что готов служить ему.

– Хорошо, – сказал он, – так начнем сейчас же. – Он вытащил из кармана заржавевший ключ. – Вот, – сказал он, – ключ от башни с винтовой лестницей, расположенной в конце дома. Войти в нее можно только снаружи, потому что та часть дома не достроена. Войди в башню, поднимись по лестнице и принеси мне ящик, находящийся наверху. В нем бумаги, – добавил он.

– Можно взять свечу? – спросил я.

– Нет, – ответил он с хитрым видом, – в моем доме нельзя зажигать огня.

– Прекрасно, сэр, – согласился я. – Лестница хорошая?

– Отличная лестница, – сказал он и, видя, что я ухожу, добавил: – Держись за стену, перил там нет. Но ступеньки



очень удобны.

Я вышел в темноту. Ветер стонал где-то далеко, но около дома его не чувствовалось. Было страшно темно, и я был рад, что мог идти вдоль стены до самой двери башни на краю незаконченного флигеля. Я всунул ключ в замочную скважину и едва успел повернуть его, как вдруг, без всякого ветра или грома, все небо осветилось сильной молнией и затем снова потемнело. Мне пришлось закрыть глаза рукой, чтобы опять привыкнуть к темноте, и, войдя в башню, я был еще наполовину ослеплен.

Внутри стоял такой густой мрак, что я ничего не видел, но при первом же шаге натолкнулся рукой на стену, а ногой попал на нижнюю ступеньку лестницы. Стена на ощупь оказалась сложенной из хорошего тесаного камня; ступеньки были хотя немного круты и узки, но тоже из полированного камня – ровные и прочные. Памятуя слова моего дяди об отсутствии перил, я держался за стену и с бьющимся сердцем прокладывал себе дорогу в кромешной тьме.

Шоос-гауз был вышиной около пяти этажей, не считая чердаков. Но по мере того как я поднимался, мне казалось, что в башню проникает воздух и что становится чуть-чуть светлее. Я не мог понять причины этой перемены, как вдруг опять блеснула и пропала молния. Я не закричал только потому, что страх сдавил мне горло, и только по милости неба я не упал с лестницы. При блеске молнии я увидел не только многочисленные проломы в стене, так как я словно караб-

кался вверх по открытым лесам, но и то, что ступени здесь были неравной длины и нога моя в ту минуту была в двух дюймах от пустого пространства.

«Так вот она, эта отличная лестница!» – подумал я. При этой мысли мной овладела злоба, придавшая мне храбрости. Послав меня сюда, дядя подвергнул меня ужасной опасности, быть может, смертельной. Я поклялся, что выясню это «быть может», хотя бы мне для этого пришлось сломать себе шею. Я опустил на четвереньки и медленно, как улитка, продолжал подниматься по лестнице, ощупывая впереди каждый дюйм пространства и испытывая прочность каждого камня. От контраста с молнией темнота, казалось, удвоилась, но это было не все: странный шум, производимый летучими мышами в верхней части башни, оглушал меня и сбивал с толку; кроме того, слетая вниз, эти отвратительные животные иногда задевали меня по лицу или по спине.

Надо сказать, что башня была четырехугольная. В каждом углу для соединения маршей вместо забежной площадки лежало по большому камню различной формы. Я на ощупь добрался до одного из этих поворотов, как вдруг рука моя, соскользнув с угла, очутилась в пустом пространстве: лестница дальше не шла. Хотя я благодаря молнии и своей осторожности остался жив и невредим, но при одной мысли о грозившей мне гибели и о страшной высоте, с которой я мог упасть, холодный пот выступил у меня на лбу, и я почувствовал слабость во всем теле.

Узнав теперь все, что я желал знать, я повернул обратно и ошупью стал спускаться, затаив в сердце страшную злобу. Когда я спустился до половины, ветер с шумом налетел, потрясая башню, и снова стих. Затем пошел дождь, и, прежде чем я успел добраться до низа, он уже лил как из ведра. Я выставил голову наружу и взглянул в сторону кухни. Дверь, которую, уходя, я закрыл за собой, теперь была открыта, и оттуда шел слабый луч света. Мне показалось, что я вижу какую-то фигуру, которая неподвижно стояла под дождем, точно прислушиваясь. Затем сверкнула ослепительная молния и осветила дядю, стоявшего на том самом месте, где я предполагал его видеть. И тотчас последовал сильный раскат грома.

Принял ли мой дядя раскат грома за шум моего падения или он услышал в нем глас божий, возвещавший о совершившемся преступлении, об этом я предоставляю вам догадаться самим.

Во всяком случае, достоверно то, что его охватил панический ужас, и он вбежал в дом, оставив дверь открытой. Я последовал за ним как мог осторожнее, вошел неслышно в кухню и стал наблюдать.

Он уже успел открыть угловой шкаф, вынул оттуда большой графин с водкой и теперь сидел за столом спиною ко мне. Время от времени у него делались приступы сильной дрожи, он громко стонал и, поднося графин ко рту, большими глотками пил неразбавленный спирт.

Я подошел к нему сзади и, внезапно ударив его по плечу, закричал:

– А!

Дядя испустил слабый крик, похожий на блеяние овцы, уронил руки и упал замертво. Это меня немного смутило. Но надо было прежде всего позаботиться о себе, и я, не колеблясь, оставил его лежать на полу. Ключи висели в шкафу, и я намеревался заpastись оружием, прежде чем дядя придет в чувство и приобретет снова способность замышлять зло. В шкафу было несколько бутылок, некоторые, по-видимому, с лекарством, затем много счетов и всякого рода бумаг, которые я бы охотно перерыл, будь у меня время, и другие предметы, ненужные мне в эту минуту. Я принялся за сундуки: первый был наполнен мукой, второй – мешками с деньгами и бумагами, связанными пачками; в третьем я между прочими вещами нашел заржавевший, безобразный на вид шотландский кинжал без ножен. Я засунул его себе за жилет и вернулся к дяде.

Он по-прежнему лежал там, где упал, скорчившись, с вытянутой рукой и ногой; лицо его посинело, и казалось, он перестал дышать. Я испугался, не умер ли он, принес воды и стал брызгать ему в лицо. Он начал приходить немного в себя, шевелить губами и хлопать веками. Наконец он увидел меня, и в глазах его появилось выражение смертельного страха.

– Ну, – сказал я, – попробуйте есть.

– Ты жив? – всхлипнул он. – Скажи, жив ли ты?

– Да, я жив, – отвечал я. – Не вам за это спасибо. Он стал тяжело дышать.

– Синий пузырек... – сказал он. – В шкафу синий пузырек. – Дыхание его все замедлялось.

Я подбежал к шкафу и нашел там синий пузырек с лекарством. Доза была обозначена на ярлыке, и я, насколько мог скорее, дал ему выпить.

– Это все из-за сердца, Дэви: ведь у меня прескверное сердце, – сказал он, придя немного в себя.

Я посадил его на стул и взглянул на него. Правда, мне было немного жалко такого больного человека, но во мне кипел справедливый гнев. Я задал ему несколько вопросов, на которые желал получить ответ: зачем он мне лгал на каждом слове? Отчего он боялся, чтобы я не ушел от него? Отчего он не переносил намека на то, что он и мой отец были близнецами? Оттого ли, что это правда? Зачем он дал мне деньги, которые, наверное, я не имел права требовать? И, наконец, зачем он пытался погубить меня? Он слушал молча, потом разбитым голосом попросил меня позволить ему лечь в постель.

– Я завтра расскажу тебе все, – сказал он, – ей-богу, расскажу.

Он был так слаб, что я не мог не выполнить его просьбу, однако запер его в комнате и спрятал ключ в карман. Затем, вернувшись на кухню, развел такой огонь, какого здесь, ве-

роятно, не бывало уже много лет, закутался в плед, улегся на сундуках и заснул.

## V. Я иду в Куинзферри

Ночью шел сильный дождь, а на другой день дул резкий северо-западный ветер, гнавший рассеянные облака. Несмотря на это, я до восхода солнца, пока еще не исчезли последние звезды, пошел на берег быстрого глубокого ручья и искупался. Тело мое еще горело от купания, когда я снова уселся у очага и, подбросив дров, начал серьезно раздумывать о своем положении.

Теперь не было никакого сомнения, что дядя мне враг. Не было сомнения, что я сам должен оберегать свою жизнь, а он сделает все возможное, чтобы погубить меня. Но я был молод, отважен и, как большинство молодых людей, воспитанных в деревне, очень много воображал о своей проницательности. Я пришел в его дом почти нищим и едва выйдя из детского возраста; он встретил меня предательством и насилием. Хорошо было бы прибрать его к рукам и управлять им, как стадом овец.

Я обхватил колено руками и, улыбаясь, смотрел в огонь. Воображение рисовало мне, как я мало-помалу открываю одну за другой тайны моего дяди и становлюсь его повелителем. Говорят, что иссендинский колдун смастерил зеркало, в котором можно было читать будущее. Оно, должно быть, было сделано не из горящих углей, потому что среди образов и картин, рисовавшихся мне, не было ни корабля, ни моря-

ка в мохнатой шапке, ни дубины для моей глупой головы, ни малейшего намека на те напасти, которые вскоре обрушились на меня.

Теперь же я, очень довольный собой, пошел наверх и освободил своего пленника. Он учтиво пожелал мне доброго утра, и я ответил ему тем же, улыбаясь с высоты своего величия. Вскоре мы сидели за завтраком так же, как накануне.

– Ну, сэр, – сказал я язвительным тоном, – что вы имеете мне сказать? – Не получив членораздельного ответа, я продолжал: – Я думаю, что нам пора понять друг друга. Вы принимали меня за деревенского простофилю, у которого ума и храбрости не больше, чем у деревяшки. Я считал, что вы хороший человек или, во всяком случае, не хуже других. Оказывается, что мы оба ошиблись. Что вас заставило бояться меня, обманывать меня, покушаться на мою жизнь?

Он пробормотал что-то про шутку и что он любит посмеяться. Затем, видя, что я улыбаюсь, переменял тон и стал уверять, что он все объяснит мне после завтрака. Я видел по его лицу, что он хотя и старался, но не успел еще придумать новой лжи, и хотел сказать ему это, когда нас прервал стук в дверь.

Приказав моему дяде оставаться на месте, я отворил дверь и заметил на пороге подростка в матросском костюме. Едва он увидел меня, как начал, прищелкивая пальцами и притопывая в такт, выплясывать матросский танец, о котором я до сих пор не имел никакого представления. При этом



он посинел от холода, и в его лице было какое-то жалкое выражение, нечто среднее между смехом и слезами, плохо вя-  
завшееся с его веселыми манерами.

– Что хорошего, браток? – спросил он хриплым голосом.  
Я степенно осведомился, по какому делу он пришел.

– Дело? – переспросил он. – Мое дело – забава, – и начал  
петь:

В этом мое наслаждение в светлую ночь,  
В лучшее время года.

– Хорошо, – сказал я, – если у тебя нет никакого дела, я  
буду так невежлив, что запру перед тобою дверь.

– Подождите! – закричал он. – Неужели вы не любите по-  
шутить? Или вы хотите, чтобы меня поколотили? Я принес  
письмо от старого Хизи-ози господину Бальфуру. – При этих  
словах он показал мне письмо. – А затем, браток, – прибавил  
он, – я смертельно проголодался.

– Хорошо, – сказал я, – войди в дом, и я отдам тебе свой  
завтрак.

С этими словами я провел его в дом и усадил на свое ме-  
сто. Он с жадностью накинулся на остатки завтрака, время  
от времени кивая мне и делая всевозможные гримасы: бед-  
няжка, очевидно, считал это очень благородным обращени-  
ем. Тем временем мой дядя успел прочесть письмо и сидел  
задумавшись; потом вдруг встал и с живостью потащил меня

в самый отдаленный угол комнаты.

– Прочти это, – сказал он и сунул мне в руки письмо. Оно и теперь лежит передо мной.

*Гостиница «В боярышнике», Куинзферри.*

*Сэр, я стою здесь на якоре и посылаю своего юнгу уведомить вас об этом. Если вы имеете что-либо заказать за морем, то завтра представится последний случай, так как ветер будет благоприятствовать нашему выходу из залива. Не скрою от вас, что у меня были неприятности с вашим поверенным, м-ром Ранкэйлором; и если дело не будет быстро приведено в порядок, то вас могут ожидать некоторые убытки. Я выписал вам счет, согласно записей в книге, и остаюсь вашим покорным слугой.*

*Элиасом Хозизеном.*

– Видишь ли, Дэви, – объяснил мне дядя, как только я прочел письмо, – у меня есть дела с этим Хозизеном, капитаном торгового судна «Конвент» из Дайзерта. Если бы мы оба пошли теперь с этим мальчишкой, мы могли бы повидаться с капитаном или в гостинице, или, если понадобится подписать какие-нибудь бумаги, на самом «Конвенте». А чтобы не терять времени, мы можем пойти к стряпчему, мистеру Ранкэйлору. После того, что случилось, ты не захочешь верить мне на слово, но ты можешь поверить Ранкэйлору. Это старый и весьма уважаемый человек, поверенный доброй половины здешних дворян. Он знал и твоего отца.

Я некоторое время размышлял. Меня хотели повести в

порт, где, без сомнения, много народу и мой дядя не сможет причинить мне ничего дурного. Кроме того, меня предохраняло и присутствие юнги. Раз мы будем там, я сумею настоять на визите к стряпчему, даже если мой дядя теперь и неискренне предлагает это. А может быть, мне просто хотелось в глубине души увидеть вблизи море и корабли, – вы должны помнить, что я всю жизнь провел среди холмов внутри страны и только два дня назад в первый раз увидел залив, расстилавшийся предо мной, как синяя пелена, по которой двигались парусные суда, казавшиеся игрушечными. Все это вместе заставило меня согласиться.

– Отлично, – сказал я, – пойдём в Куинзферри.

Мой дядя надел шляпу, кафтан и пристегнул к нему старый заржавевший кинжал. Затем мы потушили огонь, заперли дверь на замок и отправились в путь.

Холодный северо-западный ветер дул нам почти прямо в лицо. Был июнь. Трава пестрела маргаритками, деревья были в цвету, но, судя по нашим посиневшим ногтям и боли в руках, можно было подумать, что теперь зима и все осыпано снегом.

Дядя Эбенезер плелся по дороге, качаясь из стороны в сторону, как старый пахарь, возвращающийся с работы. За всю дорогу он не сказал ни слова, и мне оставалось только разговаривать с юнгой. Мальчик рассказал мне, что зовут его Рэнсом, что он плавает с девятилетнего возраста, а теперь уже потерял счет своим годам. Несмотря на сильный встреч-

ный ветер и на мои увещевания, он обнажил свою грудь, чтобы показать мне татуировку. Он чудовищно ругался, сквернословил по любому поводу, но делал это скорее как глупый школьник, чем взрослый человек, и бахвалился разными дикими и дурными поступками, которые будто бы совершил – тайными кражами, ложными обвинениями, даже убийством, – по все это сопровождалось такими неправдоподобными подробностями и такой дурацкой болтовней, что слова его внушали скорее жалость, чем доверие.

Я спросил его про бриг (он объявил, что это лучшее судно, которое когда-либо плавало) и про капитана Хозизена, которого он также горячо расхваливал. Хози-ози (так он продолжал называть шкипера) был, по его словам, человек, которому все нипочем, как на земле, так и на небе: человек, который не побоится и Страшного суда, – грубый, вспыльчивый, бессовестный и жестокий. И этими качествами бедный юнга привык восхищаться, как чем-то присущим мужчине. Он видел только одно пятно на своем кумире: Хози-ози не моряк, говорил он, и бригом управляет его помощник, мистер Шуэн, который был бы лучшим моряком в торговом флоте, если бы не пил.

– Я в этом уверен, – прибавил он. – Посмотрите-ка, – и отвернул чулок: он показал мне большую открытую рану, при виде которой кровь похолодела у меня в жилах. – Это он сделал, это сделал мистер Шуэн, – сказал он с гордостью.

– Как, – воскликнул я, – и ты позволяешь ему так бесче-

ловечно обращаться, с тобой! Ведь ты не раб, чтобы терпеть такое обращение.

– Нет, – сказал дурачок, сразу меняя тон, – и я ему докажу это! Посмотрите. – И он показал мне большой нож, который, как он говорил, где-то украл. – О! – продолжал он. – Пускай попробует! Я ему задам! Мне не впервой! – И он подкрепил свои слова глупой, безобразной божбой.

Я никогда никого так не жалел, как этого полоумного мальчугана, и мне стало представляться, что бриг «Конвент» немногим лучше плавучего ада.

– Разве у тебя нет родственников? – спросил я. Он отвечал, что у него был отец в каком-то английском порту, название которого я забыл.

– Он был хороший человек, – сказал он, – но он умер.

– Боже мой! – воскликнул я. – Но разве ты не можешь найти себе честное занятие на суше?

– О нет! – сказал он, хитро подмигивая. – Меня бы отдали в ремесло. Знаю я эту штуку.

Я спросил, какое ремесло хуже того, которым он теперь занимается, подвергая свою жизнь постоянной опасности не только из-за ветра и моря, но и из-за ужасной жестокости его начальников. Он согласился со мной, сказав, что все это правда, но потом начал расхваливать свою жизнь, рассказывая, как приятно высаживаться на берег с деньгами в кармане и тратить их, как подобает мужчине, – покупать яблоки, хвастаться и удивлять уличных мальчишек.

– И потом, мне вовсе уж не так плохо, – уверял он, – другим «двадцатифунтовым» приходится еще хуже. Боже мой, вы бы посмотрели, как им тяжело! Я видел человека ваших лет, – ему я казался старым – о, у него была борода! Ну, и как только мы выехали из реки и он протрезвел, боже мой, как он стал реветь! Уж и посмеялся я над ним! А потом еще малыши – они маленькие даже по сравнению со мной! Я держу их в строгости, уверяю вас. Когда мы возим ребят, у меня есть своя плетка стегать их!

И он продолжал в том же роде, пока я не догадался, что под «двадцатифунтовыми» он подразумевал несчастных преступников, которых отправляли в Северную Америку в рабство, или еще более несчастных детей, которых похищали или заманивали обманом (как о том рассказывали) ради выгоды или из мести.

В это время мы подошли к вершине холма и взглянули вниз на Куинзферри и долину. Фортский залив, как известно, в этом месте суживается до ширины большой реки, которая, направляясь к северу, представляет удобное место для перевоза, а верхняя излучина ее образует закрытую гавань для всякого рода судов. Как раз посреди узкой части гавани находится островок, а на нем – развалины; на южном берегу для надобностей перевоза был устроен мол, а на дороге по другую сторону мола высилось здание гостиницы «В боярышнике», окруженное живописным садиком с боярышником и остролистами.

Самый город Куинзферри лежит дальше к западу, и вокруг гостиницы в это время дня было довольно пустынно, так как паром с пассажирами только что отплыл к северу. Однако около мола покачивалась лодка с несколькими матросами, которые спали на скамейках. По словам Рэнсома, это была шлюпка с брига, ожидавшая капитана, а на расстоянии полумили от нее одиноко стоял на якоре «Конвент». На борту его были заметны приготовления к отплытию: реи водворялись на места; и, так как ветер дул с той стороны, я мог слышать пение матросов, тащивших канаты. После того, что я узнал дорогой, я смотрел на этот корабль с крайним отвращением и до глубины души жалел несчастных, которые должны были плыть на нем.

Когда мы все трое поднялись на вершину холма, я обратился к дяде.

– Считаю нужным заявить вам, сэр, – сказал я, – что меня ничто не заставит взойти на борт «Конвента».

Он как будто пробудился от сна.

– Э, – спросил он, – что такое?

Я повторил свои слова.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – придется сделать по-твоему. Но что же мы стоим? Здесь страшно холодно, и, если не ошибаюсь, «Конвент» снаряжается в путь.

## VI. Что случилось в Куинзферри

Как только мы пришли в гостиницу, Рэнсом поднялся с нами по лестнице в маленькую комнату с кроватью. Угли, пылавшие ярким пламенем в камине, нагрели комнату до температуры обжигательной печи. За столом у камина сидел высокий, смуглый, степенного вида человек и писал. Несмотря на жару, на нем была толстая морская куртка, наглухо застегнутая, и большая мохнатая шапка, надвинутая на уши. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь, даже судья при разборе дела, проявлял столько спокойствия и самообладания, как этот капитан.

Он тотчас же встал навстречу Эбенезеру и подал ему свою большую руку.

– Я весьма польщен вашим посещением, мистер Бальфур, – сказал он красивым низким голосом, – и рад, что вы пришли вовремя... Ветер попутный, и скоро качнется отлив. Мы еще до наступления ночи увидим огни на острове Мэй.

– Капитан Хозизен, – отвечал мой дядя, – у вас ужасно жарко в комнате.

– Такова моя привычка, мистер Бальфур, – сказал шкипер. – Я по природе человек холодный, у меня кровь холодная, сэр. Ни мех, ни фланель, ни даже горячий ром, сэр, не могут поднять моей температуры. Такое, сэр, бывает у большинства людей, обожженных, как говорится, жаром тропи-



ческих морей.

– Да, да, капитан, – отвечал мой дядя, – природы своей не изменишь.

Но случилось так, что эта привычка капитана сыграла большую роль в моих несчастьях. Хотя я и дал себе слово не спускать глаз со своего родственника, но мне не терпелось скорее взглянуть на море, и я так дурно почувствовал себя в душевной комнате, что, когда дядя предложил мне спуститься вниз и немного прогуляться, я был настолько глуп, что воспользовался его предложением.

Я ушел, оставив обоих за бутылкой и большой кипой бумаг. Перейдя дорогу против гостиницы, я спустился к берегу. При настоящем направлении ветра до берега достигали только маленькие волны, немногим больше, чем бывают на озере. Но здесь росли травы, незнакомые мне: одни зеленые, другие коричневые и длинные, третьи – покрытые пузырьками, которые трещали в моих руках. И даже так далеко в заливе чувствовался резко соленый, возбуждающий запах морской воды. «Конвент» начинал разворачивать паруса, повисшие на реях... И все это навело меня на мысль о дальних путешествиях и чужих странах.

Я разглядывал и матросов в лодке, высоких и загорелых парней; некоторые были в рубашках, другие в куртках, а иные с цветными платками на шее; у одного торчала из карманов пара пистолетов, у двоих были узловатые палки, и у всех – ножи. Я заговорил с одним из них, выглядевшим не

таким отчаянным, как его товарищи, и спросил его, когда отправится бриг. Он ответил, что корабль двинется в путь с отливом, и порадовался тому, что они уйдут из порта, где нет ни трактиров, ни музыкантов; свои слова он сопровождал такой ужасающей бранью, что я поспешил отойти от него.

Я вспомнил о Рэнсоне, который показался мне все-таки лучшим из всей этой шайки. Он вскоре появился и сам и, подбежав ко мне, потребовал стакан пунша. Я сказал, что этого он не получит, потому что оба мы слишком молоды для такого баловства.

– Но я могу предложить тебе стакан эля.

Он начал гримасничать, кривляться и всячески поносить меня, но все-таки с радостью согласился выпить эля. И вскоре мы, усевшись за стол в передней комнате гостиницы, стали есть и пить с большим аппетитом.

Мне пришло на ум, что не мешало бы завести дружбу с хозяином гостиницы, здешним уроженцем, и я пригласил его присоединиться к нам, как водилось в те времена, но он был слишком важен, чтобы сидеть с такими незначительными гостями, как Рэнсом и я. Он уже собирался выйти из комнаты, но я остановил его и спросил, знает ли он мистера Ранкэйлора.

– Конечно, – ответил хозяин, – это весьма почтенный человек. И кстати, – продолжал он, – это вы пришли с Эбене-зером?

Когда я сказал ему «да», он спросил:

– Вы не друг ли ему? – подразумевая, по шотландской манере, не родственник ли я ему.

Я отвечал, что нет.

– Я так и думал, – сказал хозяин, – а между тем у вас во взгляде есть что-то похожее на мистера Александра.

Я заметил, что Эбenezера здесь, кажется, недолюбливают.

– Без сомнения, – отвечал хозяин, – он злой старик, и многие желали бы его видеть в петле, например Дженет Клоустон и все, кого он разорил дотла. А между тем раньше он тоже был славным малым, до того как распространился слух о мистере Александре. С тех пор он стал совсем другим человеком.

– Что это был за слух? – спросил я.

– Да будто он убил его, – сказал хозяин. – Разве вы не слышали?

– Зачем же ему было убивать его? – спросил я.

– Зачем же, как не затем, чтобы получить имение, – сказал он.

– Имение? – спросил я. – Шоос?

– Конечно, какое же другое? – сказал он.

– О, – заметил я, – это правда? Разве мой... разве Александр был старшим сыном?

– Разумеется, – сказал хозяин. – Иначе зачем бы Эбenezеру было убивать его?

С этими словами он ушел, что, впрочем, порывался сделать с самого начала.

Положим, я уже давно об этом догадывался, но одно дело догадываться, а другое – знать наверное. Я сидел пораженный своей удачей и едва мог поверить, что тот самый бедняк, который два дня тому назад шагал по пыли из Эттрикского леса, теперь попал в богачи, что ему принадлежат дом и обширные земли и он мог бы завтра же вступить во владения ими, если бы знал, как приняться за это. Тысячи подобных приятных мыслей толпились в моей голове, пока я сидел у окна гостиницы, не обращая внимания на то, что было у меня перед глазами. Помню только, что взгляд мой остановился на капитане Хозизене, стоявшем на молу и отдававшим какие-то приказания своим матросам. Вскоре он уже шагал обратно по направлению к дому. В нем не замечалось неловкости, свойственной морякам на суше: его высокая красивая фигура была мужественна, а лицо выражало прежнее спокойствие и серьезность. Я спрашивал себя, может ли быть, чтобы Рэнсом говорил правду, и почти не верил ему, так мало рассказы его соответствовали наружности этого человека. На самом же деле он не был ни таким хорошим, как я предполагал, ни таким дурным, каким считал его Рэнсом: в нем уживались два человека, и лучший из них исчезал, как только капитан вступал на борт своего судна.

Вскоре я услышал, что дядя зовет меня, и нашел их обоих на дороге. Капитан заговорил со мной серьезно, как с равным, что всегда очень лестно для юноши.

– Сэр, – сказал он, – мистер Бальфур очень хвалит вас,

да и мне лично вы очень нравитесь. Я бы желал остаться здесь дольше, чтобы мы могли хорошенько познакомиться. Постараемся же воспользоваться тем временем, которое у нас остается. Придите на полчаса ко мне на бриг, до наступления отлива, и мы разопьем вместе бутылочку вина.

Нельзя выразить словами, как мне хотелось посмотреть на внутреннее устройство судна, но я не желал подвергаться опасности и сказал, что условился пойти с дядей к стряпчему.

– Да, да, – сказал Хозизен, – он говорил мне об этом. Но лодка высадит вас на берег у городского мола, а это в двух шагах от дома Ранкэйлора. – Он внезапно нагнулся и шепнул мне на ухо: – Берегитесь старой лисы: он замышляет недоброе. Едемте на корабль, чтобы мне можно было переговорить с вами. – Затем, взяв меня под руку, он продолжал громко, направляясь к лодке: – Что же мне привезти вам из штатов Каролины? Друг мистера Бальфура может приказывать мне. Табак, индейские перья, мех дикого зверя, пенковую трубку, дрозда-пересмешника, который мяукает, точно кошка, или красного, как кровь, американского зяблика? Выбирайте и скажите, что вам угодно.

В это время мы подошли к лодке, и он ввел меня в нее. Я и не пробовал сопротивляться: я думал – безумец! – что нашел доброго друга и помощника, и радовался, что увижу бриг. Как только мы уселись в лодку, ее оттолкнули от мола. Я был так восхищен новизной этого переезда, так заинтере-

совался видом берегов и брига, выраставшего по мере того, как мы к нему приближались, и тем, что мы сидели так низко над водой, что едва понимал слова капитана и отвечал ему наобум.

Как только мы подошли к борту брига (я сидел разинув рот, изумленный вышиной судна, шумом волн, ударявшихся о его борта, и оживленными возгласами матросов за работой), Хозизен объявил, что мы оба должны первыми взойти на корабль, и приказал спустить с грот-рея тали. Меня поспешно подняли на воздух и опустили на палубу, где капитан уже дожидался и сейчас же снова взял меня под руку. Так я стоял некоторое время, чувствуя небольшое головокружение, может быть, даже некоторый страх оттого, что все вокруг колебалось. Но все-таки мне нравились все эти новые для меня предметы; капитан обращал мое внимание на самые причудливые из них, называл их и рассказывал, для чего они предназначены.

– А где же дядя? – вдруг спросил я.

– Да, – сказал Хозизен, принимая вдруг свирепый вид, – в этом-то и вопрос.

Я понял, что погиб. Собрав все силы, я вырвался от него и подбежал к борту. Увидев лодку, направлявшуюся к городу, и дядю, сидевшего на корме, я испустил пронзительный крик: «Помогите, помогите, убивают!», огласивший обе стороны гавани. Дядя мой повернулся на своем месте, и я встретил его искаженный злобой и ужасом взгляд.

Это было последнее, что я заметил. Сильные руки оттащили меня от борта. И вдруг точно ударила молния... Я увидел вспышку света и упал без чувств.

## **VII. Я уйду в море на «Конвенте» из Дайзерта**

Я пришел в себя в темноте и почувствовал сильную боль во всем теле; руки и ноги мои были связаны, и множество незнакомых звуков оглушало меня. Слышался рев воды, точно у громадной мельничной плотины, раздавались тяжелые удары волн, страшный шум парусов и резкие крики матросов. Все кругом то поднималось с головокружительной быстротой, то так же быстро опускалось, а я сам был так разбит и чувствовал себя так плохо, что не мог отдать себе ясного отчета в своем положении. Мысли в беспорядке толпились в моем мозгу, пока я наконец не догадался, что лежу связанный где-то внутри этого злосчастливого брига и что ветер, должно быть, усилился и начался шторм. Вместе с сознанием своего положения мною овладело мрачное отчаяние, раскаяние в своем безрассудстве и безумный гнев на моего дядю... И я еще раз лишился чувств.

Когда я снова пришел в себя, тот же рев, те же беспорядочные и сильные толчки продолжали оглушать и трясти меня. Но к моим страданиям присоединилась еще болезнь непривычного к морю человека. В дни моей юности, полной приключений, я перенес много испытаний, но ни одно из них не было так ужасно для души и тела, не было так безотраднo,



как мои первые часы на бриге.

Я услышал пушечный выстрел и подумал, что, вероятно, мы не можем справиться со штормом и подаем сигналы о помощи. Мысль об освобождении, хотя бы ценой смерти в глубине океана, обрадовала меня. Но я ошибся. Мне после сказали, что то было всегдашнее обыкновение капитана, и я рассказываю об этом, желая показать, что и худшие из людей имеют свои хорошие стороны. Оказалось, что мы проходили тогда в нескольких милях от Дайзерта, где был выстроен бриг и где несколько лет назад поселилась старая миссис Хозизен, мать капитана. И куда бы ни направлялся «Конвент», домой или в плавание, он никогда не проходил днем мимо этого места, не салютовав из пушки и не вывесив флага.

Я потерял счет времени: день не отличался от ночи в той вонючей конуре внутри корабля, где я лежал, а часы тянулись вдвое дольше обычного, потому что положение мое было безнадежно. У меня нет возможности вычислить, сколько времени я лежал, ожидая, что корабль разобьется в щепки о какой-нибудь утес или погрузится носом вперед в глубину океана. Но сон под конец лишил меня сознания моего несчастья.

Меня разбудил свет ручного фонаря, направленного мне в лицо. Небольшого роста человек, лет тридцати, с зелеными глазами и спутанными волосами, смотрел на меня.

– Ну, – спросил он, – как дела?

Я ответил ему рыданием. Он пощупал у меня пульс и вис-

ки, а потом обмыл и перевязал рану на моей голове.

– Да, – сказал он, – удар был жестокий. Ничего, ободрись! Еще не настал конец света. Ты неудачно начал, но можешь еще поправиться. Ел ты что-нибудь?

Я сказал, что не могу и смотреть на еду. Тогда он дал мне выпить из жестяной чашки коньяку с водой и оставил меня одного.

Когда он пришел еще раз, то нашел меня в состоянии, среднем между сном и бодрствованием. Глаза мои были широко раскрыты, морская болезнь уже прошла, но оставались страшная слабость и головокружение, которые, пожалуй, были еще мучительнее. Кроме того, у меня по-прежнему болело все тело, а веревки, связывавшие меня, казались мне огненными. Отвратительный воздух конуры, в которой я лежал, казалось, стал частью меня самого. Во время его долгого отсутствия меня терзали то бесцеремонные крысы, которые иногда задевали меня по лицу, то ужасные картины, рисовавшиеся в моем лихорадочном воображении.

Когда подняли трап, свет фонаря показался мне солнечным лучом, упавшим с неба; и хотя он осветил только крепкие темные стенки корабля, служившего мне тюрьмой, я готов был закричать от радости. Первым спустился ко мне по лестнице человек с зелеными глазами, и я заметил, что он двигался довольно неуверенно. За ним следовал капитан. Оба не произнесли ни слова, но первый стал осматривать меня и опять перевязал мою рану, а капитан бросил на меня

какой-то странный, мрачный взгляд.

– Вы сами видите, сэр, – сказал первый, – сильный жар, потеря аппетита, а здесь нет ни света, ни пищи... Вы сами понимаете, что это значит.

– Я не волшебник, мистер Райэч, – сказал капитан.

– Позвольте, сэр, – сказал мистер Райэч, – у вас хорошая голова на плечах, и за словом вы в карман не полезете. Но вам нечего сказать в свое оправдание, и я хочу, чтобы мальчика взяли из этой конуры и перенесли на бак.

– Ваши желания могут остаться при вас, – ответил капитан, – и я скажу вам, что будет. Где он лежит, там и останется.

– Допустим, что вам как следует заплатили, – сказал другой, – но осмелюсь почтительнейше заявить, что я-то ничего не получил. Я получаю, и не слишком много, за то, что исправляю должность помощника капитана этой старой посуды. И вы сами знаете, что я стараюсь не получать даром денег. Больше мне ни за что не платили.

– Если бы вы только воздерживались от фляжки, мистер Райэч, я не имел бы основания жаловаться на вас, – отвечал шкипер, – но, вместо того чтобы говорить загадками, я осмелюсь посоветовать вам приберечь свою энергию для более важного случая. Мы можем понадобится наверху, – прибавил он более резким тоном и занес одну ногу на лестницу.

Мистер Райэч поймал его за рукав.

– Допустим, что вам заплатили за убийство, – начал он. Хозизен, вспыхнув, повернулся к нему.

– Что такое? – закричал он. – Это что за разговоры?

– Мне кажется, это тот разговор, который вы лучше всего понимаете, – отвечал мистер Райэч, глядя ему прямо в лицо.

– Мистер Райэч, я был с вами в плавании три раза, – отвечал капитан. – За это время, сэр, вам следовало бы узнать меня: я жестокий и непреклонный человек, но то, что вы только что сказали – стыдитесь! – доказывает, что у вас злое сердце и гнусная совесть. Если вы думаете, что мальчишка умрет...

– Умрет! – ответил мистер Райэч.

– Ну, сэр, довольно с вас, – сказал Хозизен. – Тащите его куда хотите.

С этими словами капитан стал подниматься по лестнице. Я лежал молча во время их странного разговора и потом увидел, как мистер Райэч повернулся вслед Хозизену и поклонился ему чуть ли не до земли, очевидно в насмешку. Несмотря на свою болезнь, я заметил, во-первых, что помощник был пьян, как сказал капитан, а во-вторых, что он (в пьяном и трезвом виде) мог быть другом.

Через пять минут веревки на мне были перерезаны, меня подняли на чью-то спину, отнесли на бак и положили на деревянную скамью на кучу одеял. И я тут же лишился чувств.

Какое блаженство открыть глаза при дневном свете и увидеть, что находишься в обществе людей! Каюта на баке была довольно большая; вдоль стен ее тянулись койки, на которых сидели и курили или же спали матросы, свободные от вахты. День был тихий, с теплым ветром, и поэтому люк был

открыт. В каюту попадал не только дневной свет, но время от времени, при поворотах корабля, и пыльный солнечный луч, ослеплявший и восхищавший меня. К тому же, как только я пошевелинулся, один из матросов принес мне какое-то целебное питье, составленное мистером Райэчем, и велел лежать смирно, говоря, что тогда только я скоро поправлюсь.

– У тебя ничего не сломано, – объяснил он, – а рана на голове – пустяки. Это я ударил тебя, – прибавил он.

На баке я пролежал долгие дни под неусыпным надзором и не только поправился, но и познакомился со своими товарищами. Это было сборище грубых людей. Оторванные от всего, что в жизни есть самого лучшего, матросы обречены были вместе качаться на бурных волнах под командой не менее грубого начальства. Одни из них прежде плавали с пиратами и видали дела, о которых и говорить совестно. Другие сбежали с королевских судов и были приговорены к виселице, чего они ничуть не скрывали, и все они при удобном случае готовы были вступить в рукопашную со своими лучшими друзьями. Но после того как я провел с ними несколько дней, мне стало стыдно моего первоначального суждения о них и того, что я поспешил уйти от них на молу в Куинзферри, точно они были нечистые животные. Нет людей совершенно дурных: у каждого есть свои достоинства и недостатки, и мои товарищи по плаванию не были исключением из этого правила. Правда, они отличались грубостью и были, по всей вероятности, дурные люди, по и у них замечались хорошие

черты. Иногда они бывали очень добры, наивны, как деревенские парни, похожие на меня, и удивлявшие проблесками своей честности.

Один из них, человек лет сорока, часами просиживал у моей койки, рассказывая мне о своей жене и детях. Он был рыбаком, но лишился лодки, и это заставило его отправиться в открытое море. С тех пор прошло уже много лет, но я не забыл его. Жена – он говорил, что сравнительно с ним она была молода, – напрасно ждала его возвращения: он никогда больше не будет разводить по утрам ей огонь и нянчить ребенка, если она заболеет. В действительности, как показало будущее, многие из этих бедняков совершали свое последнее плавание: их поглотило потом море и акулы. А о мертвых не следует говорить дурное... Среди прочих их добрых дел было и то, что они возвратили мне деньги, которые сначала разделили между собой, и, хотя они уменьшились почти на целую треть, я все-таки очень обрадовался им в надежде, что они пригодятся мне в стране, куда я плыл. Бриг направлялся к Каролине, и вы не должны думать, что я ехал туда только в качестве изгнанника. Хотя торговля людьми уже и тогда была значительно ограничена, а с тех пор, после восстания колоний и образования Соединенных Штатов, понятно, совсем пришла к концу, но в дни моей юности белых людей еще продавали в рабство на плантации, и к этой-то участи приговорил меня злой дядя.

Юнга Рэнсом, от которого я впервые узнал обо всех этих

ужасах, время от времени выходил из капитанской каюты, где он спал и прислуживал, и то безмолвно покназывал на следы нанесенных ему побоев, то проклинал жестокого мистера Шуэна. Сердце мое обливалось кровью при этом, но матросы относились с глубоким почтением к старшему помощнику капитана, который, как они говорили, был «единственным моряком во всей компании и вовсе не дурным человеком, когда бывал трезв». Действительно, я заметил странные особенности у наших обоих помощников: мистер Райэч бывал не в духе, груб и резок в трезвом состоянии, а мистер Шуэн и мухи не мог обидеть, пока не напьется. Я спросил про капитана, но мне сказали, что этот железный человек не меняется от выпивки.

Я старался как можно лучше использовать малое время, имевшееся в моем распоряжении, чтобы сделать из несчастного Рэнсома что-нибудь похожее на человека или, вернее, на мальчика. Но разум его с трудом можно было назвать человеческим. Из всего того, что предшествовало его поступлению на корабль, он помнил лишь, что отец его делал часы и что в гостиной у них висел скворец, насвистывавший песню «Северная страна». Все остальное стерлось из его памяти за годы тяжелой работы и грубого обращения с ним. У него были странные понятия о суше, составившиеся на основании рассказов матросов; по его мнению, это было место, где мальчиков отдавали в рабство, которое называлось ремеслом, где учеников постоянно колотили и заключали в

смердные тюрьмы. В городе он почти каждого встречного принимал за обманщика, расставляющего людям ловушки, а половину домов – за притоны, где матросов отравляют и убивают. Я, конечно, рассказывал Рэнсому, как хорошо со мной обращались на суше, которой он так боялся, и о моих родителях, и о друзьях, и о том, как сытно меня кормили и тщательно обучали.

Если случалось, что его перед тем били, он горько плакал и клялся, что сбежит, но когда он бывал в своем обыкновенном сумасшедшем настроении или – еще того чаще – когда он выпивал стакан водки в каюте, то поднимал меня на смех.

Его учил пить мистер Райэч – да простит ему бог! – и, без сомнения, с добрым намерением. Не говоря уже о том, что спирт разрушал здоровье мальчика, вид этого несчастного, одинокого ребенка, который покачивался, приплясывал и болтал бог весть что, был достоин жалости.

Некоторые матросы смеялись, глядя на него, но не все; другие становились мрачнее тучи (думая, вероятно, о собственном детстве и о своих детях), приказывая ему бросить эти глупости и подумать о том, что он делает. Что же касается меня, то мне было совестно смотреть на него, и теперь еще я часто вижу во сне этого несчастного ребенка.

Надо заметить, что ветер был все время противный, а встречное течение бросало «Конвент» то вверх, то вниз так, что люк был почти постоянно закрыт, и наша каюта освещалась только фонарем, висевшим на перекладине. Работы



всегда было много для всех: паруса приходилось то ставить, то убавлять каждую минуту. Напряжение отзывалось на настроении команды: целый день, с утра и до вечера, слышался шум ссор. А так как мне не позволяли ступить на палубу, то вы можете себе представить, как надоела мне эта жизнь и с каким нетерпением я ждал перемены...

Перемена эта произошла, как вы сейчас услышите, но прежде я должен рассказать о разговоре своем с мистером Райэчем, который придал мне немного бодрости в моих бедствиях. Поймав его в легкой стадии опьянения (в трезвом виде он никогда не заглядывал ко мне), я взял с него слово хранить мою тайну и рассказал ему свою историю.

Он объявил, что мой рассказ похож на балладу, но обещал сделать все возможное, чтобы помочь мне. Он велел мне достать бумагу, перо и чернила, чтобы я написал мистеру Кемпбеллу и мистеру Ранкэйлору, и уверял, что если я говорю правду, то с их помощью почти наверняка сумеет выручить меня из опасности и восстановить в правах.

– А пока, – сказал он, – не падай духом. Не с тобой первым это случается, поверь мне. Великое множество людей, возделывающих за морем табак, должны были бы садиться на лошадь у дверей собственного дома. Жизнь, в лучшем случае, полна неожиданных перемен. Посмотри на меня: я сын лорда, почти выдержал экзамен на доктора, а вот служу помощником у Хозизена!

Я из вежливости спросил про его историю.

Он громко свистнул.

– У меня ее никогда не было, – сказал он. – Я люблю пошутить, вот и все. – С этими словами он выскочил из каюты.

## VIII. Капитанская каюта

Однажды вечером, около девяти часов, матрос, бывший на вахте с мистером Райэчем, спустился вниз за курткой. Вслед за ним по баку распространилась весть, что Шуэн наконец доконал его. Не было надобности называть имя: мы все знали, о ком шла речь. Едва успели мы освоиться с этой новостью и поговорить о ней, как люк снова открылся, и теперь уже капитан Хозизен спустился к нам по лестнице. Он пристально осмотрел койки при мерцающем свете фонаря, затем, подойдя прямо ко мне, заговорил, к моему удивлению, довольно ласково.

– Ты нужен нам, любезный, – сказал он, – чтобы прислуживать в каюте. Ты обменяешься местами с Рэнсомом. Ступай скорей!

Пока он говорил, в люке появилось двое матросов с Рэнсомом на руках. В эту минуту корабль сильно нырнул, фонарь заколебался, и свет его упал прямо на мальчика: на его побелевшем как воск лице застыла ужасная улыбка. Кровь во мне похолодела и дыхание остановилось, точно меня поразили удар.

– Ступай на кормовую часть! Ступай скорей! – закричал Хозизен.

И я, прошмыгнув мимо матросов и безмолвного, неподвижного мальчика, взбежал по лестнице на палубу.

Корабль быстро прорезал длинную волну с белым гребнем. Она наваливалась на него с правого галса, а с левой стороны я мог видеть яркий солнечный закат под дугообразным основанием фок-сейла. В ночной час это чрезвычайно удивило меня, но я знал слишком мало, чтобы вывести верное заключение, что мы обходили с севера Шотландию и находились теперь в открытом море между Оркнейскими и Шотландскими островами, избегнув опасных течений Пентландской бухты. Проведя столько времени в потемках и ничего не зная о противных ветрах, я вообразил, что мы уже прошли полпути или даже более по Атлантическому океану. И, удивившись позднему закату, я сейчас же перестал думать об этом, прыгая с палубы на палубу, пробегая между парусами, хватаясь за канаты, и упал бы, если бы меня не удержал матрос, который всегда выказывал мне большое расположение.

Капитанская каюта, где я должен был отныне прислуживать и спать, возвышалась на шесть футов над палубами и сравнительно с величиной брига была обширных размеров. Внутри стояли прикрепленные к полу стол, скамейка и две койки: одна для капитана, а другая для двух старших помощников, которые спали на ней по очереди. Сверху донизу к стенам были приделаны запирающиеся шкафчики, куда прятались вещи начальствующих лиц и часть запасов судна. Внизу была другая кладовая, в которую вел люк, находившийся посередине палубы: там хранились главные запасы пищи, питья и весь порох. Все огнестрельные орудия, кроме

двух медных пушек, стояли на козлах у задней кормовой стены капитанской каюты. Большинство кортиков было в другом месте.

Маленькое окошко с наружными и внутренними ставнями и светлый люк на потолке освещали каюту днем, а после наступления сумерек в ней всегда горела лампа. Она горела и в ту минуту, когда я вошел, не особенно ярко, но достаточно, чтобы увидеть мистера Шуэна, сидевшего за столом, на котором стояли бутылка коньяку и жестяная манерка. Это был высокий, крепко сложенный и очень смуглый человек. Он сидел, бессмысленно уставясь на стол.

Мистер Шуэн не обратил внимания на мой приход и даже не шевельнулся, когда затем вошел капитан и прислонился к койке рядом со мной, мрачно глядя на своего помощника. Я очень боялся Хозизена, имея на то основательные причины, но что-то подсказало мне, что в эту минуту мне нечего опасаться его, и я шепнул капитану на ухо: «Что с ним?» Он покачал головой, как человек, который не знает, что и подумать, между тем как лицо его не изменяло своего сурового выражения.

Вскоре пришел мистер Райэч. По его взгляду, брошенному на капитана, можно было без слов понять, что мальчик умер. Он стал рядом с нами, и мы втроем молча смотрели на мистера Шуэна, который все так же сидел, не говоря ни слова и упорно глядя на стол.

Внезапно он протянул руку за бутылкой. Тут мистер Рай-

эч шагнул вперед и отнял ее, что ему удалось не столько благодаря своей силе, сколько быстроте, с какой он это сделал. Он закричал, разразившись проклятиями, что и без того уже достаточно сделано зла, и побожился, что бриг понесет за это наказание. С этими словами он вышвырнул бутылку в море – выдвигающая дверь была открыта с наветренной стороны.

Мистер Шуэн мигом вскочил на ноги. Его рассудок все еще был помрачен, и он совершил бы второе убийство в этот же вечер, если бы капитан не стал между ним и его жертвой.

– Садитесь! – заорал капитан. – Знаете ли, что вы сделали, свинья и пьяница? Вы убили мальчишку!

Мистер Шуэн, казалось, понял, потому что снова сел и положил руку себе на лоб.

– Но ведь он принес мне грязную манерку! – воскликнул он.

При этих словах я, мистер Райэч и капитан переглянулись с некоторым страхом во взгляде. Затем Хозизен подошел к старшему помощнику, взял его за плечи, довел до койки и приказал ему лечь и заснуть, уговаривая его, как непослушного ребенка. Убийца немного похныкал, затем сиял свои непромокаемые сапоги и послушно улегся.

– А, – воскликнул мистер Райэч ужасным голосом, – вам давно следовало вмешаться! Теперь уже слишком поздно.

– Мистер Райэч, – сказал капитан, – в Дайзерте никому не должно быть известно, что случилось в этот вечер. Мальчишка упал за борт, сэр, вот как было дело! И я бы охотно

дал собственных пять фунтов, чтобы это было правдой! – Он повернулся к столу. – Зачем вы выбросили хорошую бутылку? – прибавил он. – В этом не было никакого смысла, сэр. Давид, достань мне другую бутылку. Они стоят в крайнем шкафчике. – И он бросил мне ключ. – Вам самим надо выпить стаканчик, сэр, – обратился он к Райэчу, – после того ужасного зрелища.

Оба сели и чокнулись. А преступник, который лежал на койке и стонал, в это время приподнялся и посмотрел на них и на меня.

В этот вечер я в первый раз приступил к своим новым обязанностям, а на следующий день уже совершенно освоился с ними.

Я должен был подавать пищу, которую капитан принимал в определенные часы с тем из помощников, который не был на дежурстве. Весь день мне приходилось бегать с бутылкой от одного к другому из моих трех начальников, а ночью я спал на морском одеяле, брошенном на крашенные доски в ближайшем к корме углу каюты, на самом сквозняке между двумя дверьми. Это была жесткая и холодная постель; кроме того, мне не давали спать без перерыва: постоянно кто-нибудь приходил с палубы выпить, а когда назначалось новое дежурство, все трое усаживались вместе распить стаканчик. Я не могу понять, как они оставались здоровыми и как оставался здоровым я сам.

Но в других отношениях служба эта была легкая: скатер-

ти не постигались, еда состояла из овсяной каши или соло-  
нины, но два раза в неделю бывал пудинг.

Хотя я был довольно неуклюж и по непривычке к морю  
нетвердо держался на ногах, так что иногда падал с куша-  
ньем, которое нес, капитан и мистер Райэч были удивитель-  
но терпеливы. Я не мог не думать, что их мучит совесть и  
что вряд ли они были бы так снисходительны ко мне, не об-  
ращаясь они раньше так жестоко с Рэнсомом.

Что же касается мистера Шуэна, то пьянство, а может  
быть, совершенное им преступление или то и другое вместе  
несомненно повредили его рассудок. Я не могу припомнить,  
чтобы видел его когда-нибудь в нормальном состоянии. Он  
никак не мог привыкнуть к моему присутствию, не отрывая  
глаз, глядел на меня – иногда мне казалось, что даже с ужа-  
сом, – и несколько раз отшатнулся, когда я ему подавал. С  
самого начала я был почти уверен, что он не отдает себе от-  
чета в том, что произошло, и на второй день своего пребы-  
вания в капитанской каюте убедился в этом. Мы были одни,  
и он долгое время пристально смотрел на меня, потом вдруг  
встал, бледный, как смерть, и, к моему великому ужасу, по-  
дошел ко мне. Но у меня не было причины бояться его.

– Тебя здесь прежде не было? – спросил он.

– Нет, сэр, – сказал я.

– Здесь был другой мальчик? – спросил он опять; и, когда  
я подтвердил это, сказал: – Да, я так и думал, – и, не говоря  
больше ни слова, сел обратно и потребовал коньяку.



Вам, может быть, покажется странным, что, несмотря на весь мой ужас, мне было все-таки жаль его. Он был женат, и жена его жила в Лидсе. Я забыл теперь, были ли у него дети; надеюсь, что нет.

Во всяком случае, жизнь моя в новом положении – она, как увидите, продолжалась недолго – была не слишком тяжела. Кормили меня так же, как и мое начальство; мне даже позволяли брать пикули – их самое изысканное блюдо, – и если б я только захотел, то мог бы напиваться с утра до вечера, как мистер Шуэн. У меня было общество, и сравнительно хорошее общество; мистер Райэч, учившийся некогда в колледже, со мной беседовал как с другом, когда бывал в веселом настроении, и сообщал мне много интересного и поучительного, а капитан хоть и не подпускал обычно меня к себе, но иногда бывал менее сдержанным и рассказывал о прекрасных странах, в которых ему приходилось бывать.

Тень бедного Рэнсома лежала на всех, но особенно тяжело на мне и мистере Шуэне. Кроме того, у меня были собственные тревоги. В настоящее время я выполнял грязную работу для троих людей, которых считал ниже себя (по крайней мере, один из них должен был болтаться на виселице); а в будущем я представлял себя невольником, работающим наряду с неграми на табачной плантации. Мистер Райэч, может быть из предосторожности, не позволял мне больше говорить о моей истории; капитан же, с которым я пытался сблизиться, оттолкнул меня, как собаку. С каждым днем я все больше и

больше падал духом, пока наконец не стал радоваться работе, заглушавшей мои думы.

## IX. Человек с поясом, полным денег

Прошло более недели, и неудача, не оставлявшая до сих пор «Конвент», стала преследовать его еще сильнее. Иногда корабль немного продвигался вперед; в другие дни его относило назад. Наконец бриг отнесло так далеко к югу, что весь девятый день его швыряло взад и вперед в виду мыса Рез и его диких скалистых берегов. Состоялся совет начальников, и они приняли решение, которое я тогда не мог хорошенько понять, и увидел только его результаты: мы обратили противный ветер в попутный и быстро пошли к югу.

На десятый день, после полудня, волна стала спадать; густой, мокрый белый туман скрывал один конец судна от другого. Пошли на палубу. Я видел, как матросы и начальники к чему-то чутко прислушивались. «Нет ли буруна?» – говорили они. И хотя я не понимал этого слова, но опасность, которая чувствовалась в воздухе, возбуждала меня.

Часов около десяти вечера я подавал ужин мистеру Райэчу и капитану, как вдруг бриг обо что-то сильно ударился, и мы услышали пронзительные крики. Оба моих начальника вскочили.

– Мы на что-то налетели, – сказал мистер Райэч.

– Нет, сэр, – отвечал капитан, – мы только опрокинули

лодку.

И они поспешно вышли.

Капитан был прав. Мы в тумане натолкнулись на лодку; она разбилась и пошла ко дну со всей командой, кроме одного человека. Этот человек, как я слышал впоследствии, помещался на корме в качестве пассажира, тогда как остальные сидели на банках и гребли. В момент удара корму подбросило в воздух, а человек – руки его были свободны, и ему ничто не мешало, кроме суконного плаща, спускавшегося ниже колен, – подпрыгнул и ухватился за бушприт корабля. То, что он сумел так спастись, говорило об его удачливости, ловкости и необыкновенной силе. А между тем, когда капитан повел его к себе в каюту и я впервые увидел его, он казался взволнованным не более моего.

Это был небольшого роста, но хорошо сложенный человек, подвижный, как коза; его приятное открытое лицо, очень загоревшее на солнце, было покрыто веснушками и сильно изрыто оспой. В его глазах, необыкновенно ясных, мелькало что-то безумное, привлекательное и в то же время тревожное. Сняв плащ, он положил на стол пару прекрасных пистолетов, выложенных серебром, и я увидел, что к поясу его пристегнута длинная шпага. Манеры его были изящны, и он очень любезно отвечал капитану. При первом же взгляде на него я подумал, что приятнее иметь его другом, чем врагом.

Капитан, со своей стороны, тоже сделал заключение, но

скорее относительно одежды, чем личности этого человека. И действительно, когда тот снял плащ, то оказался чрезвычайно нарядным для каюты торгового судна: на нем была шляпа с перьями, красный жилет, черные плисовые панталоны и синий кафтан с серебряными пуговицами и красивым серебряным галуном. Это была дорогая одежда, хотя и попорченная немного туманом и в которой ему, очевидно, приходилось спать.

– Я очень огорчен гибелью вашей лодки, сэр, – сказал капитан.

– С ней пошло ко дну несколько славных людей, – сказал незнакомец. – Мне больше хотелось бы видеть их на берегу, чем два десятка лодок.

– Они ваши друзья? – спросил Хозизен.

– У вас нет таких друзей, – отвечал он, – они готовы были умереть за меня, как собаки.

– Ну, сэр, – сказал капитан, наблюдая за ним, – на свете больше людей, чем лодок для них.

– Это тоже верно, – воскликнул незнакомец, – и вы очень проникательны, сэр!

– Я был во Франции, сэр, – сказал капитан. И было ясно, что он хочет сказать этим больше, чем значили его слова.

– Что ж удивительного, сэр, – отвечал тот, – много народу побывало там.

– Без сомнения, сэр, – сказал капитан, – ради красивого мундира.

– О! – сказал незнакомец. – Так вот о чем идет речь. – И он быстро положил руку на пистолеты.

– Не будьте так запальчивы, – сказал капитан, – не начинайте ссоры, пока в ней нет надобности. На вас мундир французского солдата, а говорите вы по-шоттландски, но теперь много честных людей, которые так поступают, и я несколько не осуждаю их.

– Да, – сказал господин в красивом мундире. – Так вы принадлежите к честной партии? (Он имел в виду партию якобитов<sup>4</sup>, потому что во всякого рода междоусобицах каждая партия считает, что название «честная» принадлежит только ей.)

– Я истый протестант, сэ, – отвечал капитан, – и благодарю бога за это. (Я в первый раз услышал, чтобы он говорил о религии, хотя после узнал, что на берегу он усердно посещал церковь.) Но, несмотря на это, я умею жалеть, когда вижу человека, прижатого к стене.

– Правда? – спросил якобит. – Хорошо, сэ. Сказать вам откровенно, я один из тех честных джентльменов, которые участвовали в восстании в сорок пятом и сорок шестом годах<sup>5</sup>. И, попадись я в руки господ в красных мундирах<sup>6</sup>, мне,

---

<sup>4</sup> Якобитами называли приверженцев шотландской династии Стюартов, по имени последнего ее короля Якова II.

<sup>5</sup> Речь идет о самом крупном и последнем восстании шотландских якобитов (1745–1746), пытавшихся возвести на английский престол внука Якова II, Карла Эдуарда Стюарта.

<sup>6</sup> Английские солдаты ходили в красных мундирах.

вероятно, пришлось бы туго. Сэр, я направлялся во Францию. Французский корабль крейсировал здесь, чтобы взять меня, но он прошел мимо нас в тумане, как я от всей души желал бы, чтобы прошли вы! И вот что я имею сказать вам: если вы высадите меня там, куда я направлялся, то деньги, которые у меня с собой, щедро вознаградят вас за беспокойство.

– Во Франции? – сказал капитан. – Нет, сэр, этого я не могу сделать. Но высадить вас там, откуда вы едете, – это другое дело.

Тут, к несчастью, капитан увидел, что я стою в своем углу, и отослал меня на кухню принести ужин джентльмену. Я не терял времени, уверяю вас. А когда я вернулся в каюту, то увидел, что джентльмен снял пояс с деньгами и положил на стол одну или две гинеи. Капитан поглядел на гинеи, затем на пояс, потом на лицо джентльмена и, как мне казалось, разволновался.

– Половину этого, – закричал он, – и я ваш!

Тот убрал гинеи в пояс и снова надел его на жилет.

– Я сказал вам, сэр, – ответил он, – что ни один грош не принадлежит мне. Они принадлежат вождю клана. – Тут он дотронулся до своей шляпы. – Было бы глупо с моей стороны пожалеть часть денег, необходимых для спасения всей суммы, но я был бы собакой, если бы продал свою шкуру слишком дорого. Тридцать гиней, если вы высадите меня на ближний берег, или шестьдесят, если вы доставите меня в

Линни-Лох. Берите их, если хотите. Если нет, поступайте как знаете.

– Гм... – сказал Хозизен, – а если я выдам вас солдатам?

– Вы останетесь только в убытке, – ответил незнакомец. – У моего вождя, позвольте мне сказать вам, сэр, все конфисковано, как у всякого честного человека в Шотландии. Имя его в руках человека, которого называют королем Георгом; чиновники собирают арендную плату или, вернее, стараются собрать ее. Но, к чести Шотландии, бедные арендаторы заботятся о вожде своего клана, находящемся в изгнании, и эти деньги – часть той арендной платы, которую ждет король Георг. Сэр, вы кажетесь мне человеком разумным: если вы отдадите эти деньги своему правительству, сколько вы получите?

– Очень мало, конечно, – ответил Хозизен и язвительно прибавил: – Если только оно узнает об этом что-нибудь. Но я думаю, что если постараться, то можно придержать язык за зубами.

– О, но я сумею вывести вас на чистую воду! – воскликнул джентльмен. – Обманете меня, и я перехитрю вас. Если меня арестуют, то узнают, что это были за деньги.

– Хорошо, – сказал капитан, – чему быть, того не миновать. Шестьдесят гиней, и дело с концом! Вот вам моя рука.

– А вот моя, – ответил незнакомец.

После этих слов капитан вышел (что-то очень торопливо, подумал я) и оставил меня в каюте одного с незнакомцем.



В то время – вскоре после сорок пятого года – многие эмигранты с опасностью для жизни возвращались на родину, чтобы повидаться с друзьями или собрать себе немного денег. Что же касается вождей горных кланов, имущества которых были конфискованы, то часто приходилось слышать, как арендаторы всячески урезывали себя во всем, чтобы доставлять им средства к жизни. Собирая эти деньги и провозя их через океан, члены кланов не боялись солдат и подвергались риску попасться королевскому флоту. Обо всем этом я, конечно, слышал, а теперь мне довелось собственными глазами увидеть человека, осужденного за все эти проступки. Но он не только бунтовал и контрабандой провозил арендные деньги, но еще поступил на службу к французскому королю Людовику и, точно этого было недостаточно, носил на себе пояс, наполненный золотом. Каковы бы ни были мои убеждения, я не мог смотреть на этого человека иначе, как с большим интересом.

– Итак, вы якобит? – спросил я, ставя перед ним кушанье.

– Гм... – сказал он, принимаясь за еду. – А ты, судя по твоему длинному лицу, вероятно, виг?<sup>7</sup>

– Ни то ни се, – сказал я, чтобы не раздражать его, потому что на самом деле я был виг, насколько этого сумел достигнуть мистер Кемпбелл.

– А это ничего... – сказал он. – Но послушайте, господин «ни то ни се», в этой бутылке ничего нет, – добавил он. –

---

<sup>7</sup> Вигами тогда называли приверженцев английского короля Георга.

Было бы несправедливо брать с меня шестьдесят гиней и еще отказывать в выпивке.

– Я пойду спросить ключ, – сказал я и спустился на палубу.

Туман был все такой же густой, но волнение почти улеглось. Корабль лег в дрейф, так как никто не знал, где именно мы находимся, а ветер, хоть и незначительный, был нам не попутен. Несколько человек еще прислушивались к буруну, но капитан и оба помощника были в шкафуте и о чем-то совещались. Не знаю, почему мне пришло в голову, что они замыслили что-то недоброе, но первые услышанные мною слова, когда я тихонько к ним подошел, подтвердили мое предположение.

То был возглас мистера Райэча, которого точно осенила внезапная мысль:

– Нельзя ли нам хитростью выманить его из каюты?

– Лучше будет, если он останется там, – отвечал Хозизен, – там слишком мало места, чтобы он смог прибегнуть к своей шпаге.

– Положим, это правда, – сказал Райэч, – но там до него трудно добраться.

– Пустяки, – заметил Хозизен, – мы можем вовлечь его в разговор, потом подойдем к нему по одному с каждой стороны и схватим его за руки или, если это будет неудобно, сэр, вбежим в обе двери и справимся с ним, прежде чем он опомнится.

При этих словах меня охватил страх и гнев против вероломных, жадных, жестоких людей, с которыми я плавал. Первой моей мыслью было убежать, потом я стал смелее.

– Капитан, – сказал я, – этот господин просит выпить, а в бутылке ничего нет. Дайте мне, пожалуйста, ключ!

Они вздрогнули и повернулись ко мне.

– Вот нам случай достать оружие! – закричал Райэч и, обращаясь ко мне, прибавил: – Послушай, Давид, ты знаешь, где лежат пистолеты?

– Да, да, – вставил Хозизен, – Давид знает! Давид хороший малый. Видишь ли, этот дикий гайлэндер<sup>8</sup> опасен для судна, не говоря уже о том, что он отъявленный враг короля Георга, да хранит его бог!

Никогда еще меня так не задабривали с тех пор, как я был на бриге. Я отвечал «да», как будто все, что я слышал, было совершенно естественно.

– Трудность состоит в том, – кончил капитан, – что все наше кремневое оружие, крупное и мелкое, находится в каюте, под носом у этого человека, и порох также. Если бы я или один из моих помощников пошли за ним, у гайлэндера возникли бы подозрения. Но мальчуган, подобный тебе, Давид, может незаметно стащить рог пороху и один или два пистолета. И если ты обделаешь это умно, то я припомню все, когда ты будешь нуждаться в друге, а это случится, когда мы приедем в Каролину.

---

<sup>8</sup> Гайлэндер – житель горной части Шотландии.

Тут мистер Райэч что-то шепнул ему.

– Совершенно верно, сэр, – сказал капитан и, обращаясь ко мне, продолжал: – И вот еще что, Давид, у того человека пояс полон золота, и я даю тебе слово, что и на твою долю перепадет кое-что.

Хотя у меня едва хватало духу говорить с ним, я все-таки ответил, что исполню его желание. После того он дал мне ключ от шкафа со спиртными напитками, и я медленно направился к каюте. Что мне было делать? Это были собаки и воры: они выкрали меня с родины, убили бедного Рэнсома... Неужели я должен был стать соучастником еще одного убийства?! Но, с другой стороны, меня удерживал страх неминуемой смерти: что могли сделать один мужчина и мальчик против всего экипажа судна, даже если бы они были храбры как львы?

Рассуждая таким образом, но не придя ни к какому решению, я вошел в каюту и увидел якобита, сидевшего под лампой за ужином. И я сразу понял, что нужно делать. Никакой заслуги с моей стороны не было: я не по своему выбору, а как бы движимый какой-то невидимой силой подошел прямо к столу и положил руку на плечо незнакомцу.

– Вы не боитесь смерти? – спросил я.

Он вскочил на ноги, и во взгляде его я прочел вопрос.

– О, – воскликнул я, – они здесь все убийцы! Все судно полно убийц! Они уже убили мальчика. Теперь хотят убить вас.

– Ну, ну, – сказал он, – я пока еще не в их руках. – Затем с любопытством взглянул на меня. – Ты на моей стороне? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Я не вор и не убийца. Я буду помогать вам.

– Хорошо, – сказал он, – как тебя зовут?

– Давид Бальфур, – сказал я. Затем, думая, что человеку в такой изящной одежде должны нравиться знатные люди, я в первый раз прибавил: – Из Шооса.

Ему и в голову не пришло не поверить мне: гайлэндеры привыкли видеть знатных дворян в нищете, но так как у него не было собственного поместья, то слова мои раздражили его ребяческое тщеславие.

– Моя фамилия Стюарт, – сказал он, приосанившись. – Они меня зовут Алан Брек. С меня достаточно моего королевского имени, хотя я и не прицепляю к нему названия какой-нибудь фермы.

И, поставив меня на место, точно это было делом первой важности, он принялся рассматривать наши средства борьбы.

Капитанская каюта была выстроена настолько прочно, чтобы противостоять ударам волн. Из ее пяти отверстий только люк и обе двери были настолько велики, чтобы пропустить человека. Двери, кроме того, можно было плотно задвинуть; они были сделаны из толстых дубовых досок и снабжены крючками, чтобы держать их открытыми или за-

крытыми, смотря по надобности. Одну дверь, уже закрытую, я укрепил таким образом. Но когда я хотел прокрасться к другой, Алан остановил меня.

– Давид, – сказал он, – я не могу припомнить названия твоего поместья и потому осмеливаюсь называть тебя Давидом... Открытая дверь – лучшая моя защита.

– Лучше было бы закрыть ее, – сказал я.

– Нет, Давид, – сказал он. – Видишь ли, пока эта дверь открыта и я стою лицом к ней, то большая часть моих врагов будет передо мной, а там-то я и желаю их видеть.

Потом он достал для меня с козел кортик (кроме пистолетов, там было несколько кортиков), который выбирал очень внимательно, качая головой и говоря, что он никогда не видел такого плохого оружия. Затем посадил меня к столу и дал мне рог с порохом, сумку с пулями и все пистолеты, которые и велел зарядить.

– И это, уверяю тебя, будет более подходящей работой для джентльменов хорошего происхождения, – сказал он, – чем чистить посуду и подавать водку шайке измазанных дегтем матросов.

Затем он встал на середину каюты, лицом к двери, и, вытащив свою шпагу, подвергнул испытанию то пространство, на котором ему придется действовать.

– Мне останется работать одним острием, – сказал он, потряхнув головой, – и это очень жаль. Я не могу проявить своего таланта, состоящего в верхней обороне. А теперь продол-

жай заряжать пистолеты и наблюдай за мной.

Я сказал ему, что буду внимательно слушать. Я с трудом дышал, во рту у меня пересохло, свет померк и глазах. Когда я думал о той массе людей, которые вскоре набросятся на нас, сердце мое трепетало, и мысль о море, омывавшем борта нашего брига, – о море, в которое еще до утра будет брошено мое мертвое тело, не выходила у меня из головы.

– Прежде всего, – сказал Алан, – сколько у нас противников?

Я стал считать, и в голове моей была такая сумятица, что мне пришлось два раза делать сложение.

– Пятнадцать, – сказал я. Алан свистнул.

– Что ж, – заметил он, – этого не изменишь. А теперь слушай внимательно. Мое дело – охранять дверь, откуда я жду главного нападения. В этом ты не участвуешь. Смотри не стреляй в эту сторону, пока я не упаду, потому что мне приятнее иметь десять врагов впереди, чем одного такого друга, как ты, стреляющего мне в спину из пистолета.

Я признался ему, что действительно я плохой стрелок.

– Прекрасно сказано, – сказал он, восхищаясь моей откровенностью. – Немногие решились бы сознаться в этом.

– Но, сэр, – заметил я, – сзади вас дверь, которую они могут сломать.

– Да, – отвечал он, – и это входит в твои обязанности. Как только пистолеты будут заряжены, ты должен влезть на койку, ближайшую к окну, и, если они дотронутся до двери,

стреляй. Но это не все. Будь хоть сколько-нибудь солдатом, Давид! Что тебе еще надо охранять?

– Люк, – сказал я. – Но, право, мистер Стюарт, нужно иметь глаза и на затылке, чтобы охранять и дверь и люк, потому что когда я нахожусь лицом к дверям, то поворачиваюсь спиной к люку.

– Это совершенная правда, – сказал Алан, – но разве у тебя нет ушей?

– Конечно! – воскликнул я. – Я услышу, как разобьется стекло!

– В тебе есть некоторая доля здравого смысла, – свирепо ответил Алан.



## Х. Осада капитанской каюты

Мирное положение скоро кончилось. На палубе ждали моего возвращения, пока терпение у них не лопнуло. Не успел Алан сказать последнее слово, как капитан показался в открытой двери.

– Стой! – закричал Алан и направил на него шпагу. Капитан остановился, но не дрогнул и не отступил ни на шаг.

– Обнаженная шпага? – сказал он. – Странная плата за гостеприимство.

– Видите вы меня? – спросил Алан. – Я королевского рода, я ношу имя королей. В моем гербе – дуб. Видите вы мою шпагу? Она отрубила головы большему числу вигов, чем у вас пальцев на ногах. Зовите свой сброд себе на помощь, сэр, и нападайте! Чем раньше начнется стычка, тем скорее вы почувствуете эту сталь в своих внутренностях.

Капитан ничего не сказал Алану, но взглянул на меня недобрый взглядом.

– Давид, – сказал он, – я припомню это! – И звук его голоса резанул меня по сердцу.

Вслед за тем он ушел.

– Теперь, – сказал Алан, – держи ухо востро, потому что опасность близится.

Алан вытащил кинжал и держал его в левой руке, на случай, если бы нападающие вздумали пролезть под его подня-

той шпагой. Я же влез на койку с целой охапкой пистолетов и с тяжелым сердцем открыл окно, которое должен был сторожить. Оттуда была видна только небольшая часть палубы – для нашей цели этого было достаточно. Волны улеглись, ветер не изменился, и паруса висели неподвижно; на бригае была совершенная тишина. До меня донесся гул головосов. Немного погодя послышался звон стали, ударившейся о палубу. Я понял, что это раздавали кортики и один из них упал. Затем снова все стихло.

Внезапно раздался шум шагов и крик, затем послышались возгласы Алана и звук ударов. Кто-то закричал, точно его ранили. Я оглянулся через плечо и увидел в двери Шуэна, дравшегося с Аланом.

– Это он убил мальчика! – закричал я.

– Смотри за своим окном! – сказал Алан, но, поворачиваясь к окну, я увидел, как он воткнул шпагу в тело старшего помощника.

Пора было и мне принять участие в деле. Едва я успел повернуть голову к окну, как мимо меня пять человек протаскивали запасной рей для устройства тарана и стали устанавливать его перед дверью. Я ни разу в жизни не стрелял из пистолета и очень редко из ружья, тем более в человека. Но думать было нечего: или теперь, или никогда. Только что они раскачали рей, как я крикнул:

– Вот вам! – и выстрелил.

Я, должно быть, задел одного, потому что он застонал и

отступил на шаг, а остальные остановились в некотором замешательстве. Не успели они оправиться, как вторая пуля пролетела над их головами, а при третьем выстреле вся компания бросила рей и убежала.

Тогда я снова оглянулся и осмотрел каюту. Она была полна дыма от моих выстрелов, и сам я почти был оглушен ими. Но Алан стоял на том же месте, только шпага его была по рукоятку в крови. Он очень кичился своим триумфом и принимал такие изящные позы, что казался непобедимым. Прямо перед ним на четвереньках стоял мистер Шуэн; кровь лилась у него изо рта. В то время как я смотрел на него, стоявшие сзади схватили его за пятки и боком вытащили из каюты. Я думаю, что он умер, когда они его тащили.

– Вот вам один виг! – воскликнул Алан. Затем, обернувшись ко мне, спросил, многих ли я убил.

Я сказал, что ранил кого-то и думаю, что это был капитан.

– А я покончил с двумя, – сказал он. – Но крови еще недостаточно: они вернутся сюда. Это была только рюмка водки перед обедом.

Я вернулся на свое место, снова зарядил три пистолета, из которых стрелял, и насторожил глаза и уши.

Наши враги спорили неподалеку на палубе, и так громко, что сквозь шум прибоя я мог расслышать некоторые слова.

– Шуэн испортил дело, – слышал я один голос.

Другой отвечал ему:

– Ну, любезный, он заплатил за это.

Затем голоса снова упали до неясного ропота. Только теперь почти все время говорило одно лицо, как бы излагая свой план действий, и то один, то другой коротко отвечали ему, как люди, получавшие приказания. Поэтому я заключил, что они снова придут, о чем и сообщил Алану.

– Нам следует желать этого, – сказал он. – Если мы не зададим им хорошего страха и не покончим с этим делом, то ни тебе, ни мне нельзя будет заснуть. Только помни, что на этот раз они будут настойчивы.

Пистолеты были готовы, и мне оставалось только слушать и ждать. Пока продолжалось нападение, мне некогда было рассуждать, боюсь я или нет, но теперь, когда все утихло, я не мог ни о чем другом думать. Мысли об острых шпагах и холодной стали не покидали меня, и, когда я услышал тяжелые шаги, шуршание одежды, прикасавшейся к стенкам каюты, я понял, что они в потемках становятся по местам, и готов был громко заплакать.

Все это происходило на той стороне, где был Алан, и я уже думал, что моя доля участия в сражении кончена, когда услышал, что кто-то тихо опустился на крышу, прямо надо мной.

Затем раздался свисток, послуживший сигналом. Кучка матросов с кортиками в руках бросилась на дверь. В ту же минуту стекло люка разбилось, и кто-то, спрыгнув, очутился на полу каюты. Не успел он встать на ноги, как я приставил пистолет к его спине и готов был застрелить его, но, когда я

дотронулся до него, живого, мужество оставило меня, и я не мог ни спустить курок, ни убежать.

Прыгая, он уронил кортик, но, почувствовав прикосновение пистолета, быстро обернулся и схватил меня, осыпая ругательствами. Мужество ли мое проснулось при этом или, напротив, то был страх, но результат получился тот же: я вскрикнул и прострелил его насквозь, он упал на пол с отвратительным, страшным стоном. Ноги другого матроса, болтавшиеся из люка, ударили меня в это время по голове. Я схватил второй пистолет и выстрелил ему в бедро. Он соскользнул вниз и как чурбан свалился на тело своего товарища. Не могло быть и речи о промахе, хотя прицеливаться мне было некогда: я стрелял в упор.

Я бы долго стоял и смотрел на упавших, но крик Алана о помощи вернул мне сознание.

До сих пор он оборонял дверь, но, пока он был занят другими, один из матросов пробежал под шпагой и схватил его за туловище. Алан наносил ему удары кинжалом левой рукой, но матрос пристал к нему как пиявка. Еще один неприятель ворвался и занес над головой Алана кинжал. В дверях виднелось множество людей. Я подумал, что мы пропали, и, схватив свой кортик, напал на них с фланга.

Но моя помощь была уже не нужна. Противник упал. Алан, отступая назад для разбега, с ревом бросился на нападающих как разъяренный зверь. Они расступились перед ним, как вода, повернулись, выбежали и второпях попадали

один на другого. Шпага в руках Алана сверкала, как ртуть, мелькая среди убегающих врагов, и при каждом ее ударе слышался крик раненого. Я еще думал, что мы пропали, а противники уже все разбежались, и Алан гнал их вдоль палубы, как собака загоняет овец.

Однако он вскоре вернулся, потому что был столь же остро-рожен, как храбр. А матросы продолжали бежать и кричать, точно он все еще гнался за ними. Мы слышали, как они, спотыкаясь друг о друга, спустились в каюту и захлопнули люк.

Капитанская каюта напоминала бойню: внутри лежало три трупа, а на пороге матрос мучился в предсмертной агонии. Мы с Аланом одержали победу и остались живы и невредимы.

Он подошел ко мне с протянутыми руками.

– Приди в мои объятия! – крикнул он и стал обнимать меня и крепко целовать в обе щеки. – Давид, – сказал он – я люблю тебя, как брата! Скажи, – воскликнул он в каком-то экстазе, – разве я не хороший боец?!

Затем он обернулся к павшим врагам, проткнул каждого из них насквозь шпагой и выпихнул за дверь одного за другим. В то же время он насвистывал и напевал сквозь зубы, точно пытаясь припомнить какой-то мотив, но на самом деле он старался придумать новый. На щеках у него играл румянец, и глаза его блестели, как у пятилетнего ребенка при виде новой игрушки. Вдруг он уселся на стол со шпагой в руке; мотив, который он все время искал, становился все яс-

нее и яснее; и вот он громко запел гэльскую песню.

Я привожу ее тут не в стихах, на которые я не способен, но, по крайней мере, на английском языке. Притом он частенько певал ее, и мало-помалу она стала популярной. Я ее слышал много раз, и мне объяснили ее значение.

Это была песнь о шпаге Алана:

Кузнец ковал ее,  
Огонь закалял ее.  
Теперь же она сверкает в руках Алана Брека.  
У врага было много глаз,  
Ясных и быстрых, —  
Они направляли много рук.  
Шпага была одна.  
Серые олени толпятся на холме;  
Их много, а холм один.  
Серые олени пропадают —  
Холм остается.  
Прилетайте ко мне с островов океана  
Далеко зрящие орлы,  
Вот вам добыча!

Эта песня, которую он сложил в минуту нашей победы, и слова, и музыку, не совсем справедлива по отношению ко мне, боровшемуся рядом с ним. Мистер Шуэн и еще пятеро были нами убиты или тяжело ранены; из них двое, которые пролезли через люк, пали от моей руки. Еще четверо были ранены легче, и один из них, наиболее опасный, — мною. Так

что, в общем, и я принимал участие в схватке и имел право потребовать себе места в стихах Алана. Но поэтам, как говорил мне один очень умный человек, приходится думать больше о рифмах. В разговоре же Алан отдавал мне более чем должное.

В ту пору я даже не сознавал, что была совершена несправедливость по отношению ко мне, потому что не только не знал ни слова по-гэльски, но и рад был сейчас же по окончании дела добраться до койки после долгого ожидания, напряжения и, более всего, ужасных мыслей о том, что я принимал участие в этой борьбе. От тяжести на сердце я едва дышал: воспоминание о двух убитых мною давило меня, как кошмар; и совершенно неожиданно, не отдавая себе в этом отчета, я начал рыдать и всхлипывать, как ребенок.

Алан хлопнул меня по плечу и сказал, что я храбрый малый, но что мне надо только выспаться.

– Я буду первый на страже, – сказал он. – Ты хорошо помогал мне, Давид, от начала до конца, и я не хотел бы лишиться тебя за весь Аппин, даже за весь Бредаль-бэн.

Я постелил себе на полу, а он стал на вахту с пистолетом в руке и шпагой у колена. Вахта продолжалась три часа по капитанским часам, висевшим на стене. Затем он разбудил меня, и я, в свою очередь, простоял три часа. До окончания моей вахты рассвело. Утро было очень тихое; слегка волнующееся море качало корабль, а сильный дождь барабанил по крыше. Во время моей вахты не произошло ничего интерес-



ного; по хлопанию руля я догадался, что даже никого не поставили у румпеля. Действительно, как я узнал после, так много матросов было ранено и убито, а остальные находились в таком дурном расположении духа, что мистеру Райэчу и капитану приходилось сменяться так же, как мне с Аланом, а то бриг могло бы отнести к берегу, прежде чем кто-нибудь заметил это. К счастью, ночь стояла спокойная, потому что ветер утих, как только пошел дождь. Даже и теперь я по крику чаек, во множестве ловивших рыбу около корабля, понимал, что нас отнесло очень близко к берегу или к одному из Гебридских островов. Наконец, выглянув из двери капитанской каюты, я увидел большие каменные утесы Скай с правой стороны, а немного далее за кормою – остров Ром.

## **XI. Капитан признает себя побежденным**

Алан и я сели завтракать около шести часов утра. Пол был усыпан битым стеклом и покрыт отвратительным кровавым месивом, лишившим меня аппетита. Во всем другом положение наше было не только приятное, но и веселое: мы выгнали капитана и его помощников из их собственной каюты и получили в свое распоряжение все спиртные напитки на судне и самую изысканную пищу, например, пикули и лучший сорт сухарей. Этого одного было бы достаточно, чтобы привести нас в хорошее настроение, но самым лучшим оказалось то, что два таких любителя выпить, каких только когда-либо породила Шотландия (за смертью мистера Шуэна), сидели теперь взаперти в передней части судна, обреченные довольствоваться тем, что они более всего ненавидели, – холодной водой.

– Поверь мне, – сказал Алан, – мы вскоре услышим о них. Человек может воздерживаться от сражения, но не может воздержаться от бутылки.

Мы отлично проводили время вместе. Алан был очень ласков со мной и, взяв со стола нож, отрезал мне одну из серебряных пуговиц своего мундира.

– Я получил их, – сказал он, – от моего отца, Дункана Стю-

арта. Я дарю тебе одну из них на память о том, что произошло в эту ночь. Куда бы ты ни пошел и где бы ни показал эту пуговицу, друзья Алана Брека соберутся вокруг тебя.

Он сказал это так, точно был Карлом Великим и повелевал целыми армиями. И, несмотря на мое восхищение его мужеством, я всегда боялся улыбнуться его хвастовству; говорю «боялся», потому что если бы я не удерживался от смеха, то могла бы вспыхнуть такая ссора, что и подумать страшно.

Как только мы кончили завтрак, он стал рыться в шкафу у капитана, пока не нашел платяной щетки. Затем, сняв мундир, начал осматривать его и счищать пятна так тщательно, как, по-моему, могли делать только женщины. Правда, у него не было другого костюма; кроме того, говорил он, его платье принадлежало королю, а потому и ухаживать за ним следовало по-королевски.

Когда я увидел, как аккуратно он выдергивал ниточки в том месте, где была отрезана пуговица, я оценил дороже его подарок.

Он еще был погружен в свое занятие, когда с палубы нас окликнул мистер Райэч и попросил нас вступить в переговоры. Я пролез через люк и сел на краю его с пистолетом в руке. У меня было смелое выражение лица, хотя в глубине души я боялся битого стекла. Окликнув и его со своей стороны, я попросил Райэча говорить. Он подошел к капитанской каюте и встал на веревки, свернутые кольцом, так что подбородок

приходился на одном уровне с крышей, и мы некоторое время молча смотрели друг на друга. Не думаю, чтобы мистер Райэч был особенно ревностен в бою, поэтому он отделался только ударом в щеку. Все же он упал духом и выглядел очень усталым, так как провел всю ночь на ногах, то стоя на вахте, то ухаживая за ранеными.

– Скверное дело, – сказал он наконец, качая головой.

– Мы этого не хотели, – заметил я.

– Капитан, – продолжал он, – желал бы поговорить с твоим другом. Они могли бы говорить через окно.

– А как мы узнаем, не задумал ли он нам подстроить ловушку? – спросил я.

– Ничего такого он не задумал, Давид, – отвечал мистер Райэч, – а если бы и задумал, то, сказать тебе правду, мы не могли бы повести за собой матросов.

– Так ли это? – спросил я.

– Скажу тебе больше – сказал он, – не только матросов, но и меня. Я боюсь, Дэви. – И он улыбнулся мне. – Нет, – добавил он, – все, чего мы желаем, – это отделаться от него.

После того как я посоветовался с Аланом, согласие на переговоры было дано и подкреплено честным словом с обеих сторон. Но этим для мистера Райэча дело не кончилось: он стал так настойчиво просить водки, напоминая о своей прежней доброте ко мне, что я под конец дал ему чарку в четверть пинты. Часть ее он выпил, а остальное отнес вниз на палубу, вероятно чтобы поделиться со своим начальником.

Вскоре затем капитан подошел, как мы уговорились, к одному из окон и стал там на дожде, с рукою на перевязи. Он был угрюм и бледен и казался таким постаревшим, что совесть упрекнула меня за то, что я стрелял в него.

Алан сразу направил пистолет ему в лицо.

– Уберите пистолет! – сказал капитан. – Разве я не дал вам слова, сэр? Или вы желаете оскорбить меня?

– Капитан, – ответил Алан, – я боюсь, что вы легко нарушаете ваше слово. Вчера вечером вы торговались, как уличная торговка, потом дали мне слово и в подтверждение протянули руку, но вы отлично знаете, чем это кончилось! Будь проклято ваше слово! – прибавил он.

– Хорошо, сэр, – сказал капитан, – ваша брань ни к чему хорошему не приведет. (Надо сознаться, что сам капитан никогда не бранился.) Но мне надо поговорить с вами о другом, – продолжал он с горечью. – Вы изрядно попортили мой бриг; у меня недостаточно людей для управления им; мой первый помощник, которого вы пронзили своей шпагой, умер, не произнеся ни слова, а без него мне трудно обойтись. Мне больше ничего не остается, как вернуться в порт Глазго за экипажем, и там вы найдете людей, которые сумеют поговорить с вами лучше моего.

– Да, – сказал Алан. – Клянусь честью, я с ними поговорю! Если в этом городе есть хоть один человек, говорящий по-английски, я расскажу ему интересную историю. Пятнадцать просмоленных матросов – с одной стороны, и один человек

с полуробенком – с другой! Какое жалкое зрелище!

Хозизен покраснел.

– Нет, – продолжал Алан, – это не годится. Вы должны высадить меня там, где мы условились.

– Но, – отвечал Хозизен, – мой старший помощник умер, и вы сами знаете, каким образом. Больше никто из нас не знаком с берегом, сэра, а этот берег очень опасен для судов.

– Предоставляю вам выбирать, – сказал Алан. – Высадите меня на сушу в Аппине или в Ардгуре, в Морвепе или в Арисэге, или в Мораре – короче, везде, где хотите, не дальше тридцати миль от моей родины, исключая страны Кемпбеллов<sup>9</sup>. Это обширная мишень. Если вы не попадете в нее, то, значит, вы в мореплавании так же слабы, как и в бою. Мои бедные земляки переезжают в своих плоскодонках с острова на остров во всякую погоду и даже ночью, если вы желаете знать.

– Плоскодонка не корабль, сэра, – отвечал капитан, – она не сидит так глубоко.

– Что же, едем в Глазго, если хотите! – сказал Алан. – Мы, по крайней мере, посмеемся над вами.

– Мне не до смеха, – сказал капитан. – И все это будет стоить денег, сэра.

– Прекрасно, сэра, – отвечал Алан, – я не беру своих слов назад. Тридцать гиней, если высадите меня на берег; шесть-

---

<sup>9</sup> Кемпбеллы – имя шотландского рода, который стоял на стороне короля Георга.

десять, если доставите меня в Линни-Лох.

– Но посмотрите, сэр, где мы находимся, ведь мы только в нескольких часах от Арднамуркана, – сказал Хозизен. – Дайте мне шестьдесят, и я высажу вас там.

– И я должен изнашивать обувь и подвергаться опасности быть схваченным красными мундирами, чтобы угодить вам? – закричал Алан. – Нет, сэр, если вы хотите получить шестьдесят гиней, то заработайте их и высадите меня в моей стране.

– Это значит рисковать бригом, сэр, – сказал капитан, – и с ним вместе собственную жизнь.

– Как хотите, – ответил Алан.

– Сумели бы вы повести нас? – спросил капитан с нахмуренным видом.

– Сомневаюсь, – сказал Алан. – Я скорее боец, как вы сами видели, чем моряк. Но меня часто подбирали и высаживали на этом берегу, и я немного знаю его.

Капитан покачал головой, все еще хмурясь.

– Не потеряй я в этом несчастном плаваньи так много денег, я бы скорее увидел вас на виселице, чем рискнул бы своим бригом, сэр. Но пусть будет по-вашему. Как только подует боковой ветер – а он должен подуть, или я глубоко ошибаюсь, – я воспользуюсь им. Но есть еще одна вещь. Мы можем повстречать королевское судно, которое возьмет нас на бордаж без всякой нашей вины: вдоль этого берега плавают много крейсеров. Вы сами знаете, для кого... Сэр, на этот

случай оставьте мне деньги.

– Капитан, – сказал Алли. – если вы увидите вымпел, то ваше дело убегать. А теперь, зная, что вам на носу не хватает водки, я предлагаю обмен: бутылку водки взамен двух ведер воды.

Последняя статья переговоров была в точности выполнена обеими сторонами, так как мы с Аланом смогли наконец вымыть капитанскую каюту и отделаться от воспоминаний об убитых нами, а капитан и мистер Райэч тоже были по-своему счастливы, так как получили возможность снова выпить.



## ХII. Я слышу о Красной Лисице

Прежде чем мы покончили с чисткой каюты, с северо-востока подул ветер; он прогнал дождь, и выглянуло солнце.

Тут я должен сделать отступление, а читателю следовало бы взглянуть на карту. В тот день, когда стоял туман и мы разбились лодку Алана, бриг проходил через Малый Минч. На рассвете после схватки мы спокойно стояли к востоку от острова Канна, между ним и островом Эриска, находящимся в цепи Лонг-Эйландских островов. Прямой путь отсюда в Линни-Лох лежал проливами Соунд-оф-малл. Но у капитана не было карты; он боялся пустить свой бриг глубоко между островами, и так как ветер был благоприятный, то предпочел обойти Тайри с запада и выйти у южного берега большого острова Малл.

Ветер весь день дул в том же направлении и скорее усиливался, чем ослабевал, а к полудню из-за наружных Гебридских островов появились сильные волны. Наш курс – мы хотели обойти кругом внутренние острова – лежал на юго-запад, так что сначала эти волны ударили нам в борта, и нас очень кидало. Но с наступлением ночи, когда мы уже обогнули конец Тайри и стали направляться к востоку, волны попадали прямо на корму.

Между тем первую часть дня, до появления волны, мы провели очень приятно; при ярком солнечном свете мы обо-

шли множество скалистых островков. Сидя в каюте с открытыми дверьми с обеих сторон, так как ветер Дул прямо в корму, мы с Аланом выкурили одну или две трубки капитанского хорошего табаку и в то же время рассказывали друг другу наши истории. Это было для меня тем более важно, что давало возможность немного ознакомиться с горной Шотландией, где мне вскоре пришлось высадиться. В те дни, такие близкие к великому восстанию, всякий, шедший через поросшие вереском шотландские горы, должен был знать свой путь и опасность, которой подвергался.

Я первый показал пример, рассказав о своем несчастье, и Алан слушал меня с большим добродушием. Только когда я упомянул моего доброго друга, священника мистера Кемпбелла, Алан вспыхнул и воскликнул, что он ненавидит всех, носящих это имя.

– Отчего же? – сказал я. – Это такой человек, которому вы можете с гордостью подать руку.

– Я ничего никогда не дал бы Кемпбеллу, – ответил он, – кроме свинцовой пули. Я охотно стал бы преследовать весь этот род, как тетеревов. Даже умирая, все-таки дополз бы до окна своей комнаты, чтобы выстрелить в одного из них.

– Что у вас вышло с Кемпбеллами, Алан? – воскликнул я.

– Вот что... – ответил он. – Вы отлично знаете, что я Стюарт из Аппина, а Кемпбеллы долгое время беспокоили и разоряли моих родичей: они отнимали у нас земли обманом, но мечом никогда! – закричал он громко и ударил кулаком

по столу. Но я не обратил на это особенного внимания, зная, что так обыкновенно говорят побежденные. – Было еще многое, – продолжал он, – и все в том же роде: лживые слова, поддельные бумаги, выходки, достойные торгашей, и все под видом законности, что еще больше возмущает порядочного человека.

– Вы так расточительны на пуговицы, – сказал я, – не думаю, чтобы вы могли быть хорошим судьей в делах.

– А, – ответил он, снова улыбнувшись, – расточительность я унаследовал от того же человека, что и пуговицы, – то был отец мой Дункан Стюарт, вечная ему память! Он был лучшим человеком в нашем роду и лучшим солдатом в горной Шотландии, а это то же самое, что в целом мире! Уж мне-то хорошо известно: ведь он сам учил меня. Отец служил в Черной страже, когда ее впервые собрали. За ним, как и за другими джентльменами, ходил паж, который нес его винтовку во время марша. Королю, очевидно, захотелось посмотреть на шотландское фехтование: моего отца и троих других как лучших фехтовальщиков выбрали и послали в Лондон. Там, во дворце, два часа подряд они показывали свое искусство королю Георгу, королеве Каролине, Кумберленду и другим, имена которых я не помню. Когда они кончили, король, хотя и был узурпатором, любезно поговорил с ними и дал каждому по три гиней. По выходе из дворца им пришлось пройти мимо домика привратника. Моему отцу пришло в голову, что он, вероятно, первый джентльмен из горной Шотландии,

проходивший через эти ворота, и потому следовало бы дать бедному привратнику подобающее понятие об его достоинстве и сунуть ему в руку полученные от короля три гинеи, точно то было его всегдашнее обыкновение. Трое его спутников сделали то же самое. Таким образом, они вышли на улицу, не оставив себе ни гроша за труды. Одни говорят, что такой-то первый одарил королевского привратника, другие называют другого, но верно то, что это был Дункан Стюарт, и я готов доказать это с помощью шпаги или пистолета. И это был мой отец, да благословит его бог!

– Я думаю, что такой человек не мог оставить вам большого наследства? – спросил я.

– Это верно, – сказал Алан, – он оставил мне пару штанов и больше почти ничего. Вот почему мне пришлось поступить на военную службу. Это всегда будет пятном на моей совести и сыграет скверную шутку со мной, если я попаду в руки красных мундиров.

– Как, – воскликнул я, – вы служили в английской армии?

– Да, – сказал Алан, – но я дезертировал на сторону правого дела при Престонпансе, и в этом еще есть некоторое утешение.<sup>10</sup>

Я с трудом мог разделить его взгляд, считая дезертирство непростительным грехом для честного человека. Но, несмотря на свою молодость, я не был так глуп, чтобы вы-

---

<sup>10</sup> В битве при Престонпансе в 1745 году шотландцы разбили правительственные английские войска.

сказать вслух свое мнение.

– Боже мой, – воскликнул я, – ведь за это полагается смерть!

– Да, – ответил он, – если они поймают меня, то исповедь моя будет коротка, а веревка длинна! Но у меня в кармане патент на чин, выданный мне французским королем, и это, может быть, защитит меня.

– Очень сомневаюсь, – сказал я.

– Я сам сомневаюсь, – отвечал Алан.

– Боже мой, – воскликнул я, – если вы осужденный мятежник, дезертир и находитесь на службе у французского короля, то что заставляет вас возвращаться сюда? Вы искушаете провидение.

– Ничего, – сказал Алан, – я возвращался сюда каждый год после сорок шестого.

– Что же влечет вас сюда? – спросил я.

– Видишь ли, я тоскую по друзьям и по родине, – ответил он. – Франция – прекрасная страна, что и говорить, но я тоскую по вереску и по оленям. Затем у меня тут небольшое дело: я набираю юношей на службу французскому королю – рекрутов, понимаешь? Это приносит немного денег. Но главным образом я езжу по делу моего вождя, Ардшиля.

– Мне казалось, что вашего вождя зовут Аппин, – сказал я.

– Да, но Ардшиль – глава клана, – отвечал он, хотя его слова мало что мне объяснили. – Видишь ли, Давид, он царской

крови, и носит имя королей, и всю свою жизнь прожил знатным человеком, а теперь его довели до того, что он должен жить во Франции, как бедное частное лицо. Я своими глазами видел, как он, которому стоило только свистнуть, чтобы собрать сорок вооруженных ратников, покупал на рынке масло и нес его домой в капустном листе. Это не только тяжело, но и позорно для нашей семьи и всего клана. А тут его дети, надежда Аппина, которых в той дальней стране надо обучать разным наукам и умению владеть оружием. Арендаторы Аппина должны платить подать королю Георгу. Но сегодня они непоколебимо верны своему вождю, и благодаря этой любви, некоторому нажиму и кое-каким угрозам бедный народ сколачивает вторую подать для Ардшиля. А я, Давид, доставляю ее! – И он ударил по своему поясу так, что гиней зазвенели.

– Они платят две подати? – закричал я.

– Две, Давид, – сказал он.

– Как, две арендные платы? – повторил я.

– Да, Давид, – сказал он. – Я рассказывал капиталу другое, но это правда. Меня даже удивляет, как мало давления пришлось на них оказать. Но все это дело моего славного родственника и друга моего отца, Джемса Глэнского, то есть Джемса Стюарта, единокровного брата Ардшиля. Он собирает деньги и распоряжается ими.

Тут я впервые услышал имя Джемса Стюарта, который впоследствии стал знаменитым, когда его вешали. Но тогда

я на это не обратил внимания: мои мысли были заняты щедростью бедных гайлэндеров.

– Это благородно! – воскликнул я. – Я виг или почти виг, но все-таки считаю это благородным.

– Да, – сказал Алан, – ты виг, но джентльмен, оттого ты и думаешь так. Если бы ты принадлежал к проклятому роду Кемпбеллов, ты бы скрежетал зубами, слыша это. Если бы ты был Красной Лисицей...

При этом имени он стиснул зубы и замолчал. Я никогда не видал такого свирепого лица, какое было у Алана при упоминании о Красной Лисице.

– А кто это – Красная Лисица? – спросил я боязливо, но все-таки с любопытством.

– Кто он такой? – закричал Алан. – Хорошо, я скажу тебе. Когда кланы были разбиты под Каллоденом и погибло правое дело, а лошади выше копыт бродили в крови лучших людей севера, Ардшилю пришлось бежать, как оленю, по горам с женой и детьми. Трудное было время, прежде чем мы усадили его на корабль. И пока он еще прятался тут, в вереске, английские негодяи, не будучи в силах лишить его жизни, лишили его прав. Они отняли у него власть и землю, они вырвали оружие из рук членов его клана, владевших им уже тридцать столетий, отняли у них даже одежду, так что теперь считается грехом носить клетчатый плед, и человек может попасть в тюрьму за то, что на нем шотландская юбка. Одного они не могли уничтожить – любви к своему вождю. Эти

гинеи служат доказательством. И вот в какое дело вмешивается Кемпбелл, рыжеволосый Колин из Гленура...

– Так вы его называете Красной Лисицей? – спросил я.

– Попадись он мне только в руки! – закричал яростно Алан. – Да, этот самый. Он вмешивается в эту историю и получает от короля Георга бумаги, но которым становится так называемым королевским агентом в Аппине. Вначале он остерегается и находится в приятельских отношениях с Шимусом, то есть с Джемсом Глэнским, агентом моего вождя. Но мало-помалу до ушей его доходит то, о чем я тебе только что рассказал: как бедные аппинские фермеры, огородники и стрелки отдают свои последние плоды, чтобы собрать вторую подать и отослать ее за море – Ардшилю и его бедным детям. Как ты назвал это, когда я рассказывал тебе?

– Я назвал это благородным, Алан, – сказал я.

– А ты немногим лучше обыкновенного виги! – воскликнул Алан. – Но когда это дошло до Колина Роя, то черная кровь Кемпбеллов закипела в нем. Он сидел за вином и скрежетал зубами. Как, Стюарт получал кусок хлеба, и он не мог помешать этому? Красная Лисица, если ты когда-нибудь попадешься мне на расстоянии выстрела, пусть сжалится над тобой господь! – Алан остановился, чтобы переварить свой гнев. – Что же он делает, Давид? Он объявляет, что все фермы сдаются в аренду. Он думает о своей черной душе: «Я скоро найду других арендаторов, которые заплатят больше, чем все эти Стюарты, и Макколи, и Макробы (это все имена



членов моего клана, Давид) и тогда, – думает он, – Ардшилю придется собирать милостыню на большой дороге во Франции».

– Ну, – спросил я, – и что же произошло?

Алан бросил трубку, которая давно уже потухла, и положил руки на колени.

– Да, – сказал он, – этого ты никогда не угадаешь! Эти самые Стюарты, Макколи и Макробы, которым приходилось платить две арендные платы: одну королю Георгу – по принуждению, а другую Ардшилю – добровольно, предложили ему лучшую цену, чем какой-либо Кемпбелл из всей обширной Шотландии. А между тем он посылал за арендаторами далеко, до берегов Клайда и до Эдинбурга, приказывал их разыскивать и уговаривать прийти, чтобы заставить Стюарта умереть с голоду и доставить удовольствие Кемпбеллу!

– Да, Алан, – сказал я, – это странная, но хорошая история. И хотя я и виг, но рад, что он был побит.

– Побит? – переспросил Алан. – Значит, ты мало знаешь Кемпбеллов, и в особенности Красную Лисицу. Побить его? Этого не будет, пока кровь его не оросит холмов! Но, Давид, если наступит день, когда у меня будет время для охоты, то все вересковые заросли Шотландии не укроют его от моей мести!

– Алан, – сказал я, – это не по-христиански, да и не умно давать волю своему гневу. Ваши слова не причинят никакого вреда человеку, которого вы называете Лисицей, а вам самим

не принесут добра. Расскажите мне все, просто все до конца. Что он сделал потом?

– Это ты правильно заметил, Давид, – сказал Алан. – Правда, что это, к сожалению, не принесет ему вреда! И если бы не твои слова о христианстве, о котором я совершенно другого мнения – иначе я не был бы христианином, – то я во всем с тобой согласен.

– Каково бы ни было ваше мнение, – ответил я, – всем известно, что христианство запрещает мстить.

– Да, – возразил Алан, – сразу же видно, что тебя учил Кемпбелл! Свет был бы очень удобен для них и подобных им, если бы не существовало молодцов с оружием за кустами вереска! Но это к делу не идет. Вот что он сделал...

– Да, – сказал я, – расскажите это.

– Итак, Давид, – продолжал он, – не будучи в состоянии отделаться от верных простолюдинов честным путем, он поклялся, что отделается от них другими средствами. Ардшиль должен умереть с голоду – вот чего он добивался. А так как те, что кормили изгнанника, не хотели отказаться от аренды, то он решил прогнать их правдой и неправдой. Для этого он послал за стряпчими, бумагами и солдатами. И наш добродушный народ должен был уложить свои пожитки и убраться из домов своих отцов, прочь из страны, где все они были вскормлены и вспоены и где играли еще детьми. И кто же наследует им? Босоногие нищие! Королю Георгу остается только вздыхать о своей аренде. Он может обойтись и без

нее и сократить свои потребности – какое дело Рыжему Колину? Его желание – повредить Ардшилю. Если он сможет унести пищу со стола моего вождя или отобрать последнюю игрушку из рук его детей, он отправится к себе домой, воспевая Гленур!

– Дайте мне сказать слово, – вступился я. – Будьте уверены, что если податей собирают меньше, то, значит, правительство тоже в этом замешано. Это вина не Кемпбелла, а правительства. И если бы завтра убили этого Кемпбелла, какой был бы толк? На его место немедленно назначат другого агента.

– Ты славный малый в сражении, – сказал Алан, – но в тебе говорит кровь вигов!

Он был со мной довольно ласков, но в его презрительном тоне чувствовалось столько гнева, что я счел за лучшее переменить разговор. Я выразил свое удивление тому, что в то время, как горная Шотландия была наводнена войсками и охранялась как осажденная крепость, человек в его положении имел возможность ездить взад и вперед, не боясь ареста.

– Это легче, чем ты думаешь, – сказал Алан. – Обнаженные склоны холмов все равно что сплошная дорога: если в одном месте стоит караул, обходи другой стороной. Кроме того, много помогает вереск. И везде есть дружеские дома, хлевы и стога сена. Да, кроме того, когда говорят, что страна покрыта солдатами, – это не более как простая фраза. Солдат покрывает ровно столько места, сколько прикрывают по-

дошвы его сапог. Однажды я удил рыбу в то время, как на противоположном склоне стоял часовой, и поймал прекрасную форель; а в другой раз сидел в кустах вереска в шести шагах от другого солдата и по его свисту научился славной песенке. Вот этой, – сказал он и просвистел мне мотив. – А кроме того, – продолжал он, – теперь не так скверно, как было в сорок шестом году. Теперь горные страны умиротворены, как говорят красные мундиры. Не мудрено, если во всей стране, от Кантейра до мыса Резса, не осталось ни шпаги, ни ружья, кроме тех, которые осторожные люди запрятали в солому на крышах! Но мне хотелось бы знать, Давид, как долго это будет продолжаться. Можно подумать, что скоро конец, раз такие люди, как Ардшиль, находятся в изгнании, а люди, подобные Красной Лисице, сидят, попивая вино, и угнетают бедных. Но трудно решить, что народ может выдержать, а чего – нет. Иначе, почему это Рыжий Колин разъезжает по моей бедной родной стране и не находится храброго малого, чтобы всадить в него пулю?

С этими словами Алан погрузился в задумчивость и долгое время сидел грустный и молчаливый.

К характеристике моего друга прибавлю еще, что он был очень искусен в игре на всевозможных инструментах, но в особенности на флейте; что он был известным поэтом на своем родном наречии; прочел много книг, как французских, так и английских; был метким стрелком, хорошим рыболовом, отлично владел как кинжалом, так и шпагой. Его недо-

статки были сразу заметны, и я уже узнал их все. Худшим из них была ребяческая склонность обижаться и набиваться на ссору. Со мной он сдерживался, помня о том, как мы вместе боролись в капитанской каюте, но потому ли, что я хорошо защищался, или потому, что я был свидетелем его собственной доблести – этого я не могу сказать. Вообще же он очень любил храбрость в других, но более всего восхищался ею в Алане Бреке.

## ХІІІ. Гибель брига

Был уже вечер. Стемнело настолько, насколько вообще темнеет в это время года, то есть было еще довольно светло, когда Хозизен просунул голову в дверь капитанской каюты.

– Выходите, – сказал он, – и посмотрите, не сможете ли вы управлять судном.

– Это опять какой-нибудь из ваших фокусов? – спросил Алан.

– До фокусов ли мне теперь! – воскликнул капитан. – У меня есть другое, о чем нужно думать: бриг в опасности!

По его тревожному виду и более всего по резкому тону, которым он упомянул о бриге, нам стало ясно, что он не хитрит. И потому мы оба, не особенно опасаясь предательства, вышли на палубу.

Небо было ясно, но дул сильный, холодный ветер; дневной свет еще не совсем погас, и в то же время ярко светил почти полный месяц. Бриг шел на бейдевинд, чтобы обойти юго-западный угол острова Малл.

Горы этого острова (выше всех Бен-Мор, с туманной шапкой на вершине) виднелись целиком над дугой бакборта. Хотя это направление не было благоприятно для «Конвента», он неся со страшной быстротой, то ныряя, то взлетая, преследуемый западной волной.

Ночь все-таки была вовсе не такая дурная для плавания в

море, и я уже начинал удивляться, что так беспокоило капитана. Но вот бриг внезапно поднялся на высокую волну, и я увидел, что из освещенного луной моря точно бил фонтан, а вслед за этим мы слышали глухой шум и рев.

– Как вы думаете, что это такое? – спросил мрачно капитан.

– Море, разбивающееся о риф, – сказал Алан. – Теперь вы знаете, где он находится. Что же вам еще нужно?

– Да, – отвечал Хозизен, – если бы он был единственным...

И действительно, пока он говорил, появился другой фонтан, несколько дальше, к югу.

– Вот, – воскликнул Хозизен, – вы сами видите! Если бы я знал об этих рифах, если б у меня была морская карта или если бы остался жив Шоуэн, шестьдесят гиней не заставили бы меня рисковать моим бригом на таких камнях! Но ведь вы, сэр, хотели вести нас. Что вы на это скажете?

– Я думаю, – отвечал Алан, – что это должны быть так называемые Торрэнские скалы.

– Много ли их? – спросил капитан.

– Право, сэр, я не лоцман, – сказал Алан, – но мне кажется, что они тянутся миль на десять.

Мистер Райэч и капитан переглянулись.

– Я полагаю, что между ними есть проход! – заметил капитан.

– Без сомнения, – сказал Алан. – Но где? Впрочем, я как

будто припоминаю, что проход свободнее около берега.

– Да? – сказал Хозизен. – Нам тогда придется держать круто к ветру, мистер Райэч, и подойти настолько близко к краю Малла, насколько это возможно. Хотя и тогда еще земля будет закрывать нас от ветра, а эти камни останутся на подветренной стороне. Что же, раз мы уж попали сюда, приходится продолжать путь.

С этими словами он отдал приказание рулевому и послал Райэча на фок-мачту. На палубе находилось всего пять человек, считая начальство; больше не было годных – или, по крайней мере, годных и согласных – исполнять свое дело людей, да и то двое из них были ранены. Как я говорил, на долю мистера Райэча выпало лезть на мачту, и он, сидя там, криком возвещал обо всем, что видел.

– Море к югу загромождено! – кричал он.

Затем, через несколько времени:

– Оно, кажется, свободнее у берега!

– Ну, сэр, – сказал Хозизен Алану, – попробуем ваш путь.

Но думаю, что мы с тем же успехом могли бы довериться слепому скрипачу. Дай бог, чтобы вы были правы!

– Дай бог, чтобы я был прав! – ответил Алан. – Я слышал об этом пути. Ну что же, от судьбы не уйдешь.

Как только мы подошли близко к повороту берега, рифы стали попадаться то здесь, то там, на самом нашем пути. И мистер Райэч тогда кричал, чтобы мы переменили курс. Иногда он заявлял слишком поздно: один риф был так близок



к наветренной стороне, что, когда на него налетела волна, брызги попали на палубу и промочили нас, как дождь.

В такую светлую ночь мы видели опасность ясно, как днем, и это, пожалуй, было тревожнее всего. Я видел и лицо капитана, стоявшего около рулевого: он переступал с ноги на ногу, дул себе на руки и все время прислушивался, вполне владея собой. Ни он, ни мистер Райэч в сражении не показали себя с хорошей стороны, но я заметил, что в своем деле они были храбры, между тем как Алан, к моему удивлению, сильно побледнел.

– О Давид, – сказал он, – это не та смерть, о которой я мечтаю!

– Как, Алан, – воскликнул я, – неужели вы боитесь?

– Нет, – отвечал он, – но согласись сам, что это неприятный конец.

К этому времени мы, лавируя то с одной, то с другой стороны, чтобы обойти риф, но все-таки придерживаясь ветра и берега, обошли Айону и стали направляться вдоль Малла. Прибой у поворота берега был очень силен и бросал бриг во все стороны. У руля были поставлены два матроса, а иногда им помогал еще сам Хозизен. Странно было видеть, как трое сильных мужчин наваливались всей тяжестью на румпель, а он, точно живое существо, сопротивлялся и откидывал их назад. Это было бы особенно опасно, если бы море в этом месте не очистилось от подводных скал. Кроме того, мистер Райэч сообщил сверху, что видит впереди совершенно чи-

стю поверхность.

– Вы были правы, – сказал Хозизен Алану. – Вы спасли бриг, сэр, и я припомню это, когда мы будем рассчитывать.

Я верю, что он не только говорил совершенно искренне, но и сдержал бы свое слово: так привязан был он к «Конвенту».

Но это осталось только предположением, так как случилось иначе, чем мы думали.

– Держите немного в сторону, – кричал мистер Райэч, – риф с наветренной стороны!

В ту же минуту прибой подхватил бриг, который повернулся по ветру, как волчок, паруса опустились, и вслед затем судно ударилось о риф с такой силой, что все мы попадали на палубу, а мистера Райэча чуть не стряхнуло с мачты.

В одну минуту я был на ногах. Риф, о который мы ударились, находился близко от юго-западного края Малла, напротив маленького островка, по имени Эррейд, лежавшего плоской и темной массой у бакборта. Иногда волна разбивалась на самой палубе, иногда она только поднимала бриг на риф, так что мы слышали сильный треск.

От страшного шума парусов, свиста ветра, блеска брызг при лунном свете и сознания опасности моя голова, должно быть, совсем закружилась, так что я с трудом понимал окружающее. Я видел, что мистер Райэч и матросы возились с лодкой, и почти бессознательно побежал помогать им. Но только что я принялся за работу, как в голове моей проясни-

лось. Это было нелегким делом: лодка, находившаяся на середине судна, была набита цепями, а громадные волны беспрестанно заставляли нас бросать работу и стараться держаться на ногах. Но тем не менее все работали как волю, пока было возможно.

Те из раненых, которые могли двигаться, вышли из переднего люка и начали нам помогать, тогда как остальные, беспомощно лежавшие на койках, терзали меня воплями и мольбами о спасении.

Капитан не принимал участия в работе. Казалось, он лишился рассудка. Он стоял, держась за ванты, разговаривая сам с собой, и испускал громкие стоны, когда корабль колотился о скалы. Его бриг был ему дорог, как жена и дети; он мог ежедневно наблюдать жестокое обращение с бедным Рэнсомом, но когда дело шло о брига, он, казалось, страдал вместе с ним.

За все время, что мы готовили лодку, я припоминаю только одно: глядя на берег, я спросил Алана, что это за место, а он отвечал, что хуже его ничего не может быть, так как оно принадлежит Кемпбеллам.

Мы поставили одного из раненых наблюдать за волнами и предупреждать нас об опасности. И лодка была уже почти готова к спуску на воду, как вдруг он резко закричал: «Держитесь, ради бога!» По его голосу мы поняли, что случилось нечто не совсем обыкновенное. И действительно, огромная волна подняла бриг и перевернула его на киле. Не знаю,

слишком ли поздно я услышал крик или держался слишком слабо, но при внезапном крене судна меня перебросило через борт прямо в море.

Я начал тонуть и наглотался воды, затем выплыл и увидел сияние месяца, затем стал тонуть снова. Говорят, что на третий раз человек тонет без возврата. Значит, я не такой, как другие, потому что не мог бы сосчитать, сколько раз я тонул и снова выплывал. Меня то швыряли из стороны в сторону, то колотили и захлестывали волны. Все это держало меня в таком напряжении, что я не чувствовал ни отчаяния, ни испуга.

Вскоре я заметил, что держусь за деревянный брус, который немного помогает мне плыть, и вслед за тем неожиданно очутился в спокойной воде и стал приходить в себя.

Оказалось, что я ухватился за запасной рей, и теперь с удивлением заметил, как далеко я отплыл от брига. Я все-таки закричал, но, очевидно, голос мой не мог уже достигнуть судна. Бриг все еще держался, но я не мог видеть, удалось ли спустить лодку или нет, так как был слишком далеко.

Окликаая бриг, я заметил, что между ним и мною была полоса воды, куда не попадали большие волны: она вся как бы кипела при лунном свете, поднимаясь спиралью и рассыпаясь брызгами. Временами вся эта полоса устремлялась в одну сторону, как хвост живой змеи; иногда на мгновение все пропадало, а затем закипало снова. Я не имел ни малейшего представления, что бы это могло быть, и мое неведение уве-

личивало мой страх. Но теперь я знаю, что, вероятно, то было морское течение, которое, жестоко швыряя, отнесло меня так далеко и, наконец, как бы устав от игры, бросило вместе с запасным реем ближе к берегу.

Я лежал теперь на воде совершенно спокойно и чувствовал, что если и не утону, то умру от холода. Берега Эррейда были близко: при свете луны я мог различить кусты вереска и слои сланца на скалах.

«Ну, – подумал я, – неужели я не смогу добраться туда?»

Я не умел хорошо плавать, так как воды Иссена в наших местах были не глубоки, но, держась обеими руками за рей и болтая обеими ногами, я все-таки скоро почувствовал, что двигаюсь вперед. Это была трудная и страшно медленная работа. Приблизительно через час я, брыкаясь и плескаясь, добрался между двумя косами до песчаной бухты, окруженной низкими холмами.

Вода тут была совершенно спокойной, и не было заметно никакого прибоя. Месяц светил ясно, и я подумал, что никогда не видал более пустынного и безлюдного места. Но все же это была суша. Когда наконец стало так мелко, что я мог бросить рей и дойти пешком до берега, я не знаю, что чувствовал сильнее – усталость или благодарность судьбе за спасение. Вероятно, и то и другое в равной степени. Знаю только одно: я никогда еще так не уставал и не воссылал такой горячей благодарности богу.

## XIV. Островок

С моим выходом на берег начинается самая злополучная часть моих приключений. Было половина первого ночи, и хотя горы и защищали от ветра, но все-таки ночь была холодная. Боясь замерзнуть, если я останусь неподвижным, я снял сапоги и, несмотря на усталость, стал ходить босиком взад и вперед по песку, ударяя себя то в грудь, то по плечам в надежде согреться. Не слышно было ни голоса человека, ни рева скота. Ни один петух не кричал, хотя это было время их первого пробуждения. Только прибой разбивался вдали, напоминая мне об опасности, пережитой мною и моими спутниками. Прогулка по берегу в такой ранний час, в таком пустынном месте вселила в меня нечто вроде страха.

Как только начало светать, я надел сапоги и взобрался на холм. Это был самый неприятный подъем в моей жизни: я беспрестанно падал между большими глыбами гранита или же перепрыгивал с одной на другую. Когда я добрался до вершины, уже совсем рассвело. Незаметно было следов ни лодки, ни брига, который, вероятно, снялся с рифа и затонул. Не было видно ни единого паруса на океане, и, насколько я мог разглядеть, на суше тоже не было ни людей, ни жилищ.

Мне страшно было подумать о судьбе моих товарищей, глядя на эту пустыню. Я и без того был измучен мокрой одеждой, усталостью и голодом, который я начал испыты-

вать. Я пошел к востоку вдоль южного берега, надеясь найти дом, где бы я мог обогреться и, может быть, услышать про тех, кого потерял. Во всяком случае, я надеялся, что взойдет солнце и высушит мое платье.

В скором времени меня остановил залив, или излучина моря, который, казалось, вдавался довольно далеко в сушу. И так как я не мог переправиться через него, то по необходимости должен был переменить направление и обойти залив. Переход был очень труден: не только весь Эррсид, но и ближайшая часть Малла, называемая Росс, представляли какой-то хаос гранитных скал с растущими между ними кустами вереска. Сначала залив все суживался, как я и ожидал, но вдруг, к моему удивлению, он стал снова расширяться. Я долго ломал над этим голову, все еще не догадываясь о правде; наконец, дойдя до подъема, я понял, что выброшен на маленький бесплодный остров и со всех сторон отрезан водой от мира.

Я ждал солнца, надеясь, что оно согреет и обсушит меня. Но на рассвете среди густого тумана пошел дождь, так что положение мое стало отчаянным.

Стоя на дожде и дрожа от холода, я не знал, что делать, пока мне не пришло в голову, что залив можно перейти вброд. Я вернулся к самому узкому месту и вошел в воду. Но в трех ядрах от берега я погрузился в нее с головой и остался жив только благодаря божьей милости, а не собственной осторожности. Моя одежда не стала более мокрой – это вряд

ли было возможно, — но мне сделалось еще холоднее после этой неудачи. Опять потеряв надежду, я почувствовал себя еще более опечаленным.

Вдруг я вспомнил о рее. Он вынес меня из течения и, вероятно, поможет мне благополучно перебраться через этот небольшой спокойный заливчик. При этой мысли я поспешно отправился на край островка с целью найти рей и принести сюда. Это было во всех отношениях скучное путешествие, и если бы меня не поддерживала надежда, я бы бросился на землю и отказался идти дальше. От морской ли воды или от начинающейся лихорадки я мучился жаждой и должен был по пути останавливаться и пить болотистую воду из луж.

Наконец, еле живой, я дошел до бухты. Сперва я подумал, что рей уплыл немного дальше того места, где я оставил его, и в третий раз вошел в воду. Гладкий и плотный песок постепенно опускался, так что я мог идти до тех пор, пока вода не дошла мне до горла и маленькие волны не стали плескаться в лицо. Но на этой глубине ноги отказались служить мне, так что я не решился идти далее. Рей же спокойно качался передо мной на расстоянии двадцати футов.

Я терпеливо переносил все до этого последнего разочарования, но тут, выйдя на берег, я бросился на песок и заплакал.

Воспоминание о времени, проведенном на острове, до сих пор для меня так ужасно, что я потороплюсь покончить с



ним. Во всех книгах, где я читал о людях, потерпевших крушение, карманы их оказывались набитыми инструментами или, как нарочно, вместе с ними выбрасывало на берег ящик с разными необходимыми вещами. Мое положение было совсем иное. В карманах моих не было ничего, кроме денег и серебряной пуговицы Алана. И так как я рос в стране, далекой от моря, то знаний о нем у меня было так же мало, как и орудий.

Мне известно было, что раковины считаются пригодными для еды, а среди скал на острове я нашел множество плоских раковин, которые с трудом мог оторвать от места, не зная, что при этом нужна только быстрота. Кроме того, были еще маленькие раковины, называвшиеся башенками. Эти два вида моллюсков служили мне единственной пищей. Я съедал их холодными и сырыми и был так голоден, что сначала они показались мне восхитительными.

Может быть, для моллюсков уже прошел сезон или в воде, окружавшей остров, было что-то вредоносное, но, поев их в первый раз, я почувствовал головокружение и тошноту и долгое время пролежал замертво. Вторая проба той же пищи – другой у меня не было – оказалась удачнее и подкрепила мои силы. Но во все время моего пребывания на острове я не знал, чего ожидать после еды: иногда все сходило благополучно, а иногда начиналась мучительная тошнота, причем я никогда не мог понять, что за раковина так подействовала на меня.

Весь день лил дождь; остров весь вымок, и на нем нельзя было найти сухого места. Когда я лег спать между двумя глыбами скал, образовавшими как бы крышу, ноги мои очутились в болоте.

На второй день я обошел остров со всех сторон, но нигде не нашел ничего лучшего. Весь он был пустынный и скалистый, не заметно было ничего живого, кроме дичи, убить которую мне было нечем, да чаек, в громадном количестве посещающих нависшие над водой скалы. Излучина, или пролив, отделявшая остров от Росса, на севере расширился в бухту, а бухта, в свою очередь, переходила в Айонский пролив, окрестности которого я избрал своим местопребыванием.

Для выбора своего я имел веские причины: в этой части острова была хижина вроде будки, где ночевали рыбаки, приезжавшие сюда ловить рыбу. Дерновая крыша совершенно провалилась, так что хижина никуда не годилась и защищала меня меньше, чем скалы. Важнее было то, что здесь в большом количестве можно было найти моллюсков, которыми я питался. Во время отлива я мог сразу набрать их множество, а это, без сомнения, было большим удобством. Другая причина была еще важнее: я никак не мог привыкнуть к ужасному одиночеству на острове и все оглядывался по сторонам, точно меня преследовали, волнуемый страхом и надеждой увидеть приближение живого существа. Поднявшись немного по склону холма на берегу бухты, я мог уви-

деть большую старинную церковь и крыши домов обитателей Аноны. А по другую сторону, на низменности Росса, я мог разглядеть, как утром и вечером поднимался дым, по-видимому, из жилища, находившегося в глубине долины.

Дрожа от холода в мокрой одежде, с помутившимся сознанием от одиночества, я подолгу смотрел на этот дым, думая об очаге и обществе людей, пока мое сердце не начинало колотиться. То же действие производили на меня крыши. Хотя вид удобного человеческого жилья еще более усиливал мои страдания, все же он поддерживал во мне надежду, помогая глотать сырые раковины, которые мне скоро опротивели, и спасая от чувства ужаса, которое я испытывал, оставаясь один с птицами под дождем среди мертвых скал у холодного моря.

Я говорю, что это поддерживало во мне надежду, потому что мне казалось тогда невозможным умереть на берегу родной страны, в виду церковной колокольни и дыма людских жилищ. Но прошел второй день, и хотя я пристально наблюдал, не покажутся ли лодки в проливе и не пройдут ли люди по Россу, помощь все еще не появлялась. Дождь лил по-прежнему. Я лег спать совершенно вымокший и с болью в горле, но найдя хоть в том немного утешения, что пожелал спокойной ночи моим ближайшим соседям на Айоне.

Карл II сказал, что в английском климате человек может проводить вне дома больше дней в году, чем где-либо в другом климате. Сейчас видно, что это сказал король, у кото-

рого был дворец и сухая одежда, и что во время бегства из Ворчестера ему, вероятно, больше везло, чем мне на моем несчастном острове. Лето было в разгаре, а дождь шел уже более суток, и погода прояснилась только после полудня на третий день.

Это был день происшествий. Утром я увидел красного оленя, самца, с прекрасно разветвленными рогами, стоявшего под дождем на краю острова. Заметив, что я вылезая из-под скалы, он побежал рысью на другую сторону. Я подумал, что он, вероятно, переплыл пролив с Росса, хотя и не мог понять, что могло привлечь животное на Эррейд.

Немного позже, когда я лазал за своими раковинами, меня поразил звук гиней, упавшей на скалу прямо передо мной и соскочившей в море. Возвратив мне деньги, матросы не только оставили себе треть суммы, но и кожаный кошелек моего отца, так что с того дня я носил золото просто в кармане, застегнутом на пуговицу. Теперь я понял, что мой карман разорвался, и поспешно ощупал его рукой. Но это было все равно, что запереть конюшню, когда лошадь уже украли; я уехал с берега Куинзферри приблизительно с пятью – десятью фунтами, теперь же нашел в своем кармане лишь две гиней и серебряный шиллинг.

Правда, потом я подобрал третью гиней, блестящую на траве. Все вместе составляло три фунта и четыре шиллинга в английской монете. Вот каково было состояние юноши, законного наследника поместья, а теперь умирающего с голода

на острове, на самой окраине дикого Гайлэнда.

Мое положение беспокоило меня и в другом отношении. На третье утро я действительно был достоин жалости: моя одежда начала гнить; чулки совсем износились, так что икры мои были обнажены; руки распухли оттого, что они были постоянно мокрыми, горло болело, силы исчезали, мне была так противна мерзкая пища, которой я должен был довольствоваться, что меня едва не тошнило от одного ее вида.

Но худшее ждало меня впереди.

На северо-западе Эррейда расположена довольно высокая скала, которую я часто посещал, так как с ее плоской вершины был виден пролив, но, за исключением времени, потраченного на сон, я не оставался подолгу на одном месте: мое несчастье не давало мне покоя, и я изнурял себя постоянным бесцельным блужданием взад и вперед под дождем.

Впрочем, как только показалось солнце, я прилег на вершине скалы, чтобы высушиться, и не могу выразить словами, какую отраду принес мне солнечный свет. Он вернул мне надежду на освобождение, в котором я уже отчаялся, и я с новым интересом стал рассматривать море и Росс. К югу от скалы выступала часть острова, закрывавшая вид на океан, так что лодка могла с этой стороны подойти вплотную к острову, а я мог не заметить ее.

Внезапно этот скалистый мыс быстро обогнула, направляясь к Лионе, лодка с коричневым парусом и двумя рыбаками. Я закричал, потом упал на колени на скале и, поднимая

руки, умолял их о спасении. Они были достаточно близко, чтобы услышать мой голос, — я мог даже рассмотреть цвет их волос, и не было сомнения, что они видели меня, потому что они со смехом закричали что-то на гэльском наречии. Но лодка не свернула, а пролетела мимо меня прямо к Айоне.

Я не мог поверить в такую жестокость и долго бежал по береговым скалам, жалобно взывая к рыбакам. Даже когда они уже не могли услышать меня, я продолжал звать их и махать им руками, а когда они совсем исчезли, я подумал, что сердце мое разорвется на части. Во время моих невзгод я плакал только дважды: в первый раз, когда не мог достать рей; во второй раз, когда рыбаки не отозвались на мою мольбу. Сейчас я плакал и кричал, точно капризный ребенок, разрывая дерн ногтями и уткнув лицо в землю. Если бы желание могло убить человека, то рыбаки не дожили бы до утра, и я бы, наверное, умер на этом пустынном острове.

Когда мой гнев немного утих, я опять принялся за еду, но с таким отвращением, что с трудом мог его преодолеть. И правда, лучше бы мне было попоститься, потому что моллюски снова отравили меня. Мои прежние страдания возобновились снова: горло у меня болело так, что я едва мог глотать, меня трясла лихорадка и не переставали стучать зубы. Я пришел в то болезненное состояние, для которого нет названия ни на шотландском, ни на английском языках. Я подумал, что умираю, и исповедался пред богом, простив всех, даже дядю и рыбаков; после этого мне стало легче. Ночь бы-

ла сухая; одежда моя тоже значительно высохла. За все время моего пребывания на острове мне еще не было так хорошо, и я наконец заснул с чувством благодарности в сердце.

На следующий день – четвертый день моей ужасной жизни – я почувствовал, что силы мои падают. Но светило солнце, воздух был теплый, и съеденные мною ракушки не причинили мне вреда, а, напротив, вернули бодрость.

Только что я взошел на скалу – по утрам я прежде всего отправлялся туда, – как заметил лодку, плывущую по проливу и направлявшуюся, как мне показалось, прямо на меня.

Я одновременно почувствовал и надежду и страх; мне пришло в голову, что вчерашние рыбаки пожалели о своей жестокости и возвратились, чтобы помочь мне. Но я не мог вторично испытать разочарование, подобное вчерашнему. Поэтому я повернулся спиной к морю и не оглядывался до тех пор, пока не сосчитал в уме несколько сот раз. Лодка по-прежнему направлялась к острову. Я еще раз отвернулся и, как мог медленнее, сосчитал до тысячи, между тем как сердце мое болезненно билось. На этот раз стало очевидно, что лодка направлялась прямо на Эррейд!

Я дольше не мог сдерживаться и побежал на берег, а потом в воду, прыгая со скалы на скалу, пока можно было идти. Я не утонул каким-то чудом. Когда пришлось наконец остановиться, ноги мои дрожали, а рот был так сух, что я должен был смочить его морской водой, прежде чем закричать.

Теперь, когда лодка приблизилась, я мог разглядеть, что

это те же самые рыбаки, которых я видел вчера. Я узнал их по волосам – у одного были белокурые, а у другого черные. Но теперь с ними был третий человек, который, казалось, принадлежал к другому классу.

Как только они подошли на расстояние, позволявшее нам разговаривать, то спустили парус и остановились. Несмотря на мои мольбы, они не подходили ближе, и меня более всего испугало, что третий в лодке громко смеялся, глядя на меня.

Затем он встал и заговорил долго и быстро, сильно жестикулируя. Я сказал, что не понимаю по-гэльски, но он так рассердился, что я начал подозревать, не воображает ли он, что говорит по-английски. Прислушиваясь внимательнее, я поймал слова «какой бы ни», повторенные несколько раз, но все остальное говорилось на гэльском наречии, столь же непонятном для меня, как греческий или древнееврейский языки.

– Какой бы ни... – повторил я, чтобы показать ему, что понимаю эти слова.

– Да, да, – сказал он и взглянул на других, как будто говоря: «Я же сказал вам, что говорю по-английски», и снова по-прежнему продолжал по-гэльски.

На этот раз я поймал другое слово: «отлив». Тогда у меня появилась искра надежды. Я обратил внимание на то, что он все время показывал на главную часть Росса.

– Вы хотите сказать, что когда будет отлив?.. – закричал я и не мог кончить.



При этих словах я повернулся спиной к их лодке, где мой собеседник снова начал хихикать, вернулся опять на берег, прыгая с камня на камень, и пустился бежать по острову, как никогда прежде не бегал. Через полчаса я вышел на берег излучины. Действительно, она обратилась в небольшую лужу, которую я перешел, замочив ноги не выше колен, и с радостным криком перебрался на главный остров.

Человек, выросший у моря, и суток не оставался бы на Эррейде, который является не чем иным, как так называемым приливным островом. Два раза в сутки можно переходить с него на Росс и обратно или по совсем сухому дну, или, в крайнем случае, замочив только ноги. Даже я, наблюдая в ожидании отлива, как убывает и прибывает вода в бухте – в отлив удобнее доставать раковины, – даже я скоро бы понял этот секрет и нашел бы свое спасение, если бы посидел и подумал, а не злился на свою судьбу. Не удивительно, что рыбаки не поняли меня. Удивительно то, что они вообще догадались о моем жалком положении и решили вернуться. Я терпел на этом острове голод и холод почти сто часов. Если бы не рыбаки, я мог бы умереть там по своей глупости. Но даже и теперь я заплатил за нее довольно дорого, не только прошлыми мучениями, но и своим настоящим положением: я был одет как нищий, едва ходил и очень страдал от боли в горле.

Мне приходилось встречать много и злых и глупых людей, и я уверен, что в конце концов и те и другие расплачиваются

за свои поступки, но только дураки гораздо раньше.

## XV. «Мальчик с серебряной пуговицей». По острову Маллу

Часть острова Малл, называемая Росс, на которую я теперь попал, была такая же скалистая и труднопроходимая, как и остров, только что мною покинутый: она вся состояла из болота, терновника и больших камней. Может быть, и были дороги для тех, кто хорошо знал местность, я же мог руководствоваться только собственным чутьем и вершиной Бен-Мора.

Я старался идти на дым, который так часто видел со своего острова, и, несмотря на усталость и трудность пути, добрался часов в пять или шесть утра до домика в глубине небольшой ложбины. Он был низкий и длинный, сложен из нетесаного камня и крытый дерном. На валу против дома сидел на солнце старик и курил трубку.

С помощью нескольких английских слов, которые знал старик, он объяснил мне, что мои товарищи по плаванию благополучно пристали к берегу и на другой день закусывали в этом самом доме.

– Был с ними человек, одетый, как джентльмен? – спросил я.

Он сказал, что на всех были грубые плащи, но что действительно один из них, который пришел первым, был в ко-

ротких панталонах и в чулках, тогда как другие – в матросских брюках.

– А была на нем шляпа с перьями? – спросил я. Старик отвечал, что шляпы не было и человек этот пришел с непокрытой головой, как и я.

Сперва мне пришло в голову, что Алан потерял свою шляпу, но потом, вспомнив, что шел дождь, я решил, что он, верно, спрятал ее под плащом. Я улыбнулся, отчасти, потому, что друг мой был спасен, а отчасти при мысли о его тщеславной заботе об одежде.

Тогда старый джентльмен ударил себя рукой по лбу и воскликнул, что я, вероятно, «мальчик с серебряной пуговицей».

– Да, – отвечал я не без удивления.

– Хорошо, – продолжал старый джентльмен, – мне поручено передать вам, чтобы вы следовали за вашим другом в его страну через Торосэй.

Затем он спросил о моих приключениях, и я рассказал ему свою историю. Южанин, наверно, рассмеялся бы, но этот старый джентльмен – я называю его так благодаря его манерам, хотя одет он был в лохмотья, – выслушал все с серьезным и сострадательным видом. Когда я кончил, он взял меня за руку, повел в хижину – дом его был не лучше хижины – и представил своей жене, точно она была королевой, а я – герцогом.

Добрая женщина поставила передо мной овсяный хлеб

и холодную куропатку, все время улыбалась и похлопывала меня по плечу – по-английски она не говорила, – а старый джентльмен, не желая отставать от нее, сварил мне крепкий пунш из местного спирта. Все время, пока я ел, а затем пил пунш, я едва верил своему счастью; этот дом, хотя и полный торфяного дыма и дырявый, как решето, казался мне дворцом.

Пунш вызвал у меня сильную испарину, после чего я крепко заснул; добрые люди уложили меня, и только на следующий день пополудни я отправился в путь. Горло у меня почти перестало болеть; настроение мое тоже очень улучшилось от здоровой пищи и хороших известии. Как я ни настаивал, старый джентльмен не взял денег и даже подарил мне старый колпак на голову. Однако я должен признаться, что, едва потеряв дом из виду, я тщательно выстирал его подарок в придорожном ручье.

Я подумал: «Если все дикие гайлэндеры таковы, то я желал бы, чтобы мой народ был еще более диким».

Я поздно вышел и часто сбивался с пути. Я видел много народу: одни возделывали маленькие бесплодные поля, неспособные прокормить и кошку; другие пасли коровенок ростом не больше ослов. Так как шотландский горный костюм был запрещен законом со времени восстания и народ должен был носить нелюбимую им одежду лоулэндеров, то я поражался разнообразию и странности костюмов. Некоторые ходили голыми, в пальто или плащах, и носили брю-

ки привязанными к спине, как ненужное бремя; другие, желая подражать тартану<sup>11</sup>, сшили себе плащи из разноцветных полос, похожие на старушечьи одеяла; третьи по-прежнему щеголяли в шотландской юбке, но при помощи нескольких стежков превращали ее в пару коротких панталон, как у голландцев.

Все это было запрещено и строго преследовалось законом в надежде уничтожить дух кланов. Но здесь, на отдаленном острове, меньше обращали внимания на запреты за отсутствием доносчиков.

С тех пор как с грабежами было покончено, а вожди кланов не держали больше открытого стола, народ жил в глубокой нищете. Дороги – даже такая извилистая проселочная дорога, как та, по которой я шел, – были усеяны нищими. И здесь я опять заметил различие между моей родиной и этой страной. Наши нищие, даже профессиональные, патентованные нищие, были мужиковатым, льстивым народом, и если вы давали им плэк и спрашивали сдачи, они очень вежливо возвращали вам боддло<sup>12</sup>. Но эти гайлэндеры сохраняли собственное достоинство, просили милостыню только на покупку нюхательного табака, как они уверяли, и не давали сдачи.

Разумеется, это меня не касалось и только развлекало в дороге. Гораздо важнее было то, что очень немногие говорили по-английски, да и эти немногие не особенно стремились

---

<sup>11</sup> Тартан – национальный костюм шотландских горцев.

<sup>12</sup> Плэк и боддло – мелкие монеты в Шотландии.

предоставить свои знания в мое распоряжение. Я знал, что место моего назначения Торосэй, и, повторяя им это название, делал знак рукой, но, вместо того чтобы просто указать мне направление, они начинали разглагольствовать на гэльском наречии, доведившем меня до одурения, и поэтому не мудрено, что я часто сбивался с пути.

Наконец, около восьми часов вечера, я, очень усталый, дошел до уединенного дома и попросил впустить меня, но получил отказ, пока не догадался о власти денег в такой бедной стране и не показал одну из моих гиней, держа ее между указательным и большим пальцами. Тогда владелец дома, который раньше притворялся, что не говорит по-английски и знаками гнал меня прочь от двери, вдруг заговорил совершенно чисто на моем языке и согласился за пять шиллингов приютить меня на ночь и проводить на другой день до Торосэя.

Эту ночь я спал беспокойно, боясь, чтобы меня не ограбили, но тревога моя была напрасна: мой хозяин не был разбойник, а только большой плут, живший в крайней бедности. Но и соседи его были не богаче, так что на следующее утро нам пришлось идти за пять миль к одному «богачу», как выражался мой хозяин, чтобы разменять одну из моих гиней. Может быть, он и был богачом в Малле, но на юге его, наверное, не сочли бы таковым, так как, для того чтобы набрать двадцать шиллингов серебром, ему пришлось отдать все свои наличные деньги, обшарить весь дом и еще приза-

нять кое-что у соседа. Одни шиллинг он оставил себе, уверяя, что не в состоянии обойтись без мелочи, так как такую крупную монету не скоро разменяешь. Но все-таки он был очень любезен и разговорчив, пригласил нас обоих отобедать с его семьей и сварил пунш в прекрасной фарфоровой чашке, после чего мой плутоватый проводник так развеселился, что отказался идти дальше.

Я стал сердиться и обратился за помощью к богачу – его звали Гектор Маклин, – в присутствии которого я заключил сделку с проводником, и заплатил ему пять шиллингов. Но Маклин, также выпивший, клялся, что ни один джентльмен не должен уходить из-за стола, после того как сварен пунш. Мне ничего более не оставалось, как сидеть и слушать якобитские тосты и гэльские песни, пока все не опьянели и не побрели, спотыкаясь, на ночлег, кто к постелям, а кто на гумно.

На следующий день – четвертый день моего путешествия – мы поднялись, когда еще не было пяти часов, но мой плутоватый проводник сейчас же принялся за бутылку, и я целых три часа не мог вытащить его из дому, и это, как увидите, повлекло за собой новую неудачу.

Пока мы спускались в поросшую вереском долину, все шло хорошо, хотя проводник постоянно оглядывался назад и на мои расспросы только усмехался. Но не успели мы обогнуть холм и потерять из виду дом Маклина, как он объявил, что Торосэй находится прямо передо мной и что мне надо



все время держаться вершины холма, который он мне указал.

– Мне это вовсе не нужно, – сказал я, – ведь вы идете со мной.

Но бессовестный плут отвечал по-гэльски, что не понимает английского языка.

– Ну, любезный, – заявил я, – я прекрасно знаю, что ваши познания в английском то пропадают, то снова возвращаются. Скажите: что нужно сделать, чтобы вернуть их? Заплатить еще?

– Еще пять шиллингов, – сказал он, – и я доведу вас.

Подумав немного, я предложил ему два, на что он с жадным видом согласился, но потребовал деньги вперед – «на счастье», говорил он, но я думаю, что, скорее, на мое несчастье.

Два шиллинга действовали недолго: не пройдя и двух миль, он уселся около дороги и снял свои грубые башмаки, как человек, собравшийся отдохнуть.

– А, – рассердился я, – вы опять не понимаете по-английски?

Он нагло ответил:

– Не понимаю.

Тут я вышел из себя и поднял руку, чтобы ударить его. Он вытащил из своих лохмотьев нож и откинулся назад, оскалив зубы, как дикая кошка. Забыв все на свете, я бросился на него, левой рукой оттолкнул нож, а правой ударил его по лицу. Я был сильный малый и притом до крайности взбешен, а

мой противник – небольшого роста, поэтому он тяжело упал на землю. К счастью, нож выпал у него из рук во время падения.

Я подобрал нож и башмаки, пожелал ему всего хорошего и продолжал путь, оставив его безоружным и босым. Я весело шел вперед, уверенный по многим причинам, что покончил с этим мошенником. Во-первых, он знал, что больше не получит от меня денег; во-вторых, башмаки в этой стране стоили только несколько пенсов; в-третьих, нож свой, который на самом деле был кинжалом, он носил противозаконно.

Через полчаса я нагнал высокого человека в лохмотьях, шедшего довольно быстро, но нащупывавшего дорогу палкой. Это был слепой, назвавший себя законоучителем, что должно было бы успокоить меня. Однако мрачное, зловещее выражение его лица не нравилось мне, а когда я пошел с ним рядом, увидел, что из-под лацкана его кармана выглядывает стальной приклад пистолета. За ношение оружия полагался штраф в пятнадцать фунтов стерлингов на первый раз и высылка в колонии – на второй. Я не мог понять, зачем законоучителю ходить вооруженным и на что слепому пистолет.

Я рассказал ему про своего проводника, так как гордился своим поступком, и тщеславие на этот раз взяло верх над моим благоразумием. При упоминании о пяти шиллингах он так громко возмутился, что я решил лучше не упоминать о двух других и радовался, что он не видит моего сконфуженного лица.

– Я дал слишком много? – спросил я, немного запинаясь.

– Слишком много! – воскликнул он. – Да я охотно сам провожу вас до Торосэя за рюмку водки, и в придачу вы будете наслаждаться обществом довольно образованного человека.

Я сказал, что не понимаю, как слепой можег служить проводником. На эти слова он громко рассмеялся и ответил, что при помощи своей палки видит не хуже орла.

– По крайней мере, на острове Малле, – прибавил он, – где мне знакомы каждый камень и каждый кустик вереска. Смотрите, – сказал он, помахивая палкой направо и налево, – там внизу течет речка, а выше стоит холмик, и на его вершине лежит камень. Почти у подошвы холма проходит путь на Торосэй. Эта же дорога предназначена для скота, и потому так утоптана и вьется зеленой лентой среди вереска.

Я должен был сознаться, что все это совершенно верно, и выказал свое удивление.

– О, – сказал он, – это еще что! Поверите ли, что когда до опубликования акта здесь еще можно было носить оружие, я умел даже стрелять!.. Да, умел! – воскликнул он, затем, взглянув искоса, прибавил: – Если б у вас был пистолет, я бы показал вам свое искусство.

Я отвечал, что у меня нет оружия, и отошел от него подальше. Если б он только знал, что в это время из его кармана высовывался пистолет и я мог ясно видеть, как на его рукоятке играют лучи солнца! Но, на мое счастье, он не знал

этого и думал, что все шито-крыто, и продолжал лгать.

Вскоре он начал хитро выпрашивать меня, откуда я иду, и богат ли я, и могу ли я разменять ему пять шиллингов, — он уверял, что они лежат у него в кошельке, — и все время старался приблизиться ко мне, тогда как я держался от него подальше. Мы теперь шли поочередно, как в хороводе, переходя с одной стороны на другую, по зеленой скотопрогонной дороге, пересекавшей холмы по направлению к Торосэю. Я так ясно сознавал свое превосходство, что был в прекрасном настроении и находил удовольствие в этой игре в жмурки, но законоучитель сердился все больше и больше и, наконец, начал ругаться по-гэльски и старался палкой ударить меня по ногам.

Тогда я объявил ему, что и у меня, как у него в кармане, есть пистолет и что если он не пойдет через холм прямо на юг, я пущу ему пулю в лоб.

Он сразу стал учтивым и некоторое время тщетно пытался смягчить меня. Наконец он выругал меня по-гэльски и убрался прочь. Я смотрел ему вслед, пока он, нащупывая дорогу палкой, зашагал через болото и терновники и, обогнув холм, не исчез в ближайшей ложбине. Затем я продолжал путь по направлению к Торосэю, довольный, что путешествую один, а не с этим ученым мужем. То был несчастливый день, и два человека, от которых я только что отделался, были самыми худшими из тех, кого я встретил в горной Шотландии.

В Торосэе, на Маллском проливе, фасадом к Морвену, стояла гостиница, хозяин которой происходил из рода Маклинов, кажется, очень знатного. Содержать гостиницу в Райлэнде считается еще более почетным занятием, чем у нас, потому ли, что с ним связано понятие о гостеприимстве, или потому, что праздный и пьяный образ жизни считается приличным джентльмену. Хозяин хорошо говорил по-английски и, найдя, что я был в некотором роде ученым, проэкзаменовал меня сперва по французскому языку, в знании которого я его легко побил, а затем по латинскому, в котором мы оказались почти равными. Это веселое соревнование сразу поставило нас в дружеские отношения; я сидел ипил с ним пунш – вернее, смотрел, как онпил, – пока он, подвыпив, не начал рыдать у меня на плече.

Я будто случайно показал ему пуговицу Алана, но было ясно, что он не только никогда ее не видел, но и не слышал о ней. Он питал некоторую неприязнь к семье и друзьям Ардшиля и, до того как напился, прочел мне пасквиль на прекрасном латинском языке, но весьма дурного содержания, написанный им элегическими стихами на одного из членов семьи этого дома.

Когда я рассказал ему про законоучителя, он покачал головой и заметил, что я счастливо отделался.

– Это очень опасный человек, – прибавил он, – его зовут Дункан Макэй. Он умеет стрелять по слуху на несколько ярдов. Его часто обвиняли в грабежах на большой дороге и

один раз даже в убийстве.

– Лучше всего то, что он называет себя законоучителем, – сказал я.

– А отчего бы ему так не называть себя, – отвечал он, – если он действительно законоучитель? Маклин из Дюарта дал ему это звание из сострадания к его слепоте. Но, пожалуй, это было неосторожно, так как теперь под предлогом обучения юношества закону божию он вечно бродит по большим дорогам, а это, без сомнения, большое искушение для бедняка.

Наконец хозяин, не будучи более в состоянии пить, указал мне постель, на которую я улегся в прекрасном расположении духа: без особенной усталости я прошел в четыре дня значительную часть большого и извилистого острова Малл, от Эррейда до Торосэя, что по прямому пути составляет пятьдесят миль, а с моими скитаниями – около ста. В конце этого длинного путешествия я даже чувствовал себя гораздо бодрее духовно и физически, чем в начале его.

## XVI. «Мальчик с серебряной пуговицей». По Морвену

От Торосэя до Книлохалина на другом берегу существует регулярное сообщение на пароме. Оба берега пролива принадлежали сильному клану Маклинов, и почти все пассажиры, переправлявшиеся вместе со мной на пароме, были из того же клана. Шкипера барки звали Нэйль Рой Макроб. А так как это было одно из имен клана Алана Брека, который сам послал меня к этому перевозу, мне очень хотелось поскорей поговорить наедине с Нэйлем Роем.

На переполненной народом барке это было, конечно, невозможно, а переправа совершалась очень медленно: ветра не было и грести можно было только двумя веслами с одной стороны и одним веслом с другой, так как барка была плохо оборудована. Перевозчики охотно позволяли пассажирам по очереди помогать им, и вся компания проводила время за пением гэльских песен. Песни, морской воздух, добродушие и хорошее настроение присутствовавших, прекрасная погода – все это делало плавание очень приятным.

Впрочем, не обошлось без печальных переживаний. В устье Лох-Алина стояло на якоре морское судно. Сначала я предположил, что это один из королевских крейсеров, наблюдавших зимой и летом за этим берегом, чтобы препят-

ствовать его сношениям с Францией. Но когда мы подошли поближе, стало ясно, что это торговое судно. Особенно меня поразило, что не только палуба, но и весь берег чернел народом, а по морю беспрестанно сновали шлюпки. Подойдя ближе, мы услышали громкие причитания и душераздирающий плач.

Тут я понял, что это эмигрантское судно, направляющееся в американские колонии.

Когда мы приблизились на нашей барке к судну, изгнанники стали нагибаться через борт, плача и простирая руки к моим спутникам, среди которых находились их близкие друзья. Я не могу сказать, долго ли это продолжалось, так как все утратили понятие о времени. Но капитан судна, который, казалось, совсем потерял голову – и не мудрено – от этого плача и всеобщей сумятицы, наконец подошел к нам и попросил нас отойти.

Когда Нэйль отплыл, главный певец на барке затянул меланхолическую песнь, подхваченную немедленно как эмигрантами, так и их товарищами на берегу. Песня зазвучала повсюду, точно плач по умирающим. Я видел, как слезы текли по щекам мужчин и женщин, а мотив песни глубоко расстрогал даже меня.

В Киплохалине на берегу я отозвал Нэйля в сторону и спросил, не принадлежит ли он к аппинцам.

– Да. Ну и что же из этого? – отвечал он.

– Я ищу одного человека, – сказал я, – я думаю, что вы



имеете о нем сведения. Его зовут Алан Брек. – И, вместо того чтобы показать ему пуговицу, я очень глупо попытался сунуть ему в руку шиллинг.

Он отступил назад.

– Вы меня оскорбляете, – сказал он, – не так следует джентльмену поступать с другим джентльменом. Человек, которого вы ищете, теперь во Франции, но если б он даже был в моем кармане, а вы представляли бы из себя мешок с шиллингами, я не тронул бы волоса на его голове.

Я увидел, что пошел ложным путем, к, не теряя времени на извинения, показал ему пуговицу.

– Хорошо, хорошо, – сказал Нэйль, – мне кажется, что вам следовало начать с этого конца. Если вы «мальчик с серебряной пуговицей», то и ладно: мне поручено проводить вас до места. Но если позволите быть откровенным, – сказал он, – вам никогда не следует упоминать имени Алана Брека, а также не следует предлагать денег гайлэндскому джентльмену.

Мне было очень трудно найти извинения: ведь не мог же я сказать ему – а это было правдой, – что пока он не назвал себя джентльменом, мне это и в голову не могло прийти. Нэйль, со своей стороны, не имел желаний продолжать со мной разговор: он только хотел исполнить данные ему приказания и покончить дело со мной. Поэтому он торопился познакомить меня с моим маршрутом: я должен был переночевать на кинлохалинском постоялом дворе, на следующий

день пройти по Морвену до Ардгура и провести ночь в доме Джона Клайморского, предупрежденного об этом; на третий день переправиться через один лох<sup>13</sup> у Коррана и через другой у Балахклиша, а затем спросить дорогу к дому Джемса Глэнского в Аухарне, в Аппинском Дюроре. Как видите, мне часто приходилось переправляться на лодке, так как в этих местах море глубоко врзается в скалы и извивается вокруг них. Страну эту легко защищать, но трудно по ней путешествовать, и вся она представляет собой серию диких и мрачных пейзажей.

Нэйль дал мне еще несколько советов: не говорить ни с кем по дороге, избегать вигов, Кемпбеллов и «красных солдат»; при их приближении сходить с дороги и прятаться в кусты, потому что встреча с ними никогда не ведет к добру, – короче, он советовал мне вести себя, как подобает разбойнику или якобитскому агенту, за которого меня, вероятно, и принимал.

Кинлохалинская гостиница была похожа на отвратительный свиной хлев, полный дыма, нечистот и молчаливых горцев. Я был очень недоволен не только помещением, но и самим собой за дурное обхождение с Нэйлем. Я думал, что хуже и быть ничего не могло, но ошибался и вскоре убедился в этом. Не прошло и получаса с тех пор, как я пришел в гостиницу – все это время мне пришлось стоять в дверях, так как

---

<sup>13</sup> Лохами называются в Шотландии морские заливы глубоко вдающиеся в сушу и образующие как бы озера.

торфяной дым ел мне глаза, – как вдруг разразилась гроза; по холму, где стояла гостиница, потекли ручьи, проникли в помещение и половину комнат превратили в бурный поток. В те времена по всей Шотландии постоянные дворы были довольно плохи, но все же я не мог не изумиться, когда мне от очага до постели пришлось идти по щиколотку в воде.

Рано утром я нагнал в дороге маленького полного, важного на вид человека, который шел очень медленно, выворачивая носки; по временам он читал книгу, отмечая что-то ногтем, и своей скромной одеждой напоминал лицо духовного звания.

Оказалось, что он тоже законоучитель, но совершенная противоположность слепому из Малла: он был послан эдинбургским обществом распространения христианства проповедовать евангелие в наиболее диких местах горной Шотландии. Его звали Гендерлэнд. Говорил он с тем резким южным акцентом, о котором я начинал скучать. Вскоре мы, кроме общей отчизны, нашли и другой общий интерес. Мой добрый друг, иссендинский священник, в свободное время перевел на гэльское наречие несколько гимнов и религиозных книг, которые хорошо знал Гендерлэнд, отозвавшийся с глубоким уважением о переводчике. Одну из этих книг он как раз взял с собой и читал ее по дороге. Мы сразу же пошли вместе, так как До Кинагайрлоха нам было по пути. Иногда он останавливался и разговаривал со встречающимися и обгонявшими нас путниками и с местными рабочими. Хотя я не мог

понять их разговора, мне показалось, что мистера Гендерлэнда любят в этой стране, так как видел, что многие вынимали свои табакерки и предлагали ему щепотку.

О своих делах я рассказывал только то, что считал возможным рассказывать, то есть все, что не касалось Алана, сказал ему, что иду в Балахклиш, где должен встретиться с другом, так как подумал, что не следует указывать на Аухарн или даже на Дюрор.

Он, с своей стороны, много рассказывал мне о своем призвании и о народе, среди которого ему приходилось работать, о скрывающихся священниках и якобитах, об акте о разоружении, об одежде и других любопытных явлениях того места и времени. Он казался умеренным: в некоторых отношениях осуждал парламент, в особенности за то, что акт предписывал строже преследовать ношение национальной одежды, нежели оружия.

Его умеренность навела меня на мысль расспросить его о Красной Лисице и об аппинских фермерах. Я думал, что эти вопросы покажутся совершенно естественными в устах человека, направляющегося в эту страну. Он отвечал, что это скверная история.

– Просто удивительно, – говорил он, – откуда эти несчастные берут деньги, тогда как сами они умирают с голоду? У вас нет с собой табаку, мистер Бальфур? Нет? Прекрасно, я обойдусь без него. Но, без сомнения, этих фермеров отчасти принуждают. Джемс Стюарт Дюрор – его называют Джемс

Глэнский – единокровный брат Ардшиля, предводителя клана. Его очень уважают, и он пользуется большим влиянием у фермеров. А потом есть еще другой, по имени Алан Брек.

– О, – воскликнул я, – а это что такое?

– Можно ли сказать о ветре, что это такое, где он дует? – ответил Гендерлэнд. – Он то здесь, то там: сегодня тут, а завтра умчался. Ловкий малый! Я бы не удивился, выгляни он сейчас из-за того куста дрока! Нет ли у вас с собой табаку, а?

Я ответил, что нет и что он уже не раз спрашивал меня об этом.

– Очень возможно, – сказал он, вздыхая. – Но это мне кажется странным. Итак, я говорил вам, этот Алан Брек – отчаянной храбрости контрабандист и правая рука Джемса. Он уже осужден, и ему теперь все нипочем. Очень вероятно, что если бы кто-нибудь из фермеров стал отказываться, он проткнул бы его кинжалом.

– Вы выставляете все в очень неприглядном виде, мистер Гендерлэнд, – сказал я. – Если тут действует только страх, то мне не хотелось бы и слушать об этом.

– Нет, – отвечал мистер Гендерлэнд, – тут, кроме страха, играет роль и любовь, и самоотречение, так что становится стыдно за себя. В этом есть какое-то благородство, может быть, и не с христианской, но с общечеловеческой точки зрения. Даже Алан Брек, по всему, что я слышал о нем, – борец, достойный уважения. В нашей стране есть много лживых и подлых людей, которые посещают усердно церковь и поль-

зуются уважением общества, а между тем они гораздо хуже этого безумца, безрассудно проливающего человеческую кровь. Да, да, нам бы следовало поучиться у него. Вы, может быть, думаете, что я слишком долго жил среди горцев? – прибавил он, поглядывая на меня с улыбкой.

Я отвечал ему отрицательно, прибавив, что встретил среди гайлэндеров многое, достойное удивления, и что сам мистер Кемпбелл был тоже родом из горной Шотландии.

– Да, – сказал я, – это правда, это знатный род... А что делает теперь королевский агент? – осведомился я.

– Колин Кемпбелл? – спросил Гендерлэнд. – Он сам лезет на рожон!

– Я слышал, что он силой хочет согнать арендаторов с их земли, – сказал я.

– Да, – отвечал он, – но дело это, как говорится, ни с места. Во-первых, Джемс Глэнский поехал в Эдинбург, нашел там юриста – без сомнения, Стюарта: они все стоят друг за друга, – и добился приостановки выселения. Но потом Колин Кемпбелл снова выиграл дело в суде государственного казначейства. Теперь я слышал, что первая партия выселяемых должна отправиться завтра. Выселение начнется с Дюрора, под самыми окнами Джемса, что, по моему скромному разумению, безрассудно.

– Вы думаете, что они станут защищаться? – спросил я.

– Положим, они обезоружены, – сказал Гендерлэнд, – или предполагается, что они обезоружены, хотя еще много хо-

лодного оружия припрятано в укромных уголках. Кроме того, Колин Кемпбелл вытребовал туда солдат. И все-таки, будь я на месте его жены, я не был бы спокоен, пока он не вернется домой. За этих аппинских Стюартов никогда нельзя поручиться.

Я спросил, опаснее ли они своих соседей.

– Нет, – сказал он, – это-то и скверно, потому что если Колин Рой добьется своего в Аппине, ему придется начинать снова в соседней местности, которая называется Мамор и принадлежит Камеронам. Ему, как королевскому агенту, приходится выселять арендаторов из той и другой земли, и, откровенно говоря, мистер Бальфур, я уверен, что если на первый раз он и увернется, то на второй ему несдобровать.

Разговаривая подобным образом, мы шли почти весь день, пока наконец мистер Гендерлэнд не выразил своего удовольствия, что провел время так приятно в обществе друга мистера Кемпбелла, «которого, – сказал он, – я осмелюсь назвать сладкогласным певцом нашего духовного Сиона», и предложил мне сделать небольшой привал, чтобы провести ночь в его доме, немного в стороне от Кингайрлоха. По правде сказать, я был чрезвычайно рад: у меня не было ни малейшего желания знакомиться с Джоном Клаймором, и после двойной неудачи – сперва с проводником, а затем с джентльменом-перевозчиком – я немного побаивался незнакомых горцев.

Итак, мы ударили по рукам и после полудня подошли

к маленькому домику, одиноко стоявшему на берегу Линни-Лоха. Солнце уже ушло с пустынных Ардгурских гор, но еще освещало Аппинские скалы на противоположном берегу. Лох был спокоен, как озеро, только чайки кричали во круг, и вся местность имела какой-то странный и торжественный вид.

Не успели мы дойти до двери дома мистера Гендерлэнда, как, к моему великому удивлению – я успел уже привыкнуть к гайлэндерской вежливости, – он неожиданно промчался вперед, оставив меня позади, влетел в комнату, схватил банку и роговую ложечку и начал набивать свой нос табаком в самом неумеренном количестве. Затем он хорошенько прочихался и оглянулся на меня с глуповатой улыбкой.

– Я дал обет, – сказал он, – что не буду брать с собой табак. Это, разумеется, большое лишение. Но когда я вспоминаю о мучениках не только в Шотландии, но и в других христианских странах, мне становится стыдно и думать об этом.

Как мы только поели – овсяная каша и сыворотка были самыми вкусными из блюд добряка, – он с серьезным лицом заявил, что у него есть обязанности по отношению к мистериу Кемпбеллу, а именно – осведомиться о состоянии моей души. Вспомнив случай с табаком я готов был улыбнуться, но вскоре от его слов на глазах у меня выступили слезы.

Доброта и скромность – вот два качества, которые никогда не должны утомлять человека. Мы редко встречаем их в этом грубом мире, среди черствых и надменных людей. Хотя



я порядочно заважничал после удачного исхода моих приключений, но слова мистера Гендерлэнда, полные доброты и смирения, вскоре заставили меня опуститься на колени перед этим простым бедным стариком и радоваться и гордиться своим положением.

Перед тем как лечь спать, он предложил мне на дорогу шесть пенсов из своих скудных сбережений, хранившихся в земляной стене его дома, и такой избыток доброты привел меня в большое смущение. Но он так настаивал, что я счел наиболее вежливым исполнить его желание, хотя после этого он стал беднее меня.

## XVII. Смерть Красной Лисицы

Назавтра мистер Гендерлэнд нашел человека, владельца лодки, который в этот день собирался переплыть Линни-Лох, чтобы в Аппине заняться рыбной ловлей. Человек этот принадлежал к его пастве, и Гендерлэнд убедил его взять меня с собой, и таким образом мое путешествие сократилось на целый день, и я сберег деньги, которые пришлось бы уплатить за переправу на двух паромах.

Мы отправились около полудня. День был пасмурный, небо затянулось облаками, и, пробиваясь сквозь них, солнечные лучи только кое-где освещали землю. Линни-Лох в этом месте был очень глубокий и спокойный, так что я должен был взять воды в рот, чтобы увериться, что она действительно соленая. Со всех сторон поднимались высокие, неровные, бесплодные скалы, черные и мрачные в тени облаков и серебристые, изборожденные горными потоками, когда их освещало солнце. Аппинская страна показалась мне слишком суровой, чтобы я понял страстную привязанность к ней Алана.

Надо упомянуть еще об одном. Вскоре после того, как мы пустились в путь, солнце осветило небольшое красное, движущееся пятно близ северного берега. Его цвет очень напоминал одежду солдат. Кроме того, на нем время от времени что-то блестело и искрилось, словно сталь при солнечном свете.

Я спросил у лодочника, что бы это могло быть. Он отвечал, что это, вероятно, красные солдаты, вызванные из форта Виллиам по случаю выселения бедных арендаторов Аппина. Сознаюсь, что это зрелище опечалило меня. Оттого ли, что я думал об Алане, или от какого-то предчувствия, но я, только два раза видевший войско короля Георга, не почувствовал к нему особенного расположения.

Наконец мы так близко подошли к берегу у входа в Лох-Левен, что я попросил высадить меня. Мой лодочник – честный малый, помнивший обещание, данное законоучителю, – охотно бы довез меня до Балахклиша. Но так как это отдаляло меня от места моего тайного назначения, я настоял на своем, и меня наконец высадили на берег около Леттерморского (или Леттеворского; мне приходилось слышать и то и другое) леса в Аппине – родине Алана.

Лес этот, состоявший из берез, рос на крутом, скалистом склоне горы, нависшей над Лохом. В нем было много прогалов и долинок, покрытых папоротником, а посреди него с севера на юг шла дорога или, вернее, тропинка для всадников. У поворота тропинки бежал ручей, у которого я присел, чтобы закусить овсяным хлебом мистера Гендерлэнда и подумать о своем положении.

Тут меня стали беспокоить не только тучи комаров, но также и сомнения, бродившие в моей голове. Как следовало мне поступить? Зачем мне было встречаться с Аланом – человеком, объявленным вне закона и готовым совершить

убийство? Не благоразумнее ли было бы самостоятельно отправиться на юг? Что подумают обо мне мистер Кемпбелл и мистер Гендерлэнд, если когда-нибудь узнают о моем безрассудстве и самонадеянности? Вот сомнения, которые сильнее, чем когда-либо, одолевали меня.

Пока я сидел и думал, в лесу послышались шаги и топот лошадей, и вскоре на повороте дороги показались четыре путешественника. Дорога в этом месте была такая неровная и узкая, что они шли поодиночке, ведя лошадей под уздцы. Впереди выступал высокий рыжеволосый джентльмен с надменным раскрасневшимся лицом; шляпу свою он нес в руках и обмахивался ею, задыхаясь от жары. Второго – по его черной приличной одежде и белому парикку – я с полным основанием принял за юриста. Третий был слуга в одежде из клетчатой материи; это доказывало, что господин его – гайлэндер – или осужден законом, или, напротив, находится в странно дружеских отношениях с правительством, так как ношение тартана воспрещалось актом. Если бы я больше понимал в этом деле, то заметил бы на тартане цвета Арджайлей (или Кемпбеллов). К лошади слуги ремнями был привязан объемистый чемодан, а у луки седла висела сетка с лимонами – для пунша, – так часто ездили богатые путешественники в этой стране.

Что же касается четвертого, замыкавшего шествие, то я и прежде встречал ему подобных и сейчас же признал в нем помощника шерифа.

Как только я увидел этих людей, то решил – не знаю почему, – что мои похождения будут продолжаться. Когда первый всадник приблизился ко мне, я встал и спросил у него дорогу в Аухарн.

Он остановился и, как мне показалось, взглянул на меня несколько странно. Затем, обернувшись к стряпчему, он сказал:

– Мунго, многие сочли бы это за дурное предзнаменование: я еду в Дюрор по известному вам делу, и вдруг из кустов папоротника появляется мальчик и спрашивает, не направляюсь ли я в Аухарн?

– Гленур, – сказал тот, – это плохой предмет для шуток.

Оба приблизились и смотрели на меня, тогда как двое других остановились за ними на расстоянии брошенного камня.

– А что тебе нужно в Аухарне? – спросил Колин Рой Кемпбелл из Гленура, по прозвищу Красная Лисица, – это был он.

– Видеть человека, который там живет, – ответил я.

– Джемса Глэнского? – задумчиво спросил Гленур и прибавил, обращаясь к стряпчему: – Как вы думаете, он собирает своих людей?

– Во всяком случае, – заметил стряпчий, – нам лучше подождать тут и приказать солдатам присоединиться к нам.

– Если вы хотите знать, кто такой я, – сказал я, – то я не принадлежу ни к вашей, ни к его партии. Я честный поддан-

ный короля Георга, никого не боюсь и никому не обязан.

– Прекрасно сказано, – ответил агент. – Но осмелюсь спросить, что этот честный человек делает так далеко от своей родины и зачем он ищет брата Ардшиля? Должен сказать тебе, что я имею здесь власть. Я королевский агент в здешних поместьях и в моем распоряжении солдаты.

– О вас идет молва, – прибавил я, немного раздраженно, – что с вами трудно ладить.

Он с прежним сомнением продолжал смотреть на меня.

– Да, – вымолвил он наконец, – ты смело разговариваешь, но я ничего не имею против откровенности. Если бы ты спросил у меня дорогу к Джемсу Стюарту как-нибудь в другой раз, я показал бы ее тебе и пожелал доброго пути. Но сегодня... Эй, Мунго!

И он опять повернулся к стряпчему.

Не успел он этого сделать, как с вершины горы раздался ружейный выстрел, и в ту же минуту Гленур упал на дорогу.

– О, я умираю! – несколько раз повторил он. Стряпчий подхватил его, а слуга стоял рядом, ломая руки. Раненый окинул их затуманенным взглядом и произнес изменившимся голосом, который тронул мое сердце:

– Позаботьтесь о себе, я умираю.

Он попытался расстегнуть одежду, как бы отыскивая рану, но пальцы его соскользнули с пуговиц. Он испустил тяжелый вздох, опустил голову на плечо и умер.

Стряпчий не произнес ни слова, но лицо его вытянулось

и побледнело, как у покойника. Слуга громко заплакал и закричал, точно ребенок. Я же не двигался с места и в каком-то ужасе смотрел на них. Помощник шерифа при первом звуке выстрела побежал назад, чтобы поторопить солдат.

Наконец стряпчий опустил мертвеца на дорогу, залитую кровью, и, шатаясь, встал на ноги. Это движение, вероятно, вернуло мне сознание, так как я сразу бросился к горе и стал быстро карабкаться вверх, крича:

– Убийца, убийца!

Времени прошло так мало, что, когда я взобрался на первый выступ и мог увидеть часть открытой горы, убийца был еще близко. Это был высокий человек в черной одежде с металлическими пуговицами; в руках он держал длинное охотничье ружье.

– Вот он, – закричал я, – я вижу его!

Тут убийца бросил быстрый взгляд через плечо и пустился бежать. Через минуту он скрылся между березами, потом появился снова и начал влезать, как обезьяна, на следующий, необычайно крутой уступ скалы. Затем он исчез за поворотом, и больше я не видел его.

Все это время я бежал тоже и уже поднялся довольно высоко, как услышал голос, кричавший, чтобы я остановился.

Я был на краю верхнего леса, но когда я оглянулся, то увидел перед собою всю открытую часть горы.

Стряпчий и помощник шерифа стояли на дороге, крича и делая мне знак, чтобы я спустился. Налево от них из нижне-

го леса начинали поодиночке выходить солдаты с ружьями в руках.

– Зачем мне возвращаться? – спросил я. – Лучше вы идите сюда!

– Десять фунтов тому, кто поймает этого мальчишку! – заявил стряпчий. – Он соучастник. Его поставили здесь, чтобы задержать нас разговорами.

При этих словах, которые я отлично слышал, хотя он обращался к солдатам, а не ко мне, душа мой ушла в пятки от совершенно нового чувства. Одно дело – подвергать опасности свою жизнь, а другое – рисковать не только жизнью, но и честью. К тому же все это совершилось так внезапно, точно гроза в ясный день, и я почувствовал себя пораженным и беспомощным.

Солдаты рассыпались по горе; некоторые из них побежали вперед, другие вынули ружья и стали целиться в меня; я же стоял неподвижно.

– Спрячься здесь за деревьями, – слышался голос рядом со мной.

Я едва соображал, что делаю, но послушался. И не успел я спрятаться, как услышал выстрелы из ружей и свист пуль между березами.

Под прикрытием деревьев стоял Алан Брек с удочкой в руках. Он не поздоровался со мной. Нам было не до учтивости. Он только сказал: «Идем!» – и побежал по склону горы по направлению к Балахклишу, а я, как овца, следовал



за ним.

Мы бежали между березами и то прятались за низкими выступами на склоне горы, то ползли на четвереньках между вереском. Мы бежали так быстро, что сердце мое готово было разорваться, и я не мог ни думать, ни говорить. Помню только, что с удивлением смотрел, как Алан время от времени поднимался во весь рост и оглядывался, причем каждый раз вдали раздавались крики солдат. Через четверть часа Алан остановился, упал плашмя в вереск и повернулся ко мне.

– А теперь, – сказал он, – начинается самое трудное. Если хочешь спасти свою жизнь, делай то же, что и я!

И с тою же быстротой, но с гораздо большими предосторожностями мы отправились обратно по склону холма, пересекая его, может быть, немного выше. Наконец в верхнем Леттерморском лесу, где я встретил Алана, он бросился на землю и долго лежал, спрятав лицо в папоротник и едва переводя дух.

Мои бока так болели, голова так кружилась, во рту так пересохло, что я растянулся рядом с ним точно мертвый.

## XVIII. Разговор с Аланом в Леттерморском лесу

Алан пришел в себя первым. Он встал, вышел из-за деревьев, оглянулся и, возвратившись, опустился на землю.

– Да, – сказал он, – это было жаркое дело, Давид.

Я ничего не ответил и даже не поднял головы. Я был свидетелем убийства, видел, как высокий, здоровый, веселый джентльмен в одну минуту был лишен жизни. Жалость, испытанная мною при этом зрелище, еще жила во мне, но не только это тревожило меня в ту минуту. Был убит человек, которого Алан ненавидел; сам Алан прятался между деревьями и убегал от солдат. Он ли стрелял или только отдал приказ это сделать – было безразлично. Выходило, что мой единственный друг в этой стране – настоящий убийца. Я чувствовал к нему отвращение, не мог взглянуть ему в лицо и охотнее согласился бы лежать в одиночестве под дождем и на моем холодном острове, чем в теплом лесу рядом с ним.

– Ты все еще чувствуешь усталость? – спросил он опять.

– Нет, – отвечал я, не поднимая лица из папоротника, – нет, я теперь не чувствую усталости и могу говорить. Нам надо расстаться, – сказал я. – Вы очень мне нравились, Алан. Но ваш путь – не мой и не божий... Одним словом, нам надо расстаться.

– Мне жаль будет расстаться с тобой, Давид, без всякой на то причины, – сказал Алан чрезвычайно серьезно. – Если тебе известно что-либо порочащее мою честь, то во имя нашего старого знакомства тебе следовало бы высказаться. А если тебе просто перестало нравиться мое общество, то мне следует считать себя оскорбленным.

– Алан, – ответил я, – к чему вы это говорите? Вы прекрасно знаете, что Кемпбелл лежит в крови на дороге.

Он некоторое время молчал, а затем спросил:

– Слышал ты когда-нибудь сказку о «Человеке и Добром Народе?»

– Нет, – сказал я. – И слышать не желаю.

– С вашего позволения, мистер Бальфур, я все-таки расскажу вам ее, – сказал Алан. – Человек был выброшен на скалистый остров, где, как видно, Добрый Народ останавливался и отдыхал по пути в Ирландию. Скала эта называется Скерривор и находится недалеко от места, где мы потерпели крушение. Человек, должно быть, очень жалобно сетовал на то, что перед смертью не увидит своего ребенка. Наконец над ним сжалился король Доброго Народа и послал гонца, который принес ребенка в мешке и положил его рядом с человеком, пока тот спал, так что, когда человек проснулся, он увидел рядом с собой мешок, в котором что-то шевелилось. Он, должно быть, принадлежал к той породе людей, которые всегда ожидают худшего. Прежде чем открыть мешок, он для безопасности пронзил его кинжалом, так что ребенка нашли

уже мертвым. Мне кажется, мистер Бальфур, что ты очень похож на этого человека.

– Вы хотите сказать, что не причастны к этому делу? – воскликнул я садясь.

– Я прежде всего скажу тебе, мистер Бальфур из Шооса, как другу, – сказал Алан, – что если бы я собирался убить джентльмена, то не сделал бы этого в своей собственной стране, чтобы не навлечь неприятностей на мой клан. И ты не встретил бы меня без шпаги и ружья, а лишь с удочкой за спиной.

– Да, – сказал я, – это правда!

– А теперь, – продолжал Алан, вынимая кинжал и кладя на него руку, – я клянусь на Священном Мече, что не принимал в этом никакого участия ни делом, ни мыслью.

– Благодарю за это бога! – воскликнул я и протянул ему руку.

Он как будто не заметил этого.

– Мне кажется, что какой-то Кемпбелл не стоит стольких разговоров! – сказал он. – Они вовсе не так редки, насколько мне известно.

– Во всяком случае, – отвечал я, – вы не можете особенно осуждать меня, Алан, так как прекрасно знаете, что говорили мне на бригае. Но желание и действие не одно и то же, и я снова благодарю за это бога. Всеми нами может овладеть искушение, но хладнокровно лишить человека жизни... – В эту минуту я больше ничего не мог сказать. – Вы знаете, кто

это сделал? – прибавил я. – Вы знаете того человека в черном кафтане?

– Я не вполне уверен в цвете его кафтана, – сказал Алан хитро. – Но мне почему-то кажется, что он был синий.

– Синий ли, черный ли, вы знаете его? – спросил я.

– По совести, я не могу поклясться в этом, – сказал Алан. – Правда, он прошел очень близко от меня, но, по странной случайности, я в это время завязывал башмаки.

– Можете ли вы поклясться, что не знаете его, Алан? – закричал я, готовый и сердиться и смеяться его уверткам.

– Пока нет, – сказал он, – но у меня очень короткая память, Давид.

– Но я видел ясно одно, – сказал я, – вы старались отвлечь внимание солдат на себя и на меня.

– Очень возможно, – отвечал Алан. – И каждый джентльмен поступил бы так же; мы оба не причастны к этому делу.

– Тем более имеем мы оснований оправдываться, если нас невинно подозревают! – воскликнул я. – Во всяком случае, о невинных надо подумать раньше, чем о виновных.

– Нет, Давид, – сказал он, – у невинных еще есть надежда, что правота их выяснится в суде. Для человека же, пустившего пулю, лучшее место, я думаю, в вереске. Люди, не замешанные ни в каких неприятностях, должны помнить о тех, кто в них замешан. В этом и заключается настоящее христианство. Если бы случилось наоборот и человек, которого я не мог разглядеть, был бы на нашем, а мы на его месте, что

легко могло бы случиться, то мы, без сомнения, были бы ему очень благодарны за то, что он отвлек на себя внимание солдат.

Когда дело дошло до этого, я потерял надежду убедить Алана.

Он, казалось, так наивно верил в свои слова и выражал такую готовность жертвовать собой за то, что считал своим долгом, что я не мог с ним спорить. Я вспомнил слова мистера Гендерлэнда о том, что мы сами могли бы поучиться у этих диких горцев, и принял к сведению этот урок. У Алана были превратные понятия, но он готов был отдать за них жизнь.

– Алан, – сказал я, – не стану лгать, что и я понимаю так христианский долг, но это все-таки хорошо, и я во второй раз протягиваю вам руку.

Тут он подал мне обе руки и заявил, что я, как видно, околдовал его, потому что он может мне простить все. Затем он очень серьезно прибавил, что нам нельзя терять времени и надо бежать обоим из этой страны: ему – потому, что он дезертир, и теперь весь Аппин будут обыскивать самым тщательным образом, и всех жителей будут подробно допрашивать о том, что они знают о нем; мне же – потому, что меня тоже считают замешанным в убийстве.

– О, – сказал я, желая дать ему маленький урок, – я не боюсь суда моей родины.

– Точно это твоя родина, – сказал он, – и точно тебя будут

судить здесь, в стране Стюартов...

– Это все Шотландия, – отвечал я.

– Я, право, удивляюсь тебе, – заметил Алаи. – Убит Кемпбелл, значит, и разбираться будет дело в Инвераре – главной резиденции Кемпбеллов. Пятнадцать Кемпбеллов будут присяжными, а самый главный Кемпбелл – сам герцог – будет важно председательствовать в суде. Правосудие, Давид? Уверяю тебя, это будет такое же правосудие, какое Гленур нашел недавно там, на дороге.

Признаюсь, эти слова меня немного смутили. Но я испугался бы еще больше, если бы знал, как верны предсказания Алана: действительно, он преувеличил только в одном отношении, так как среди присяжных было только одиннадцать Кемпбеллов. Но остальные четверо тоже зависели от герцога, так что это мало меняло дело.

Я все-таки воскликнул, что он несправедлив к герцогу Арджайльскому, который, хоть и виг, был мудрым и честным дворянином.

– Положим, – сказал Алан, – он виг. Но я никогда не стану отрицать, что он хороший вождь своего клана. Убит один из Кемпбеллов, и что скажет клан, если суд под председательством герцога никого не приговорит к повешению? Но я часто замечал, что вы, жители низменной Шотландии, не имеете ясного понятия о справедливости.

Тут я громко рассмеялся, и, к моему удивлению, Алан стал мне вторить, смеясь так же весело.

– Ну, ну, – сказал он, – ведь мы в горах, Давид, и если я советую тебе бежать, то послушайся меня и беги. Разумеется, тяжело прятаться в вересковых зарослях и голодать, но еще тяжелее сидеть закованным в кандалы в тюрьме, которую охраняют красные мундиры.

Я спросил его, куда же нам бежать. Он отвечал:

– В Лоулэнд.<sup>14</sup>

Тогда я несколько охотнее согласился отправиться с ним, так как с нетерпением ждал возможности возвратиться домой и взять верх над моим дядей. К тому же Алан был так уверен, что в этом деле не могло быть и речи о справедливости, что я начал бояться, не прав ли он. Из всех видов смерти мне менее всего нравилась смерть на виселице. Это отвратительное сооружение с необыкновенной ясностью представилось моему воображению (я раз видел виселицу на обложке дешевой книжки, где были напечатаны народные баллады) и отняло у меня всякую охоту предстать перед судьями.

– Я попытаю счастья, Алан, – сказал я, – я пойду с вами.

– Но помни только, – отвечал Алан, – что это нелегкое дело. Может случиться, что тебе будет очень тяжело, что у тебя не будет ни крова, ни пищи. Постелью тебе будет служить вереск, жить ты будешь, как затравленный олень, и спать с оружием в руке. Да, любезный, тебе много придется перенести, прежде чем мы будем в безопасности! Я говорю тебе это наперед, так как хорошо знаю эту жизнь. Но если ты спро-

---

<sup>14</sup> Лоулэнд – южная, не горная часть Шотландии.



сишь меня, какой же другой выход тебе остается, я скажу: никакого. Или беги со мной, или ступай на виселицу.

– Выбор очень легко сделать, – отвечал я, и мы на этом ударили по рукам.

– А теперь взглянем еще раз украдкой на красные мундиры, – сказал Алан и повел меня к северо-восточной опушке леса.

Выглянув из-за деревьев, мы смогли увидеть обширный склон горы, очень круто спускающийся к лоху. Место это было неровное, покрытое нависшими скалами, вереском и редким березовым лесом. На отдаленном конце склона, по направлению к Балахклишу, то появляясь, то исчезая над холмами и долинами и уменьшаясь с каждой минутой, двигались крошечные красные солдатики. Утомленные ходьбой, они больше не обменивались ободрительными возгласами, но продолжали придерживаться нашего следа и, вероятно, думали, что скоро нагонят нас.

Алан, улыбаясь, наблюдал за ними.

– Ну, – сказал он, – они устанут, прежде чем достигнут цели! А потому, Давид, мы можем присесть и перекусить, немножко передохнуть и выпить глоток из моей фляжки. Потом мы отправимся в Аухарн, в дом моего родственника Джемса Глэнского, где мне надо будет захватить одежду, оружие и денег на дорогу. А затем, Давид, мы закричим: «Вперед, наудалую!» – и бросимся в заросли.

Мы пили и ели, сидя на месте, откуда было видно, как

солнце закатывалось за громадными, дикими и пустынными скалами, по которым я был обречен скитаться с моим товарищем. Во время этого привала, а также и после, по дороге в Аухарн, мы рассказывали друг другу свои приключения. Из походов Алана я приведу здесь те, которые мне кажутся наиболее важными или интересными.

Оказывается, что он подбежал к борту корабля, как только прошла волна, заметил меня в воде, затем потерял из виду, потом на мгновение увидел, когда я попал в течение и ухватился за рей. Это подало ему надежду, что я, может быть, достигну земли, и он сделал те распоряжения, вследствие которых я попал (за мои грехи) в эту несчастную аппинскую землю.

Между тем на бриге успели спустить лодку, и двое или трое матросов уже находились в ней, когда подошла вторая, еще более сильная волна, приподняла бриг и, наверное, потопила бы его, если бы он не зацепился за выступ рифа. До сих пор нос брига находился выше, а корма была внизу. Но теперь корму подбросило кверху, а нос погрузился в море. И при этом вода устремилась в передний люк, точно из прорвавшейся мельничной плотины.

При одном воспоминании о том, что последовало дальше, краска сбежала с лица Алана. Внизу еще оставалось двое больных матросов, беспомощно лежавших на койках. Увидя воду, хлынувшую в люк, они решили, что судно тонет, и стали громко кричать, и это было так ужасно, что все, кто был

на палубе, бросились в лодку и взялись за весла.

Не успели они отплыть еще и двухсот ярдов, как нашла третья большая волна и сняла бриг с рифа. Паруса его на минуту надулись, и он, казалось, двинулся по ветру; постепенно оседая, он стал погружаться все глубже и глубже, и море поглотило «Конвент» из Дайзерта.

Пока лодка плыла к берегу, никто не произнес ни слова; все молчали, ошеломленные душераздирающими криками погибавших матросов. Но едва они ступили на берег, как Хозизен пришел в себя и приказал схватить Алана. Матросы сначала упирались, не имея ни малейшего желания повиноваться. Но в Хозизена, казалось, вселился бес. Он кричал, что сейчас Алан один, что у него большая сумма денег, что он виновен в гибели корабля и смерти их товарищей и они теперь могут отомстить ему и заодно обогатиться. Их было семеро против одного; поблизости не было ничего, что могло бы служить прикрытием Алану, и матросы, обступив его, стали подходить к нему сзади.

– И тогда, – сказал Алан, – рыжеволосый человечек... Я позабыл, как его зовут.

– Райэч? – спросил я.

– Да, – ответил Алан, – Райэч! Он принял мою сторону и спросил, матросов, неужели они не боятся суда, и потом прибавил: «Хорошо, я сам стану защищать этого гайлэндера». Этот рыжий не совсем уж дурной человек, – сказал Алан. – В нем все же есть порядочность.

– Да, – заметил я, – он по-своему был добр ко мне.

– И ко мне тоже, – подтвердил Алан, – и, честное слово, я нахожу, что он хорошо себя вел! Но, видишь ли, Давид, гибель корабля и крики тех несчастных очень сильно подействовали на него, и я думаю, что это-то и послужило главной причиной его доброты.

– Да, вероятно, – сказал я, – ведь сначала и он не отставал от других. Как же отнесся к этому Хозизен?

– Очень плохо, насколько я помню, – ответил Алан. – Но тут маленький человек крикнул, чтобы я бежал, и, найдя, что он прав, я последовал его совету. Взглянув на них в последний раз, я увидел, что они кучкой стоят на берегу и, кажется, ссорятся.

– Почему вы так думали? – спросил я.

– Потому что в ход пошли кулаки, – сказал Алан. – Я видел, как один из них как сноп повалился на землю. Я счел благоразумным не ждать развязки. В этой части Малла, знаешь, есть небольшой участок, принадлежащий Кемпбеллам, а они плохая компания для подобных мне джентльменов. Если бы не это, я бы остался и поискал бы тебя сам, не слушая советов маленького человека. (Было смешно, что Алан постоянно напирал на маленький рост мистера Райэча, хотя, по правде сказать, сам был немногим выше.) Таким образом, – продолжал он, – я со всех ног побежал вперед и, встречая кого-нибудь, кричал, что у берега судно потерпело крушение. Уверяю тебя, они не останавливались и не за-

держивали меня. Ты бы только посмотрел, как они мчались к берегу! А добежав, убеждались, что спешили напрасно, и это очень хорошо для Кемпбеллов. Я думаю, что в наказание их клану бриг пошел ко дну целиком, а не разбился. Но это было неудачно для тебя: если б хоть какие-нибудь обломки выбросило на берег, они стали бы повсюду рыскать и нашли бы тебя.

## XIX. Дом страха

Пока мы шли, надвигалась ночь, и облака, появившиеся днем, сгустились настолько, что для этого времени года стало очень темно. Путь наш шел по неровным горным склонам, и, хотя Алан уверенно шел вперед, я не мог понять, как он находит дорогу.

Наконец в половине одиннадцатого, мы добрались до вершины горы и увидели внизу огни. По-видимому, дверь одного дома была открыта, и через нее лился свет очага и свечей. Вокруг дома и служб сновало человек пять или шесть, каждый с горящими факелами в руках.

– Джемс, должно быть, потерял рассудок, – сказал Алан. – Если бы вместо нас с тобой сюда подошли солдаты, попал бы он в переделку! Но, вероятно, у него стоит часовой на дороге, и он отлично знает, что ни один солдат не найдет пути, по которому мы пришли.

С этими словами Алан три раза свистнул условленным образом. Странно было видеть, как при первом звуке все факелы остановились, точно люди, которые несли их, испугались, и как после третьего свистка суматоха возобновилась.

Успокоив их таким образом, мы спустились по склону, и у ворот – жилище было похоже на богатую ферму – нас встретил высокий красивый мужчина лет около пятидесяти, который окликнул Алана по-гэльски.

– Джемс Стюарт, – сказал Алан, – я попрошу тебя говорить по-шотландски, потому что я привел молодого человека, не понимающего никаких других языков. Вот он, – прибавил Алан, взяв меня за руку, – молодой джентльмен из Лолэнда, лорд в своей стране, но я думаю, для него будет лучше, если мы не назовем его имени.

Джемс Глэнский повернулся ко мне и поздоровался довольно благосклонно. Затем он обратился к Алану.

– Это был ужасный случай, он навлечет несчастье на всю страну! – воскликнул он.

– Ну, – сказал Алан, – ты должен примириться с ложкой дегтя в бочке меду. Колин Рой умер, и этому надо радоваться.

– Да, – продолжал Джемс, – но, честное слово, я бы желал, чтобы он был жив! Однако дело сделано, Алан. Но кто же будет отвечать за него? Случай этот произошел в Аппине – помни это, Алан. И Аппин будет расплачиваться, а у меня семья.

Пока они разговаривали, я наблюдал за слугами. Они, взобравшись на лестницы, разгребали солому на крыше дома и служебных построек, вытаскивая оттуда ружья, кинжалы и прочие военные доспехи. Другие уносили их, и, судя по ударам кирки, раздававшимся где-то ниже на склоне, я догадался, что их закапывали в землю. Хотя все работали усердно, но в работе не замечалось порядка: люди вырывали друг у друга ружья и сталкивались горящими фаеклами. А Джемс,

постоянно прерывая разговор с Аланом, отдавал приказания, которых, очевидно, не понимали. Лица, освещенные факелами, выражали страх, и, хотя все говорили шепотом, в голосах слышались тревога и раздражение.

Вскоре из дому вышла девушка с каким-то свертком в руках. Я часто потом улыбался, вспоминая, как, едва взглянув на этот узел, Алан мгновенно сообразил, что в нем находится.

– Что девушка держит? – спросил он.

– Мы приводим дом в порядок, Алан, – отвечал Джемс испуганно и немного заискивающе. – Ведь они будут обыскивать Аппин с фонарями, и все должно быть у нас в полном порядке. Мы, видишь ли, зарываем ружья и кинжалы в мох. А у нее, вероятно, твой французский мундир!

– Зарыть в мох мой французский мундир! – закричал Алан. – Клянусь, этого не будет! – Он завладел свертком и отправился в сарай переодеваться, а меня пока поручил родственнику.

Джемс повел меня на кухню, где мы сели за стол, и он, улыбаясь, начал беседовать со мной, как радушный хозяин. Но вскоре к нему вернулось уныние, он стал хмуриться и кусать ногти. Только иногда, вспоминая обо мне, он производил, слабо улыбаясь, одно-два слова и снова предавался своему горю. Жена его сидела у очага и плакала, закрыв лицо руками. Старший сын, присев на корточки, просматривал кипу документов и время от времени один из них сжигал.



Служанка, суетясь, хозяйничала в комнате, все время хныкающая от страха. То и дело в дверях показывалось лицо какого-нибудь работника, спрашивавшего приказа.

Наконец Джемс не мог более усидеть, извинился за неучтивость и пошел наблюдать за работами.

– Я составляю плохую компанию, сэр, – сказал он, – и не могу ни о чем думать, кроме ужасного происшествия, которое принесет столько бедствий совершенно невинным людям.

Немного позже, заметив, что сын сжигает бумагу, которую ему хотелось сохранить, отец не сумел совладать со своим волнением, и больно было видеть, как он несколько раз ударил паренька.

– Ты с ума сошел! – воскликнул Джемс. – Ты хочешь, чтобы отца твоего повесили? – и, забыв о моем присутствии, еще долго что-то кричал по-гэльски, на что юноша не отвечал ни слова.

Только жена при слове «повесили» накинула на лицо передник и зарыдала громче прежнего.

Для постороннего свидетеля тяжело было все это видеть и слышать, и я очень обрадовался, когда возвратился Алан, снова похожий на себя, в красивом французском мундире, хотя, откровенно говоря, он так износился и вылинялся, что едва ли заслуживал, чтобы его называли красивым. Тут меня увел другой сын Джемса и дал мне перемену платья, в котором я так давно нуждался. Кроме того, я получил пару баш-

маков из оленьей кожи, какие носят горцы. Сначала они показались мне странными, но вскоре я к ним привык и нашел их очень удобными.

К тому времени, когда я вернулся, Алан, должно быть, уже успел рассказать мою историю, так как у них было уже решено, что я должен бежать с Аланом вместе, и все занялись нашим снаряжением. Каждому из нас дали по шпаге и пистолету, хотя я признался в своем неумении владеть первой. С этой амуницией, мешком овсяной муки, железным котелком и бутылкой настоящего французского коньяку мы были готовы в путь. Денег, правда, у нас не хватало. У меня оставалось около двух гиней; деньги Алана отправили во Францию с другим гонцом, так что все состояние этого верного члена горного клана составляло семнадцать пенсов. Что же касается Джемса, то он, кажется, так поистратился на поездки в Эдинбург и на судебные издержки по делу арендаторов, что смог собрать только три шиллинга и пять с половиной пенсов, почти всё медяками.

– Этого мало, – решил Алан.

– Ты должен найти где-нибудь поблизости безопасное убежище, – сказал Джемс, – и потом известить меня. Видишь ли, тебе надо поскорее выпутаться из этой истории, Алан. Теперь не время задерживаться из-за одной или двух гиней. Они наверняка пронюхают о тебе, будут искать тебя и всю вину свалят на тебя. А ты сам должен понять, что если обвинят тебя, то и мне несдобровать, потому что я твой близкий

родственник и укрывал тебя, когда ты бывал в этом краю. А если меня обвинят... – тут он остановился и, страшно побледнев, стал кусать ногти, – нашим друзьям придется тяжело, если меня повесят, – прибавил он.

– Это будет страшный день для Аппина, – согласился Алан.

– При мысли об этом дне у меня сжимается горло, – сказал Джемс. – О Алан, Алан, мы оба рассуждали как дураки! – воскликнул он, ударив кулаком в стену так, что удар отдался во всем доме.

– Да, это правда, – сказал Алан, – и мой друг из Лоулэнда, – при этом он кивнул на меня, – давал мне по этому поводу хороший совет. Если бы я тогда послушал его!

– Но слушай дальше... – продолжал Джемс прежним заискивающим тоном. – Если они посадят меня в тюрьму, Алан, тогда-то тебе и понадобятся деньги, потому что после всего того, о чем мы говорили, на нас с тобой падут очень тяжкие подозрения, понимаешь? Ну, теперь поразмысли хорошенько и ты увидишь, что мне самому придется донести на тебя. Мне придется объявить награду тому, кто тебя поймает, да, придется! Тяжело прибегать к такому между близкими друзьями. Но если на меня падет подозрение в этом ужасном преступлении, мне придется защищаться, Алан. Согласен ты с этим?

Джемс говорил с умоляющим видом, держа Алана за борт его мундира.

– Да, – ответил последний, – я с этим согласен.

– А тебе, Алан, надо бежать из этой страны и вообще из Шотландии, а также и твоему другу из Лоулэнда, потому что мне придется объявить награду и за него. Ты понимаешь, что это нужно, Алан? Ну скажи, что понимаешь!

Мне показалось, что Алан немного покраснел.

– Это жестоко по отношению ко мне: ведь я привел сюда его, Джемс, – сказал он, поднимая голову. – Это значит, что я поступил как предатель!

– Нет, Алан, нет! – закричал Джемс. – Взгляни правде в лицо! О нем все равно будет написано в объявлении. Я уверен, что Мунго Кемпбелл объявит за его поимку награду! Не все ли равно, если я также объявлю? Кроме того, Алан, у меня есть семья. – Потом после короткого молчания он прибавил: – А ведь присяжными, Алан, будут Кемпбеллы.

– Хорошо одно, – сказал Алан, размышляя, – что никто не знает его имени.

– Никто и теперь не узнает, Алан! Вот тебе в том моя рука! – воскликнул Джемс, причем можно было подумать, что он действительно знает мое имя и отказывается от своей выгоды. – Придется только описать его одежду, лета, как он выглядит и тому подобное. Я не могу поступить иначе.

– Я удивляюсь тебе! – сурово сказал Алан. – Неужели ты хочешь продать его с помощью твоего же подарка? Ты дал ему новую одежду, а затем хочешь выдать его?

– Нет, Алан, – ответил Джемс, – нет, мы опишем одежду,

которую он снял, ту, в которой его видел Мунго.

Но мне показалось, что он сильно упал духом. Действительно, бедняга хватался за соломинку, и я уверен, что перед ним все время мелькали лица его исконных врагов, занимавших места на скамье присяжных, а за ними ему мерещилась виселица.

– А ты, сэр, – спросил Алан, обращаясь ко мне, – что на это скажешь? Ты здесь под охраной моей чести, и я обязан позаботиться, чтобы ничего не делалось против твоей воли.

– Могу сказать только одно, – ответил я, – что ваш спор мне совершенно непонятен. Простой здравый смысл говорит, что за преступление должен отвечать тот, кто совершил его, то есть тот, кто стрелял. Объявите о нем, направьте преследование по его следам, и тогда честные, невинные люди будут в безопасности.

Но от этих слов и Алан и Джемс пришли в ужас и велели мне держать язык за зубами, потому что об этом и думать было нечего.

– Что подумают Камероны? – говорили они, и это убедило меня, что убийство совершил Камерон из Мамора. – И разве ты не понимаешь, что этого человека могут поймать? Ты, наверное, не думал об этом? – говорили они с такой наивной серьезностью, что у меня опустились руки от отчаяния.

– Прекрасно, – объявил я, – пожалуйста, донесите на меня, на Алана, хоть на короля Георга! Ведь мы все трое невинны, а это, очевидно, и требуется! Сэр, – обратился я к Джем-

су, когда улеглось мое раздражение, – я друг Алана, и если я могу быть полезным его друзьям, меня не остановит опасность.

Я подумал, что лучше сделать вид, будто я охотно соглашусь, потому что Алан начинал волноваться. «И, кроме того, соглашусь я или нет, – сказал себе я, – они все равно донесут на меня, как только я покину этот дом». Но я ошибался и сейчас же заметил это: не успел я сказать последнее слово, как миссис Стюарт вскочила со стула, подбежала к нам и бросилась с плачем на грудь ко мне, потом к Алану, благословляя бога за нашу доброту к ее семье.

– Ты, Алан, выполняешь священный долг, – сказала она. – Но этот мальчик только что пришел сюда и увидел нас в самом ужасном положении, увидел хозяина, который умоляет о милости, точно нищий, тогда как он рожден, чтобы повелевать как король! Мой мальчик, я, к сожалению, не знаю твоего имени, – прибавила она, – но я видела твое лицо, и, пока сердце бьется у меня в груди, я буду помнить тебя, думать о тебе и благословлять тебя. – Она поцеловала меня и снова разразилась такими рыданиями, что я пришел в смущение.

– Ну, ну, – сказал Алан с растроганным видом, – в юле день наступает рано, а завтра в Аннине начнется порядочная кутерьма: разъезды драгунов, крики «Круахан!»<sup>15</sup>, беготня красных мундиров, и нам с тобой следует уйти поскорее.

Мы попрощались и снова пустились в дорогу, направля-

---

<sup>15</sup> «Круахан!» – боевой клич Кемпбеллов.

ясь к востоку. Была чудесная, теплая и очень темная ночь, но мы шли по такой же труднопроходимой местности.

## **XX. Бегство сквозь вересковые заросли. Скалы**

Мы то шли, то бежали, а когда начало светать, то бежать пришлось почти без передышки. Хотя на первый взгляд местность казалась пустынной, нам встречались уединенные хижины, спрятавшиеся между холмами. По дороге нам попалось около двадцати таких хижин. Когда мы приближались к какой-нибудь из них, Алан оставлял меня одного, а сам подходил к окну, стучал в него и разговаривал с разбуженным хозяином. Это называлось «сообщать новости». В той части Шотландии это считалось настолько обязательным, что Алан должен был останавливаться в пути, даже подвергая свою жизнь опасности. И так хорошо это правило всеми исполнялось, что в большей части домов уже знали об убийстве, и, насколько я мог судить, прислушиваясь к разговорам на чуждом мне языке, новость эта встречалась скорее с ужасом, чем с удивлением.

Несмотря на то что мы торопились, мы все еще были далеко от убежища. Утро застало нас в обширной, усеянной скалами долине, по которой пробегал пенящийся поток. В этой долине, окруженной дикими горами, не было ни деревьев, ни травы. Подробностей нашего путешествия я совсем не помню; мы шли то прямо к цели, то делая длинные обхо-



ды. Мы очень спешили, передвигаясь обыкновенно ночью, а названия мест, которые мы проходили, я хотя и слышал, но по-гэльски, и потому они легко забывались.

Итак, первые лучи зари застали нас в этом ужасном месте, и я увидел, что Алан нахмурил брови.

– Это неподходящее место для нас с тобой, – сказал он, – потому что они обязаны его охранять.

С этими словами он еще быстрее, чем обычно, побежал вниз, туда, где поток разделялся надвое. Поток прорывался между тремя скалами с таким страшным грохотом, что у меня содрогнулось сердце, а над ним стоял точно туман от водяной пыли. Алан, не оглядываясь по сторонам, прыгнул прямо на средний утес и, упираясь в него руками и ногами, едва удержался на месте, так как утес был невелик. Я, не успев ни рассчитать расстояния, ни понять опасности, последовал за Аланом, и он поймал и поддержал меня.

Мы стояли на маленьком утесе, мокро и скользко, и нам предстояло сделать еще гораздо больший скачок через поток, грохотавший вокруг нас. Когда я увидел, где нахожусь, у меня от страха закружилась голова, и я закрыл глаза рукой. Алан потряс меня за плечо. Я видел, что он говорит, но от грохота водопада и головокружения не мог ничего слышать. Я заметил только, что он покраснел от гнева и топнул ногой. Но я видел так же, как вода бешено неслась мимо, как в воздухе висел туман, и снова вздрогнул, закрыв глаза. Тут Алан приложил к моим губам бутылку с водкой и

заставил проглотить около чарки, после чего мужество вернулось ко мне. Затем, приложив руки к губам, он крикнул мне в самое ухо:

– Висеть на веревке или утонуть! – И, повернувшись ко мне спиной, он перепрыгнул через рукав реки и благополучно упал на берег.

Теперь, когда я стоял один на скале, мне было просторнее; в голове шумело от водки. Видя хороший пример Алана, я понял, что если сейчас не перепрыгну через поток, то не сделаю этого никогда. Низко присев, я бросился вперед со злобой и отчаянием, которые иногда заменяли мне мужество. Но едва руки мои достигли противоположного берега, и я успел за него ухватиться, как сорвался и соскользнул в водопад. Тут Алан схватил меня за волосы, потом за ворот и, наконец, с большими усилиями вытащил на безопасное место.

Не сказав ни слова, он снова пустился бежать, и я должен был вскочить на ноги и бежать за ним. Усталый, я почувствовал теперь, что голова моя кружится, что я совсем разбит и слегка охмелел от выпитой водки. Я бежал, спотыкаясь и ощущая невыносимую боль в боку, так что когда наконец Алан остановился под большой скалой, окруженной другими скалами, то эта остановка была очень кстати для меня.

Я сказал, что Алан остановился под большой скалой, но, вернее, это были две скалы, опирающиеся одна о другую своими вершинами. Высота этих скал достигала двадцати фу-

тов, и при первом взгляде они казались неприступными. Хотя про Алана можно было сказать, что у него четыре руки, но даже он два раза безуспешно пробовал вскарабкаться на них, и только на третий раз, стоя на моих плечах и привскочив с такою силою, что едва не переломил мне ключицы, он смог добраться до нашего пристанища. Попав на выступ, он спустил мне свой кожаный пояс, и с его помощью, а также двух углублений в скале, на которые можно было поставить ногу, я взобрался наверх.

Мне стало ясно, зачем мы сюда пришли: обе скалы, прислонившиеся друг к другу, наверху образовали выемку, формой напоминавшую блюдечко. В этом углублении могли прятаться лежа три-четыре человека.

Все это время Алаи не говорил ни слова, а только бежал и карабкался с дикой, молчаливой и безумной поспешностью, очевидно крайне опасаясь какой-нибудь неудачи. Даже теперь, когда мы уже были на скале, он молчал и по-прежнему хмурился. Он лег, плотно прижавшись к камню, и, приподняв слегка голову из своего убежища, одним глазом стал изучать окружающую местность. Уже было совсем светло, и мы могли разглядеть каменные склоны долины, дно, усеянное скалами, поток, пересекавший ее, и пенившиеся водопады. Но нигде не было видно ни дыма жилищ, ни живого существа, кроме орлов, клекотавших над утесом. Наконец Алан улыбнулся.

– Ну, – сказал он, – теперь у нас появилась надежда. –

Затем, глядя на меня с улыбкой, прибавил: – Ты не особенно бойко прыгаешь.

При этих словах я, вероятно, покраснел от обиды, потому что он тотчас прибавил:

– Ну, я тебя не виню! Бороться со страхом и все-таки не отступить перед опасностью – достойно порядочного человека. Кроме того, кругом была вода, которая даже меня пугает. Нет, нет, – заключил Алан, – не ты заслуживаешь порицания, а я.

Я попросил его объясниться яснее.

– Сегодня ночью я вел себя как дурак. Во-первых, я ошибся дорогой, хотя мы шли по родной моей Аппинской стране. Поэтому утро застало нас там, где нам не следует быть, и вот мы лежим здесь, в таком неудобном и все же опасном месте. Во-вторых, – и это уже совсем непростительно для человека, часто бывавшего в горах, – я не взял бутылки с водой, и вот мы должны провести здесь весь долгий летний день, имея с собой только чистый спирт. Ты, может быть, думаешь, что это неважно, но еще до наступления ночи ты, Давид, заговоришь иначе.

Мне очень захотелось загладить свое поведение, и я сказал Алану, что спущусь вниз и наполню бутылку водой из реки, если он только выльет водку.

– Мне не хотелось бы даром тратить добрую водку, – сказал он. – Она оказала тебе сегодня большую услугу. Без нее, по моему скромному мнению, ты все бы еще торчал на том

камне. А что еще важнее, – прибавил он, – ты, должно быть, заметил – ведь ты такой наблюдательный, – что Алан Брек Стюарт шел, пожалуй, быстрее обыкновенного.

– О да! – воскликнул я. – Следуя за вами, можно было задохнуться.

– Неужели? – спросил он. – Ну, так будь уверен, то, значит, нельзя было терять времени... Но довольно об этом: ложись спать, мой милый, а я буду сторожить.

Послушный его приказу, я улегся спать. Между вершинами скал ветром нанесло немного торфяной земли, на которой выросло несколько папоротников, и так образовалась для меня постель. Последнее, что я слышал, был все еще крик орлов.

Должно быть, часов около девяти утра Алан резко разбудил меня, зажимая мне рот рукой.

– Тсс, – прошептал он. – Ты храпел.

– Что же, – спросил я, удивленный его испуганным и мрачным лицом, – разве нельзя храпеть?

Он выглянул из-за угла скалы и знаком пригласил меня сделать то же.

Стоял ясный, безоблачный и очень жаркий день. Долина была видна отчетливо, как на картине. В полумиле от нас на берегу потока расположились лагерем солдаты в красных мундирах. Посередине лагеря горел большой костер, и на нем некоторые стряпали. Вблизи, на вершине скалы почти такой же вышины, как наша, стоял часовой, и солнце играло

на его оружии. На всем берегу по течению потока стояли на постах часовые, расположившись то близко друг от друга, то на некотором расстоянии; одни, как и первый, помещались на возвышениях, другие шагали внизу взад и вперед, встречаясь на полдороге. Выше по течению, на местности более открытой, сторожевая цепь поддерживалась конными солдатами, и мы видели, как они разъезжали вдаль. Ниже стояли цепью пехотинцы. Но так как поток здесь неожиданно расширялся от впадения в него значительного ручья, то солдаты были расположены друг от друга на больших расстояниях и оберегали только броды и камни, служившие для переправы.

Я взглянул на них разок и снова улегся на свое место. Странно было видеть, как эта долина, такая безлюдная на рассвете, теперь сверкала оружием и красными мундирами.

– Ты видишь, – сказал Алан, – чего я боялся, Давид: они будут сторожить берег потока. Они начали появляться уже два часа тому назад. Ну и мастер ты спать, милый мой! Мы теперь в опасном месте. Если они взберутся на уступы гор, то смогут увидеть нас в подзорную трубу, но если они останутся в глубине долины, мы еще продержимся. Посты внизу реже, и ночью мы попытаемся пробраться мимо них.

– А что же нам делать до наступления ночи? – спросил я.

– Лежать здесь, – сказал он, – и жариться.

Это слово «жариться» действительно всего точнее выражало наше состояние в продолжение дня, который нам предстояло провести. Надо припомнить, что мы лежали на голой

вершине скалы, словно рыбы на сковородке. Солнце жестоко палило нас. Скала так раскалилась, что едва можно было прикоснуться к ней. А на маленьком клочке земли и в папоротниках, где было свежее, мог поместиться только один человек. Мы по очереди лежали на раскаленной скале, и это действительно напоминало положение святого, замученного на рашпере<sup>16</sup>. Мне пришла в голову странная мысль: в этом же климате несколько дней тому назад я жестоко страдал от холода на моем острове, а теперь мне приходилось страдать от жары на скале.

К тому же у нас не было воды, а только чистая водка для питья, и это было хуже, чем ничего. Но мы не давали бутылке нагреваться, зарывали ее в землю и получали некоторое облегчение, смачивая водкой грудь и виски.

Солдаты весь день расхаживали в долине, то сменяя караул, то осматривая скалы. Но скал было крутом такое множество, что искать между ними людей было так же легко, как иголку в охапке сена. Понимая, что это дело бесполезное, солдаты занимались им без особого старания. Однако мы видели, как они иногда погружали в вереск штыки, и я чувствовал холодную дрожь во всем теле. Иногда они подолгу не отходили от нашей скалы, и мы едва смели дышать.

Вот при каких обстоятельствах я в первый раз услышал настоящую английскую речь.

Один солдат, проходя мимо, дотронулся до нашей скалы

---

<sup>16</sup> Рашпер – здесь: решетки для пытки огнем.

на солнечной стороне и тотчас с ругательством отдернул руку.

– И накалилась же она, скажу вам! – воскликнул он.

Меня удивили краткие звуки и скучное однообразие его речи, а также странная манера выдыхать букву «h». Правда, я слышал, как говорил Рэнсом, но он заимствовал свой говор от разного люда, и я большей частью приписывал недостатки его речи детскому возрасту. Поэтому я так удивился, услышав ту же особенность разговора в устах взрослого человека. Действительно, я никогда не мог привыкнуть как к английскому произношению, так и к английской грамматике, что очень строгий критик подчас сможет заметить в этих записках.

Наши муки и усталость росли по мере того, как подвигался день, потому что скала становилась все горячеей, а солнце светило все ярче. Приходилось терпеть и головокружение, и тошноту, и острые, точно ревматические, боли в суставах. Я тогда вспоминал и потом часто вспоминал эти строки из нашего шотландского псалма:

Месяц не будет поражать тебя ночью,  
А также и солнце – днем.

И действительно, только благодаря божьему милосердию нас не поразил солнечный удар.

Наконец около двух часов положение наше стало невы-



носимо: кроме того, теперь надо было не только претерпевать мучения, но и бороться с искушением. Солнце начинало клониться к западу, и потому на восточной стороне нашей скалы показалась тeneвая полоса.

– Все равно, здесь умереть или там, – сказал Алан и, соскользнув через край, очутился на земле с тeneвой стороны.

Я немедленно последовал за ним и растянулся во всю длину, так как у меня кружилась голова и я совсем ослабел от долгого пребывания на солнце. Тут мы пролежали час или два обессиленные, с болью во всем теле и совсем не защищенные от глаз любого солдата, которому пришлось бы в голову пройти в этом направлении.

Однако никто не появился: все солдаты проходили с другой стороны, так что скала защищала нас и в нашем новом положении.

Вскоре мы немножко отдохнули, и, так как солдаты расположились ближе к берегу, Алан предложил мне идти дальше. Я тогда больше всего в мире боялся очутиться опять на скале и охотно согласился бы на все, что угодно.

Итак, мы приготовились в путь, и начали скользить друг за другом по скалам, и пробирались то ползком на животе в тени уступов, то со страхом в душе перебегали открытые пространства.

Солдаты, обыскавшие для вида эту сторону долины и, вероятно, сонные теперь от полуденного зноя, утратили свою бдительность и дремали на постах, оглядывая только берега

потока. Идя вниз по долине, по направлению к горам, мы все время удалялись от них. Но это было самое утомительное дело, в каком мне когда-либо приходилось участвовать. Нужно было глядеть во все стороны, чтобы оставаться незамеченным на неровной местности, на расстоянии окрика от массы рассеянных повсюду часовых. Когда нам приходилось перебегать открытое пространство, требовалась не только быстрота движения, но и сообразительность; нужно было отдать себе отчет не только в общем расположении местности, но и в прочности каждого камня, на который приходилось ступать, так как день стоял тихий и падение камешка, как и пистолетный выстрел, пробуждало эхо между холмами и утесами.

К закату мы уже прошли порядочное расстояние даже при таком медленном продвижении, но часовые на скале все еще были ясно видны нам. Вдруг мы заметили нечто, сразу заставившее нас забыть все опасения: это был глубокий, стремительный ручей, мчавшийся вниз на соединение с потоком, протекавшим в долине. Увидев его, мы бросились ничком на берег и окунули голову и плечи в воду. Не могу сказать, какая минута была для нас приятнее: та ли, когда мы освежились в холодном ручье, или та, когда мы с жадностью стали пить воду.

Мы лежали тут – берега закрывали нас, – снова и снова пили, смачивали себе грудь, опускали руки в бегущую воду, пока их не начало ломить от холода. Наконец чудесным об-

разом восстановив свои силы, мы достали мешок с мукой и приготовили драммах<sup>17</sup> в железном котелке. Хотя это только овсяная мука, замешанная на холодной воде, но все-таки она представляла собой довольно хорошее кушанье для голодного.

Когда нет возможности развести огонь или, как в нашем положении, есть причины не разводить его, такое месиво служит главной опорой для тех, кто прячется в зарослях.

Как только стало темнеть, мы отправились дальше сперва с некоторыми предосторожностями, а затем все смелее, поднявшись во весь рост и крупно шагая, как на прогулке. Дорога, извивавшаяся по крутым склонам гор и по вершинам холмов, была трудной. На закате появились облака, и ночь пришла темная и прохладная, так что я не особенно устал, но только все время боялся упасть и скатиться с горы, не имея понятия о направлении, куда мы шли.

Наконец взошел месяц и застал нас еще в дороге. Он был в последней четверти и долго не показывался из-за туч; теперь он осветил нам множество темных горных вершин, а далеко под нами он отразился в узкой излучине лоха.

Мы остановились. Меня поразило, что я нахожусь так высоко и иду, как мне казалось, по облакам. Алан же хотел убедиться, идем ли мы в верном направлении.

Очевидно, он остался доволен и, вероятно, считал, что мы ушли далеко от наших врагов, потому что всю остальную

---

<sup>17</sup> Драммах – месиво из овсяной муки и воды.

часть нашего ночного пути насвистывал разные песни, жалобные, воинственные или же веселые, плясовые, которые заставляли идти скорей. Я услышал также песни моей родины, и мне захотелось быть дома после всех приключений. Это развлекло нас в дороге по темным пустынным горам.

## XXI. Бегство. Ущелье Корринаки

Начало светать, когда мы достигли места своего назначения – расселины на вершине горы, посередине которой пробегал ручей и где с правой стороны была пещера в скале. Березки образовали здесь редкий красивый лесок, который дальше переходил в сосновый бор. Поток кишел форелями, лес – дикими голубями, а вдалеке, на открытой стороне горы, постоянно свистали дрозды и куковали кукушки. Из расселины мы видели внизу часть Мамора и лох, отделяющий его от Аппина. Мы смотрели на все с такой высоты, что любоваться этим видом служило для меня постоянным источником удивления и восторга.

Расселина эта называлась Корринаки, и, хотя из-за ее возвышенного положения и близости к морю она часто закрывалась тучами, все-таки, в общем, это было хорошее место, и пять дней, проведенных там, прошли приятно.

Мы спали в пещере, прикрывшись плащом Алана и устроив себе постель из кустов вереска, которые срезали для этой цели. В одном углу ущелья было потаенное местечко, где мы отваживались разводить огонь; таким образом мы могли согреться, когда находили тучи, варить горячую похлебку и жарить маленьких форелей, которых мы ловили руками под камнями и под нависшими берегами ручья. Рыбная ловля была нашим главным занятием и развлечением не толь-

ко потому, что мы хотели сохранить муку на лучшие времена, но и потому, что нас забавляло наше соперничество; мы проводили большую часть дня у воды, обнаженные по пояс, ощупью отыскивая рыбу. Самая крупная из пойманных нами рыб весила не более четверти фунта, но они были мясистые и вкусные, в особенности испеченные на углях, и заставляли нас сожалеть только об отсутствии соли.

В свободное время Алан учил меня обращаться со шпагой, так как мое неумение приводило его в отчаяние. Я, кроме того, думаю, что, замечая иногда мое превосходство в рыбной ловле, он с радостью обращался к упражнению, в котором так превосходил меня. Он усложнял обучение более чем следовало, нападая на меня во время урока с пронзительным криком и наступая так близко, что я боялся, как бы он не проткнул меня шпагой. Мне часто хотелось убежать, но я все-таки оставался на месте, и уроки принесли мне некоторую пользу, научив обороняться с уверенным видом, а иногда это все, что требуется. Итак, не будучи в состоянии удовлетворить своего учителя, я сам был не совсем доволен собой.

Но читатель не должен думать, что мы в это время забыли о своем главном деле, то есть о бегстве.

– Пройдет еще много дней, – сказал мне Алан в первое утро, – прежде чем солдатам придет в голову обыскивать Корринаки. Так что теперь нам следует послать Джемсу извещение, а он должен прислать нам денег.

– А как мы пошлем извещение? – спросил я. – Мы здесь в пустынной местности, откуда не смеем уйти. И если только вы не пошлете птиц небесных, я, право, не знаю, как мы можем это сделать.

– Да? – сказал Алан. – Ты не отличаешься изобретательностью, Давид.

Вслед за тем он погрузился в размышления, глядя на пепел костра. Потом, взяв кусок дерева, он сделал из него крест, концы которого обжег на углях, несколько смущенно взглянув на меня.

– Не можешь ли ты уступить мне пуговицу? – спросил он. – Конечно, странно спрашивать подарок обратно, но, признаюсь, мне неохота отрезать другую.

Я дал ему пуговицу, и он продел в нее узкую полоску материи, оторванную от его плаща, и перевязал ею крест; затем, прикрепив к нему веточку березы и сучок сосны, с довольным видом взглянул на свою работу.

– Недалеко от Корринаки, – сказал он, – есть деревушка, под названием Колинснакоэ. Там много моих друзей – им бы я мог доверить свою жизнь, но там есть и такие люди, в которых я не так уверен. Видишь ли, Давид, за наши головы будет объявлена награда – сам Джемс обещает награду, – а уж Кемпбеллы не пожалеют денег, чтобы повредить Стюарту. Иначе, я, несмотря ни на что, спустился бы в Колинснакоэ и доверил бы свою жизнь этим людям так же легко, как другому дал бы перчатку.

– Ну, а теперь? – сказал я.

– А теперь, – отвечал он, – я бы предпочел, чтобы они не видали меня. Везде бывают дурные люди или, что еще хуже, слабые люди. Когда стемнеет, я прокрадусь в деревушку и поставлю этот крест на окно своего хорошего друга Джона Брека Макколя, арендатора исполу в Аппине<sup>18</sup>.

– Прекрасно, – сказал я. – И что он подумает, увидев крест?

– Ну, – сказал Алан, – мне бы хотелось, чтобы он был проницательным человеком, иначе, честное слово, боюсь, что он мало чего поймет! Но вот как я себе представляю это. Этот крест похож на смоляной или огненный крест, который служит сигналом для сбора наших кланов. Но он отлично поймет, что сейчас клан не должен восставать, так как хотя крест и будет стоять у него на окне, но при нем не будет ни одного слова. Итак, он подумает: «Клан не должен восставать, но что-то нужно сделать». Тогда он увидит мою пуговицу, пуговицу Дункана Стюарта, и подумает: «Сын Дункана в зарослях и нуждается во мне».

– Хорошо, – сказал я, – предположим, что это возможно. Но ведь зарослей очень много отсюда до форта.

– Совершенно верно, – сказал Алан. – Но Джон Брек увидит ветку березы и сучок сосны и подумает, если у него есть хоть капля сообразительности, в чем я не сомневаюсь: «Алан

---

<sup>18</sup> Здесь имеется в виду арендатор, который берет в аренду скот у землевладельца и делит с ним полученный приплод.



прячется в лесу из берез и сосен». А затем: «Это здесь довольно редко встречается», и станет искать нас в Корринаки. А если он не сделает этого, Давид, то черт бы его побрал совсем: он недостоин тогда посолить свою похлебку.

– Ну, любезный, – заметил я, слегка подшучивая над ним, – вы очень изобретательны! Но не проще ли было бы написать ему несколько слов?

– Это превосходное замечание, мистер Бальфур из Шооса, – отвечал Алан насмешливо. – Для меня было бы, конечно, гораздо проще написать, но Джону Бреку было бы нелегко прочесть это: ему пришлось бы походить в школу годика два-три, и мы, вероятно, устали бы поджидать его.

Итак, ночью Алан отнес свой огненный крест и поставил его арендатору на окно. Он вернулся в тревоге: почуяв его, собаки залаяли и народ выбежал из домов. Ему даже послышался звон оружия и показалось, что к одной из дверей подошел солдат. Во всяком случае, мы на завтра не выходили из леса и были настороже, так что, приди туда Джон Брек, мы могли бы указать ему дорогу, а если бы пришли красные мундиры, у нас хватило бы времени уйти.

Около полудня можно было разглядеть человека, который пробирался по освещенному солнцем склону горы оглядывался вокруг, заслонив глаза рукой. Едва заметив его, Алан свистнул; тот повернулся и направился нашу сторону. Тогда Алан свистнул еще раз, и человек подошел еще ближе. И так, по свисту, он нашел путь к месту, где мы находились.

Это был оборванный, дикого вида бородатый человек, лет около сорока, сильно обезображенный оспой и выглядевший мрачным и нелюдимым. Хотя он говорил на ломаном английском языке, Алан, по своему милому обыкновению, в моем присутствии не позволял ему изъясняться по-гэльски. Чужой язык, может быть, заставлял его казаться еще более тупым, чем он был в действительности. Но мне подумалось, что он мало расположен помогать нам, а если поможет, то из страха.

Алан желал, чтобы он передал на словах поручение Джемсу, но арендатор об этом и слышать не хотел. «Я забуду его», – сказал он пронзительным голосом и решительно объявил, что если не получит письма, то ничего для нас не делает.

Я думал, что Алан станет в тупик, потому что в этой пустыне трудно было найти принадлежности для письма. Но он был более находчив, чем я предполагал. Он стал искать в лесу, пока не нашел перо дикого голубя, и сделал из него перо для писания; затем приготовил нечто вроде чернил из пороха и воды и, оторвав уголок от своего французского военного патента, который носил в кармане как талисман от виселицы, написал следующее:

*Дорогой родственник, пришлите, пожалуйста, деньги предъявителю этого письма в известное ему место.*

*Ваш преданный брат А. С.*

Эту записку он вверил арендатору, который, обещав по-

торопиться насколько возможно, отправился с нею вниз.

Человек этот не появлялся целых три дня, а в пять часов вечера на третий день мы услышали в лесу свист, на который Алан отозвался. Вскоре арендатор показался на берегу реки и стал искать нас, оглядываясь направо и налево. Он казался нам менее угрюмым, чем прежде, и, по всей вероятности, был очень рад, что покончил с таким опасным поручением.

Он рассказал нам новости: вся страна кишела красными мундирами, каждый день у кого-нибудь находили оружие, и бедный народ был в постоянной тревоге. Джемса и часть его слуг, находившихся под сильным подозрением в соучастии в убийстве, заключили в тюрьму в форте Виллиам. Везде носился слух, что выстрел произвел Алан Брек; было выпущено объявление, в котором предлагалась награда в сто фунтов тому, кто поймает его и меня.

Хуже быть ничего не могло, и письмо, которое арендатор принес от миссис Стюарт, было крайне печального содержания. Она умоляла Алана уйти от врагов и уверяла, что если он попадет в руки солдатам, то ни ему, ни Джемсу не избежать смерти. Деньги, присланные ею, составляли все, что она могла выпросить или занять, и бедная женщина молила небо, чтобы их нам хватило. Под конец она написала, что прилагает объявление, в котором описаны наши приметы.

Мы посмотрели на объявление с большим любопытством и с не меньшим страхом, отчасти так, как человек глядится в зеркало, а отчасти, как если бы он глянул в дуло неприят-

тельского ружья, чтобы судить, верен ли прицел. Об Алане было написано, что он «небольшого роста, рябой, лет около тридцати пяти, носит шляпу с перьями, французский мундир синего цвета с серебряными пуговицами и сильно потускневшими галунами, красный жилет и черные плисовые панталоны». Обо мне было сказано, что я «высокий, сильный, безбородый юноша лет восемнадцати, в старой синей шапочке, длинном жилете домашнего тканья, синих штанах, с голыми икрами и в башмаках лоулэндского покроя, с продранными носками, говорит на наречии жителей Лоулэнда».

Алану понравилось, что его изящный костюм так запомнили и описали. Только когда дело дошло до слова «потускневшими», он взглянул на свой галун с огорченным видом.

Я же подумал про себя, что имею, судя по объявлению, очень жалкий вид, но вместе с тем был этому рад, потому что, с тех пор как я снял свои лохмотья, описание их перестало быть опасным, а сделалось, напротив, источником моего спасения.

– Алан, – сказал я, – вам бы следовало переменить одежду.

– Пустяки, – ответил он, – у меня нет другой одежды. Хорош бы я был, если б вернулся во Францию в колпаке!

Это навело меня на размышление: покинув Алана с его предательской одеждой, я мог не опасаться ареста и свободно идти по своему делу. Но это еще не все: предположим, что я буду арестован один, – против меня найдется мало улик; если же меня захватят в обществе человека, принимаемого

за убийцу, мое положение сразу станет очень серьезным. Из великодушия я не высказал этих мыслей, тем не менее они не выходили у меня из головы.

Я особенно призадумался, когда арендатор вытащил зеленый кошелек с четырьмя золотыми гинеями и мелочью почти на одну гинею. Правда, это было больше, чем я имел сам. Зато Алану с пятью гинеями приходилось добираться до Франции, а мне с двумя – только до Куинзферри, так что общество Алана могло оказаться не только опасным для моей жизни, но и обременительным для моего кармана.

Однако мой честный товарищ был далек от подобных мыслей. Он верил, что служит и помогает мне, и защищает меня. Что еще оставалось мне делать, если не молчать, сердиться и рисковать жизнью?

– Этого мало, – сказал Алан, кладя кошелек в карман, – но с меня хватит. А теперь, Джон Брек, отдай мне пуговицу, и мы с этим джентльменом пустимся в путь.

Но арендатор, пошарив в волосяном кошельке, который висел у него спереди по обычаю горцев, хотя он носил лолэндскую одежду и морские штаны, стал странно ворочать глазами и наконец сказал:

– Она, верно, пропала, – подразумевая, что он, верно, потерял ее.

– Как, – сказал Алан, – ты потерял пуговицу, которая принадлежала моему отцу? Скажу тебе откровенно, Джон Брек, я думаю, что это самый дурной поступок, который ты совер-

шил с самого своего рождения.

С этими словами Алан опустил руки на колени и с насмешливой улыбкой посмотрел на арендатора, но в глазах у него замелькал огонек, обычно не предвещавший ничего доброго его врагам.

Может быть, арендатор был и честный человек; может быть, он хотел сплутовать, но потом, увидев, что нас двое против него в таком пустынном месте, нашел более безопасным стать на честный путь. По крайней мере, он сразу отыскал пуговицу и отдал ее Алану.

– Ладно, это спасло честь Макколей, – сказал Алан. Затем, обратившись ко мне, прибавил: – Вот тебе моя пуговица обратно, и благодарю тебя за то, что ты расстался с ней: это одна из твоих многих услуг мне. – Затем он тепло попрощался с арендатором. – Ты мне очень удружил, – сказал он, – ты подвергал свою жизнь опасности, и я всегда буду считать тебя хорошим человеком.

Наконец арендатор ушел, а мы с Аланом, собрав свои пожитки, отправились в другую сторону.

## XXII. Бегство. Степь

После более чем одиннадцатичасового непрерывного тяжелого перехода мы достигли рано утром конца горного кряжа. Перед нами лежала низменная, неровная, пустынная земля, которую нам предстояло пересечь. Солнце появилось недавно и светило нам прямо в глаза; легкий, прозрачный туман, точно дымок, поднимался с поверхности болота, так что, как говорил Алан, тут могло расположиться двадцать эскадронов драгун и мы не узнали бы об этом.

В ожидании, когда рассеется туман, мы уселись во впадине на склоне холма, приготовили себе драммах и стали держать военный совет.

– Давид, – сказал Алан, – трудновато решить, лежать ли нам тут до ночи или рискнуть пойти вперед?

– Ну, – ответил я, – положим, я устал, но если нужно, то могу пройти еще столько же.

– Да, по это не все, – сказал Алан, – и даже не половина дела. Вопрос вот в чем: Аппин для нас верная смерть. К югу все принадлежит Кемпбеллам. К северу... Но мы ничего не выиграем, идя к северу: тебе нужно попасть в Куинзферри, а мне во Францию. Итак, нам стается отправиться на восток.

– Отлично! На восток так на восток, – сказал я весело, но сам подумал: «Любезный мой, если бы вы держались одного направления и позволили мне идти по другому, было бы

лучше для нас обоих».

– Но видишь ли, Давид, – продолжал Алан, – раз мы пойдем на восток, в эту степь, то попадем в настоящую ловушку. Ну как повернуться на этом обнаженном, плоском месте? Если солдаты взойдут на холм, то увидят нас за несколько миль. И, главное, горе в том, что они на лошадях и скоро догонят нас. Это скверное место, Давид, и, говорю откровенно, днем оно хуже, чем ночью.

– Алан, – сказал я, – выслушайте мое мнение. В Аппине нас ожидает смерть: у нас нет ни лишних денег, ни даже муки. Чем дальше солдаты будут искать, тем вернее догадаются, где мы, – все это риск. Но я даю слово идти вперед, пока хватит сил.

Алан пришел в восторг.

– Бывает иногда, – сказал он, – что ты слишком педантичен и рассуждаешь слишком похоже на вига для джентльмена, подобного мне, но иногда в тебе искрится энергия, и тогда, Давид, я люблю тебя, как брата.

Туман поднялся и рассеялся, и мы увидели перед собою равнину, обширную, как море. Слышен был только крик болотной птицы, а на востоке двигалось стадо оленей, казавшихся издалека точками. Большая часть равнины краснела вереском, остальная была перерезана болотами и торфяными ямами; кое-где она чернела после степного пожара, а местами виднелись целые леса сухих деревьев, стоявших точно скелеты. Едва ли кто-нибудь видел более унылую пустыню,



но, по крайней мере, там не было солдат, а это было самое важное.

Мы спустились вниз и продолжали свой трудный, извилистый путь по направлению к востоку. Кругом (читатель, верно, помнит) поднимались холмы, откуда нас каждую минуту могли увидеть. Поэтому нам следовало держаться углубленных мест на пустоши, а когда наш путь отклонялся в сторону от них, то с бесконечными предосторожностями пересекать открытое место. Иногда мы целых полчаса должны были ползти от одного куста вереска к другому, как охотники, преследующие красного зверя. День снова был ясный, солнце палило; вода в бутылке от водки скоро истошилась. И если бы я раньше знал, каково это – половину пути ползти на животе, а большую часть другой идти, согнувшись почти вдвое, то, разумеется, отказался бы от такого ужасного предприятия.

Выбиваясь из сил, отдыхая и снова утомляясь, мы прошли все утро и около полудня легли спать в густых кустах вереска. Алан первый стал на вахту, и мне показалось, что едва я успел закрыть глаза, как он уже разбудил меня, чтобы сменитьсь. У нас не было часов, и Алан воткнул в землю сучок вереска с тем, чтобы, когда тень от куста, склоняясь к востоку, дойдет до этого места, я бы разбудил его. Но я чувствовал себя настолько утомленным, что мог бы проспять двенадцать часов подряд; все мои суставы спали, даже когда ум бодрствовал. Горячий запах вереска, жужжание диких пчел

совершенно усыпили меня. Время от времени я вздрагивал и тогда замечал, что дремлю.

Когда я проснулся окончательно, мне показалось, что я возвратился откуда-то издалека. Солнце, подумал я, ушло что-то очень вперед. Посмотрев на сучок вереска, я чуть не вскрикнул, так как понял, что не оправдал доверия Алана. Я почти потерял голову от страха и стыда, но когда окинул взглядом пустошь, то увидел там нечто такое, от чего мое сердце замерло: в то время, когда я спал, сюда спустилась группа конных солдат; они приближались к нам с юго-востока, рассеявшись в форме веера, и осматривали те места, где вереск был выше и гуще.

Когда я разбудил Алана, он сперва взглянул на солдат, затем на сучок вереска и на положение солнца и, наморщив брови, бросил на меня быстрый взгляд, одновременно сердитый и озабоченный: так он упрекнул меня.

– Что же нам теперь делать? – спросил я.

– Нам надо вообразить себя зайцами, – сказал он. – Видишь ты вон ту гору? – спросил он, указывая на северо-восток.

– Да, – ответил я.

– Ну, – продолжал он, – направимся туда. Она называется Бэн-Альдер. Это дикая, пустынная гора, вся в уступах и впадинах. И если мы достигнем ее до утра, мы еще не погибли.

– Но, Алан, – заметил я, – нам тогда придется пересечь дорогу солдатам!

– Я это отлично знаю, – отвечал он. – Но если нас оттеснят к Аппину, нам обоим не избежать смерти. А теперь, Давид, проворнее!

И он побежал вперед на четвереньках с невероятной быстротой, точно это был его обычный способ передвижения. Все время он петлял по самым низким местам равнины, где мы были лучше всего скрыты. На сожженных или, по крайней мере, поврежденных огнем местах прямо в наши лица, которые были близко к земле, поднималась ослепляющая, удушьяющая пыль, мелкая, как дым. Вода уже давно кончилась, а бег на четвереньках вызывал такую ужасную слабость и усталость, что у нас болели все суставы, а кисти рук подгибались под тяжестью тела.

Правда, время от времени там, где нам попадался высокий куст вереска, мы немного отдыхали лежа и, раздвигая ветви, оглядывались на драгун. По-видимому, они не заметили нас, так как продолжали свой путь прямо. Их было, я думаю, пол-эскадрона; они растянулись на протяжении двух миль и тщательно осматривали местность.

Я проснулся как раз вовремя: будь это чуть позже, нам пришлось бы бежать перед ними, вместо того чтобы пересекать им дорогу. Но даже и теперь малейшая неосторожность могла выдать нас; и когда из вереска, хлопая крыльями, поднималась куропатка, мы лежали тихо, как мертвецы, боясь дышать.

Усталость во всех членах, сильное сердцебиение и резкая

боль в горле и глазах от постоянной пыли и золы вскоре стали до того нестерпимы, что я бы охотно все бросил. Но страх перед Аланом придавал мне видимость мужества настолько, чтобы продолжать путь. Что же касается его (вы должны помнить, что ему мешал плащ), он сперва страшно покраснел, а потом у него на лице появились белые пятна; он тяжело дышал с каким-то присвистом, а когда он шептал мне на ухо замечания во время остановки, голос его звучал совсем не по-человечески. Но он, казалось, не падал духом и нисколько не утратил охоты к деятельности, так что я должен был удивляться выносливости этого человека.

Наконец при наступлении сумерек мы услышали звук трубы и, выглянув из вереска, увидели, что эскадрон стягивается. Немного позже солдаты зажгли огонь и расположились на ночь лагерем посередине пустоши.

Я начал просить Алана сделать привал, чтобы можно было прилечь и уснуть.

– Ночью мы спать не будем! – возразил он. – С сегодняшнего дня эти проклятые драгуны окружают всю равнину, и, кроме птиц, никто не выберется из Аппина. Мы успели пройти как раз вовремя. И неужели мы поставим на карту все, чего мы достигли? Нет, когда день настанет, он найдет нас в безопасном месте, на Бэн-Альдере.

– Алан, – сказал я, – право, я не преувеличиваю, но у меня нет больше сил. Если б я мог, я пошел бы, но, уверяю вас, не могу больше.

– Ладно, – ответил Алан, – я понесу тебя.

Я посмотрел, не шутит ли он, но он был совершенно серьезен, и такая решимость его пристыдила меня.

– Ведите дальше, – воскликнул я, – я буду следовать за вами!

Он взглянул на меня, как бы говоря: «Хорошо сказано, Давид!», и поспешно направился вперед.

Ночью стало прохладнее и немного темнее; небо было безоблачно. Было начало июля, и местность эта лежала далеко на севере. Зимой среди дня бывает темнее, чем в такую ночь, когда, имея хорошее зрение, можно читать. Выпала сильная роса, смочила пустошь точно дождем, и это на время освежило меня. Когда мы остановились передохнуть и я мог оглянуться вокруг и заметить, как ясна и тепла ночь, как хороши очертания сонных холмов, каким ярким пятном пылал посреди пустоши затухавший костер, мне становилось досадно, что я все еще должен был тащиться на четвереньках и глотать дорожную пыль, как червяк.

Судя по тому, что я читал в книгах, я полагаю, что мало кто из владеющих пером когда-нибудь действительно уставал, иначе они описали бы это сильнее. Я не заботился тогда о своей жизни и едва помнил, что существует Давид Бальфур. Я забывал о себе и только с отчаянием думал о каждом новом шаге, который, казалось мне, будет последним, и с ненавистью – об Алане, бывшем причиной всему.

Мне казалось, что прошли годы, прежде чем начало све-

тать. К этому времени мы уже избежали наибольшей опасности и могли уже не ползти, а идти, как люди, на ногах. Но, боже милостивый, на кого мы были похожи: качались, как старики, спотыкались, как дети, и были бледны, точно мертвецы! Мы не произносили ни слова, и оба, стиснув зубы, глядя прямо вперед, поднимали и снова опускали ноги как автоматы. Все это время в вереске кричали куропатки и на востоке медленно светлело.

Мое утверждение, будто Алан чувствовал то же, что и я, совсем не доказывает, что я наблюдал за ним: мне трудно было усмотреть и за своими ногами. Но, очевидно, он одурел от усталости, как и я, и так же мало смотрел, куда мы идем, иначе мы не попали бы в засаду, точно слепцы.

Это случилось таким образом. Мы спускались с поросшего вереском косогора: Алан впереди, а я за ним шагах в двух, точно странствующий скрипач и его жена. Вдруг в вереске что-то зашуршало, и оттуда выскочили три или четыре оборванца, а через минуту мы лежали на спинах, и к горлу каждого из нас был приставлен кинжал.

Мне, помнится, было все равно: эта неприятность была ничем по сравнению с теми муками, какие мне пришлось испытать раньше. Я даже обрадовался, что не надо идти дальше, и не обращал внимания на кинжал. Я лежал, глядя в лицо человека, схватившего меня, и помню, что оно почернело от загара, а глаза его были очень светлы. Но я не боялся его... Я слышал, как Алан шептался с другим по-гэльски, но

о чем они говорили, было мне безразлично.

Наконец кинжалы поднялись, оружие у нас отняли, и нас посадили друг против друга среди вереска.

– Это люди Ключи, – сказал Алан. – Мы не могли попасть удачнее. Нам нужно остаться здесь, на его передовых постах, пока они не дадут знать вождю о моем прибытии.

Ключи Макферсон, вождь клана Воурих, был одним из предводителей великого восстания. Шесть лет тому назад голова его была дорого оценена, и я полагал, что он давно уже во Франции вместе с остальными главарями этой отчаянной партии. Как я ни был утомлен, от удивления я наполовину пришел в себя.

– Как? – воскликнул я. – Разве Ключи все еще здесь?

– Да, он здесь, – ответил Алан. – Он здесь, в этой стране, под защитой своего клана. Король Георг не может защитить лучше.

Я, вероятно, стал бы расспрашивать далее, но Алан прервал меня.

– Я порядочно устал, – сказал он, – и очень бы хотел уснуть. – И с этими словами он зарылся лицом в высокий куст вереска и, кажется, сейчас же заснул.

Но для меня это было невозможно. Слыхали вы, как летом в траве трещат кузнечики? Не успел я закрыть глаза, как над моей головой, туловищем, руками как бы запрыгали сотни стрекочущих кузнечиков. Я тотчас же открыл глаза, я метался, вставал и снова ложился, смотрел на ослеплявшее меня

небо и на грязных, диких часовых Ключи, выглядывавших из-за вершины склона и болтавших по-гэльски.

Таким образом, я не мог отдохнуть, пока не вернулся посланный, и так как оказалось, что Ключи будет очень рад принять нас, то мы должны были подняться на ноги и снова отправиться в путь. Алан был в прекрасном настроении, совершенно освежился сном, проголодался и с удовольствием предвкушал выпивку и горячие битки, о чем посланный, очевидно, сообщил ему. Мне же становилось тошно при одной мысли о еде. Прежде я чувствовал ужасную тяжесть в теле, теперь же я ощущал такую странную легкость, что не мог ходить. Меня гнало, как паутину; земля казалась мне облаком, холмы – легкими, как перья; в воздухе мне чудилось течение, которое, точно ручей, носило меня из стороны в сторону. Мною овладело какое-то безотчетное отчаяние, и я готов был плакать над собственной беспомощностью.

Я заметил, что, глядя на меня, Алан нахмурил брови, и подумал, что он сердится. Тогда я почувствовал приступ малодушия, почти детского страха. Помню, что я улыбался и, как ни старался, не мог перестать улыбаться, хотя сознавал, что это совсем некстати в такое время. Но мой товарищ был, как всегда, добр ко мне. Через минуту два человека подхватили меня под руки и очень быстро потащили вперед – так мне казалось, хотя на самом деле все это происходило довольно медленно, – через целый лабиринт унылых долин и впадин в глубину мрачной горы Бэн-Альдерн.



## XXIII. «Клетка Ключи»

Наконец мы подошли к подошве горы, поросшей лесом, который поднимался по крутому склону, а за ним высился обнаженный отвесный утес.

– Это здесь, – сказал один из проводников, и мы стали взбираться по склону.

Деревья цеплялись по откосу, как матросы по вантам корабля, и корпи их образовали как бы перекладины лестницы, по которым мы поднимались.

Наверху, почти у самого места, где скалистый утес возвышался над деревьями, мы увидели странный дом, известный под названием «Клетка Ключи». Стволы нескольких деревьев были переплетены поперек, в промежутках между ними стены укреплены стойками, а почва за этой баррикадой была выровнена насыпанной землей, так что образовался пол. Дерево, росшее на склоне, служило живым устоем для крыши. Стены были сплетены из прутьев и покрыты мхом. Дом по форме немного походил на яйцо и не то стоял, не то висел на этом крутом, покрытом деревьями склоне, точно осиное гнездо в зеленом боярышнике.

Внутри дом был достаточно просторен, чтобы с некоторым удобством приютить от пяти до шести человек. Выступ скалы был остроумно приспособлен для очага, а так как дым поднимался вдоль поверхности скалы и по цвету мало отли-

чался от нее, то снизу ничего не было заметно.

Но Ключи скрывался не только в этом убежище: у него, кроме того, были пещеры и подземелья в разных концах страны, и, в зависимости от донесений своих разведчиков, он перебирался из одного места в другое, по мере того как солдаты приближались и удалялись. Благодаря такому образу жизни и преданности клана он оставался невредимым все это время, тогда как многие другие беглецы были схвачены и казнены. Он оставался в стране еще лет пять после нашего посещения и только по настоятельному требованию своего властелина отправился во Францию. Там он, как это ни странно, часто скучал по своей Клетке на Бэн-Альдере и вскоре умер.

Когда мы подошли к двери его жилища, Ключи сидел у очага под скалой и наблюдал за стряпней одного из своих слуг. Он был одет чрезвычайно просто: в каком-то вязаном колпаке, надвинутом по самые уши, и курил вонючую носогрейку. Несмотря на это, надо было видеть, с каким королевским достоинством он поднялся с места, чтобы приветствовать нас.

– Добро пожаловать, мистер Стюарт, – сказал он, – введите своего друга, имени которого я пока не знаю.

– Как вы поживаете, Ключи? – сказал Алаи. – Надеюсь, что хорошо. Я счастлив видеть вас и представить вам моего друга, шоосского лэрда, мистера Давида Бальфура.

Когда мы были одни, Алан никогда не упоминал о моем

поместье без некоторой усмешки, но при чужих провозглашал эти слова точно герольд.

– Входите, джентльмены, – сказал Ключи, – добро пожаловать в мой дом! Это, конечно, странное и не особенно удобное жилище, но здесь я принимал особу королевской крови... Вы, мистер Стюарт, без сомнения, знаете, о ком я говорю. Сперва выпьем за удачу, а когда у моего безрукого слуги будут готовы битки, мы пообедаем и сыграем в карты, как полагается джентльменам. Жизнь моя немного скучновата, – сказал он, наливая водку, – я вижу мало людей, сижу тут и бью баклуши, вспоминая великий день, который, как мы все надеемся, скоро настанет. Я провозглашаю тост: за Реставрацию!

Тут все мы чокнулись и выпили. Уверяю вас, я не желал зла королю Георгу, но если бы он был на моем месте, то, вероятно, поступил бы так же, как я. Проглотив водку, я почувствовал себя гораздо лучше, мог наблюдать и слушать хотя и не совсем ясно, но все-таки не испытывая прежнего беспричинного страха и упадка сил.

Жилище, где мы находились, было действительно странным, так же как и его хозяин. За то время, что ему приходилось скрываться, Ключи приобрел много мелочных привычек, точно какая-нибудь старая дева. У него было свое особое место, где никто другой не должен был сидеть. Клетка была убрана известным образом, который никто не смел нарушать. Стряпня была одной из любимых развлечений Ключи.

ни, и, даже приветствуя нас, он все время присматривал за битками.

Мы узнали, что иногда под покровом ночи он навещал или принимал у себя жену и одного или двух близких друзей, но большую часть времени он проводил в одиночестве и общался только с часовыми и слугами, прислуживавшими ему в Клетке. Утром к нему первым приходил цирюльник, брил его и рассказывал местные новости, которые Ключни чрезвычайно любил слушать. Не было конца его вопросам, задаваемым с детской серьезностью. Некоторые ответы заставляли его смеяться до слез, и даже через несколько часов после ухода цирюльника он иногда хохотал при одном воспоминании о них.

Очевидно, Ключни имел основание задавать вопросы: хотя он находился в изгнании и, подобно остальным земельным собственникам Шотландии, лишен был парламентским актом законных прав, он все же вершил в своем клане патриархальный суд. Люди приходили в его убежище разбирать свои споры. И членам его клана, ни во что не ставившим постановления судебной палаты, достаточно было одного слова этого изгнанника, бывшего вне закона, чтобы отказаться от плана мести или согласиться выплатить деньги. Когда он гневался – а это бывало довольно часто, – он приказывал и грозил наказаниями не хуже любого короля; слуги дрожали и прятались от него, как дети от вспыльчивого отца. Входя в дом, Ключни каждому по очереди жал руку,

причем все одновременно по-военному прикасались к своим шотландским шапочкам. Таким образом, мне представлялся прекрасный случай ознакомиться с некоторыми особенностями внутреннего быта гайлэндерского клана. Вождь был осужден на смерть и скрывался; земли его были отобра- ны; солдаты разъезжали повсюду в поисках его, иногда на расстоянии мили от места, где он находился; и последний из оборванцев, которым Ключи давал советы или угрожал наказанием, мог бы составить себе состояние, выдав его.

Как только битки были готовы, Ключи собственноручно выжал на них лимон – его хорошо снабжали предметами роскоши – и пригласил нас сесть за обед.

– Они, – сказал он, подразумевая битки, – такие же, какими я угощал в этом самом доме его королевское высочество<sup>19</sup>, только не было лимонного сока. В те времена мы радовались, когда могли поесть мясо и не были требовательны к стряпне. В сорок шестом году в нашей стране было больше драгунов, чем лимонов.

Не знаю, может быть, битки были и в самом деле очень хороши, но при одном взгляде на них мне стало тошно, и я не мог их есть. Между тем Ключи занимал нас рассказами о пребывании принца Чарли в Клетке, приводил его подлинные слова и, встав с места, показал нам, где кто стоял. Из слов его я заключил, что принц был приветливый, бой-

---

<sup>19</sup> Имеется в виду «молодой претендент», принц Карл-Эдуард Стюарт, которого якобиты пытались возвести на престол.

кий юноша, настоящий потомок ряда изящных королей, но не обладал мудростью Соломона. Я понял также, что во время своего пребывания в Клетке он часто бывал пьян, так что порок, бывший, по многим сведениям, причиной его гибели, уже тогда давал о себе знать.

Не успели мы покончить с едой, как Клюни принес старую, захватанную жирную колоду карт, какую можно найти в любой захудалой гостинице, и с разгоревшимися глазами предложил нам сыграть партию.

Мне с детства внушали, что карточной игры надо избегать, что это занятие позорное. Мой отец считал недостойным христианина и вообще джентльмена рисковать своим состоянием и посягать на чужое посредством метания раскрашенного картона. Разумеется, я мог бы отговориться усталостью, что было бы достаточным извинением, но я нашел нужным объясниться напрямик. Должно быть, я страшно покраснел, по все-таки твердым голосом сказал, что не берусь судить других, но сам этим делом никогда не занимался.

Клюни перестал тасовать карты.

– Что это такое, черт возьми? – сказал он. – Что это за вигский ханжеский разговор в доме Клюни Макферсона?

– Я за мистера Бальфура готов положить руку в огонь, – сказал Алан. – Он честный и храбрый джентльмен! Не забывайте, кто говорит это: я ношу королевское имя, – прибавил он, приподнимая шляпу. – Я и мои друзья можем быть до-

стойной компанией даже в самом избранном обществе. Но молодой человек устал, и ему следует выспаться. Если он не желает играть в карты, это не мешает составить нам партию вдвоем. Я, сэр, умею и охотно сыграю в любую игру, какую вы назовете.

– Сэр, – сказал Ключи, – вам надо знать, что в моем скромном доме всякий джентльмен может поступать, как ему вздумается. Если бы ваш друг захотел стоять на голове, я не возражал бы. Но если он, или вы, или кто-нибудь другой не совсем довольны мною, то я буду счастлив скрестить наши шпаги.

Я вовсе не желал, чтобы друзья из-за меня перерезали друг другу горло.

– Сэр! – воскликнул я. – Я очень устал, как вам объяснил Алан, и к тому же – я могу сказать это вам: ведь у вас у самого могут быть сыновья, – я обещал моему отцу не играть в карты.

– Довольно, довольно, – сказал Ключи и указал мне на постель из вереска в углу Клетки. Но все-таки он рассердился, искоса поглядывал на меня и тихонько ворчал.

Действительно, надо сознаться, мое мнение и слова, в которых я выразил его, отдавали пресвитерианством и были малоуместны среди якобитов дикой Шотландии.

Выпив водки и закусив олениной, я почувствовал какую-то странную тяжесть во всем теле и не успел лечь в постель, как меня охватило нечто вроде столбняка, и такое со-

стояние продолжалось почти все время пребывания моего в Клетке. Иногда я приходил в себя и понимал, что вокруг происходит; остальное время я только слышал голоса или храп мужчин, точно далекие звуки журчащей реки. Пледы, висевшие прямо предо мной на стенах, то уменьшались, то опять вырастали, словно тени на потолке. Я, должно быть, иногда что-то говорил или вскрикивал, потому что время от времени с удивлением слышал ответы. Я не помню никакого определенного кошмара, а испытывал только какой-то ужас и отвращение к месту, где я находился, к постели, на которой лежал, к пледам на стене, к голосам, к огню, к самому себе...

Позвали цирюльника, который был также и доктором, чтобы прописать мне лекарство. Он говорил по-гэльски, и я ничего не понял из его слов, а болезнь помешала мне попросить перевести их на мой язык. Я хорошо сознавал, что болен; остальное меня не интересовало.

Находясь в таком печальном положении, я мало на что обращал внимание. Но Алан и Ключи большую часть времени проводили за картами, и Алан, должно быть, сначала выигрывал. Я вспоминаю, что видел их увлеченными игрой, причем на столе лежала блестящая кучка в шестьдесят или сто гиней. Станным выглядело такое богатство в гнезде, сплетенном из деревьев, на склоне утеса. Даже тогда я понимал, что такое занятие опасно для Алана, у которого не было ничего, кроме зеленого кошелька и пяти фунтов в нем.

Счастье изменило ему, должно быть, на второй день. Око-



ло полудня меня, по обыкновению, разбудили к обеду, и я, как всегда, отказался от еды, но, должно быть, выпил рюмку какой-то горькой настойки, которую мне прописал цирюльник. Слепящие лучи солнца светили в открытую дверь Клетки и беспокоили меня. Ключи сидел у стола, теребя в руках колоду карт. Алан наклонился над моей постелью, причем лицо его, приблизившееся к моим помутившимся от лихорадки глазам, показалось мне невероятно большим.

Он попросил меня дать ему денег взаймы.

– На что? – спросил я.

– О, только взаймы, – сказал он.

– Но зачем? – повторил я. – Я не понимаю.

– О Давид, – сказал Алан, – неужели ты пожалеешь дать мне денег в долг?

Я, наверное, пожалел бы, если был бы в полном сознании. Но тогда я хотел лишь одного: не видеть его лица и вручить ему деньги.

Наутро третьего дня, после того как мы провели в Клетке уже сорок восемь часов, я, проснувшись, почувствовал себя гораздо лучше, и хотя был еще очень слаб, но уже видел предметы в их подлинных размерах и в обыкновенном, а не в фантастическом виде. Кроме того, у меня появился аппетит. Встав с постели по собственному побуждению, я, как только мы позавтракали, вышел на воздух и сел перед Клеткой на опушке леса. Стоял серенький денек, воздух был прохладный и влажный, и я все утро просидел в полудремоте, нару-

шаемой только хождением разведчиков и слуг Ключни, которые являлись к нему с провизией и докладами. В то время кругом было спокойно, и можно сказать, что Ключни почти открыто чинил суд и расправу.

Вернувшись в дом, я увидел, что он и Алан, отложив в сторону карты, расспрашивали слугу. Вождь повернулся ко мне лицом и заговорил со мной по-гэльски.

– Я не понимаю по-гэльски, сэ, – сказал я.

Со времени происшествия с картами все, что я говорил или делал, раздражало Ключни.

– В вашем имени больше смысла, чем в вас самих, сэ, – сказал он гневно, – потому что оно совершенно гэльское. Но дело не в том. Мой разведчик доложил мне, что местность на юге свободна. Хватит ли у вас сил идти?

Я увидел на столе карты, но золота там не было, а на той стороне, где сидел Ключни, лежала только куча исписанных бумажек. У Алана был какой-то странный взгляд. Казалось, он был чем-то недоволен, и я почувствовал смутное опасение.

– Я не знаю, хватит ли у меня сил, – сказал я, глядя на Алана, – но те небольшие деньги, которые у нас есть, помогут нам пройти большое расстояние.

– Давид, – произнес он наконец, – я проиграл деньги. Вот тебе чистая правда.

– И мои также? – спросил я.

– И твои также, – сказал Алан со вздохом. – Тебе не следо-

вало давать их мне; я теряю рассудок, когда сажусь за карты.

– Ну, ну, – сказал Ключи, – мы играли в шутку. Все это пустяки! Понятно, вы получите обратно ваши деньги, и даже вдвойне, если позволите. Было бы странно с моей стороны оставить их у себя. Пусть не думают, что я могу огорчить джентльменов в вашем положении. Это было бы очень странно! – закричал он и, сильно покраснев, вытащил золото из своего кармана.

Алан не говорил ни слова, продолжая смотреть в землю.

– Угодно ли вам выйти со мной за дверь, сэр? – спросил я.

Ключи выразил готовность выполнить мою просьбу и последовал за мною довольно охотно, но все-таки казался взволнованным и сердитым.

– А теперь, сэр, – начал я, – позвольте сперва поблагодарить вас за великодушие.

– Что за глупости! – воскликнул Ключи. – Причем тут великодушие? Это очень неприятная история, но что же мне делать, запертому в Клетке, как не сажать за карты друзей, которых я могу принимать у себя? И если они проигрывают, то нельзя же предполагать... – Он остановился.

– Да, – сказал я, – если они проигрывают, вы возвращаете им деньги; если же они выигрывают, то уносят ваши деньги в своих карманах! Я сказал уже, что признаю ваше великодушие, но мне очень тяжело, сэр, быть поставленным в такое положение.

Затем последовало недолгое молчание, во время которого

Клюни порывался заговорить, но ничего не сказал. Лицо его становилось все краснее и краснее.

– Я молод, – продолжал я, – и потому прошу у вас совета. Научите меня, как научили бы вы своего сына. Друг мой честно проиграл эти деньги после того, как честно выиграл у вас гораздо большую сумму. Могу ли я принять эти деньги обратно? Будет ли это порядочно с моей стороны? Как бы я ни поступил, вы сами понимаете, мне будет тяжело, как человеку с самолюбием.

– Это тяжело и для меня, мистер Бальфур! – сказал Клюни. – Вы, кажется, считаете меня способным разорять бедных людей. Я бы не желал, чтобы мои друзья подвергались оскорблениям в моем доме, нет! – воскликнул он с внезапной вспышкой гнева. – Или наносили бы их мне!

– Итак, вы видите, сэр, – продолжал я, – что и я имел основание вам возражать: карточная игра – плохое занятие для джентльменов. Но я жду вашего совета.

Я уверен, что если Клюни кого-нибудь ненавидел, то это был Давид Бальфур. Он взглянул на меня с воинственным видом, и на его лице я прочел вызов. Но моя молодость или присущее ему чувство справедливости обезоружили его. Разумеется, это была неприятная история для всех, принимавших в ней участие, и для Клюни не менее, чем для других, но он с честью вышел из положения.

– Мистер Бальфур, – сказал он, – вы очень щепетильны и притом большой педант, но, несмотря на это, вы настоящий

джентльмен. Даю вам честное слово, вы можете принять эти деньги. Я посоветовал бы это своему сыну. Вот вам моя рука!

## XXIV. Бегство. Ссора

Под покровом ночи мы с Аланом переправились через Лох-Эррохт и стали спускаться по его восточному берегу к другому убежищу около Лох-Ранноха, куда нас вел слуга Ключи. Этот малый нес наш багаж и плащ Алана. Он шел бодрым шагом, как крепкая горная малорослая лошадь. По-видимому, ноша казалась ему легкой, тогда как половина такого груза заставляла меня сгибаться в три погибели. А между тем в обыкновенной борьбе я мог бы переломать ему кости.

Без сомнения, для нас было большим облегчением шагать без ноши. И, может быть, только благодаря этому ощущению свободы и легкости в движениях я мог идти, едва оправившись от болезни. Шли мы по самым мрачным, пустынным местностям Шотландии, под облачным небом, и в сердцах наших было мало взаимного сочувствия.

Долгое время мы шли молча – рядом или гуськом – с застывшим выражением лица. Я был сердит и чванился перед своим товарищем, черпая всю свою силу в двух этих грешных чувствах; Алан тоже был сердит на меня за то, что я осудил его поступок, и стыдился, что проиграл мои деньги.

Мысль о разлуке все сильнее овладевала мной, и чем более я поддавался ей, тем более стыдился ее. Было бы прекрасно, если бы Алан повернулся ко мне и сказал: «Ступай, я

подвергаюсь большой опасности, и мое общество только увеличивает опасность и для тебя». Но мне обратиться к другу, который, конечно, любил меня, и сказать: «Вы находитесь в большей опасности, чем я, поэтому ваша дружба мне в тягость. Подвергайтесь один риску и лишениям!» – нет, это было невозможно, и даже при одной мысли об этом щеки мои начинали пылать от стыда.

Правду говоря, Алан вел себя, как ребенок, вернее – что еще хуже, – как вероломный ребенок. Выманить у меня деньги, когда я лежал почти без сознания, было немногим лучше кражи. А между тем он шагал рядом со мной, не имея ни гроша за душой и, как мне казалось, вполне довольный, что мог жить на деньги, которые он заставил меня принять как милостыню. Правда, я готов был поделиться ими с ним, но меня бесило, что он так уж рассчитывает на меня.

Вот какие мысли одолевали меня, но я не мог высказать их вслух, потому что это было бы невеликодушно. Однако я поступил хуже: не обмениваясь ни словом с моим товарищем, я только искоса посматривал на него.

Наконец на другой стороне Лох-Эррохта, когда мы достигли ровной, заросшей камышом земли, где идти было легко, Алан не мог больше выдержать и подошел ко мне.

– Давид, – сказал он, – друзья должны иначе относиться к таким пустякам. Сознаюсь, я очень жалею о том, что случилось. А если ты имеешь что-нибудь против меня, то лучше скажи.

– О, – сказал я, – я ничего против вас не имею.

Он, казалось, растерялся, а я подло обрадовался этому.

– Нет? – сказал Алан чуть дрожащим голосом. – А если я сознаюсь, что был виноват?

– Разумеется, вы были виноваты, – ответил я холодно, – и ведь вам известно, что я никогда не упрекал вас.

– Никогда, – согласился он, – но ты отлично знаешь, что поступал гораздо хуже. Ты хочешь расстаться со мной? Раньше ты этого хотел. Хочешь ли и сейчас? Между этим местом и морем достаточно холмов и вереска, Давид. И я должен сознаться, что не особенно желаю оставаться там, где во мне не нуждаются.

Эти слова задели меня за живое, и я дал волю своему двоедушию.

– Алан Брек, – воскликнул я, – неужели вы думаете, что я отвернусь от вас в минуту крайней нужды?! Не смейте говорить мне этого! Все мое поведение доказывает несправедливость ваших слов. Правда, я уснул на болоте, но это случилось от усталости, и вы несправедливо упрекаете меня в этом.

– Я никогда не упрекал тебя, – сказал Алан.

– Что я сделал такого, – продолжал я, – что бы дало вам право унижать меня своим предположением? Я никогда не изменял друзьям и едва ли начну с вас. Нас связывает многое, чего я никогда не забуду, даже если забудете вы.

– Выслушай только одно, Давид, – сказал Алан очень спо-



койно. – Я давно обязан тебе спасением моей жизни, а теперь ты еще дал мне денег. Тебе следовало бы постараться облегчить мне это время.

Эти слова должны были бы тронуть меня; они в самом деле подействовали на меня, но в обратном смысле. Я чувствовал, что поступаю дурно, и теперь был зол не только на Алана, но и на самого себя; вот это сознание делало меня еще более жестоким.

– Вы просили меня высказаться, – сказал я. – Хорошо, я выскажусь. Вы сами сознаете, что оказали мне дурную услугу. Мне пришлось перенести бесчестие, но я ни разу не упрекнул вас, я ни разу не заговаривал об этом, пока вы не начали сами. А теперь вы осуждаете меня, – почти закричал я, – за то, что я не могу смеяться и петь, точно я должен радоваться своему унижению! Скоро вы захотите, чтобы я встал на колени и благодарил вас! Вам следовало бы больше думать о других, Алан Брек. Если бы вы думали о других, вы, может быть, меньше говорили бы о себе. И когда преданный друг подвергается из-за вас оскорблению без единого слова упрека, вы должны радоваться и оставить его в покое, а не укорять его. Вы сами признались, что были виноваты, – в таком случае не вам бы искать ссоры.

– Довольно, – сказал Алан, – я слышал достаточно.

И мы по-прежнему молча пошли дальше. Дойдя до остановки, мы поужинали и легли спать, тоже не говоря ни слова. На следующий день, когда стало смеркаться, мы перепра-

вились через Лох-Раннох с помощью слуги, который давал нам советы, какого пути нам лучше держаться. Он предложил тотчас же подняться в горы, обойти окружным путем вершины Глэн-Лайон, Глэи-Лохай и Глэн-Дохарт и спуститься в Лоулэнд у Киппена и верховьев Форта. Алану не особенно нравился этот путь, пролегавший через страну его кровных врагов – гленорхских Кемпбеллов. Он говорил, что, повернув к востоку, мы почти сейчас же попали бы в страну атольских Стюартов – членов рода одного с ними имени и происхождения, хотя подчинявшегося другому вождю, и, кроме того, добрались бы более легким и коротким путем до места нашего назначения. Но слуга, бывший у Ключи главным разведчиком, по всем пунктам разбил Алана, указав на численность войск в каждом округе, и в конце концов доказал, насколько я мог понять, что нигде нам не будет спокойнее, чем в стране Кемпбеллов.

Алан наконец уступил, хотя не особенно охотно.

– Это одно из сквернейших мест в Шотландии, – сказал он. – Насколько мне известно, там ничего нет, кроме вереска, ворон и Кемпбеллов. Но я вижу, что вы человек довольно проникательный, и потому пусть будет по-вашему.

Итак, мы отправились по указанному пути и почти целых три ночи скитались по диким горам и среди истоков горных речек. Часто мы брели в тумане; почти постоянно дул ветер, лил дождь, и ни разу нас не порадовал хотя бы один луч солнца. Днем мы спали в мокром вереске; ночью без отды-

ха карабкались по головокружительной крутизне, между нагромождениями утесов. Мы часто плутали, часто вынуждены были останавливаться и ждать, когда рассеется туман. Об огне нечего было и думать. Единственной нашей пищей служил драммах и кусок холодного мяса, который мы захватили из Клетки; что же касается питья, то, слава богу, в воде у нас не было недостатка.

Это было для нас ужасное время: отвратительная погода и угрюмый характер местности, по которой мы шли, делали наше положение еще более тяжелым. Мне постоянно было холодно, зубы у меня стучали, горло сильно болело, так же как на острове, а в боку непрерывно и мучительно колело. Когда я спал на своей мокрой постели, в то время как дождь лил сверху, а подо мной медленно сочилась грязь, я в воображении переживал худшие минуты своих приключений. Мне представлялась башня в Шоосе, освещенная молнией; Рэнсом, которого несут на руках матросы; Шуэн, который умирает на полу капитанской каюты; Колин Кемпбелл, который старается расстегнуть свою одежду. От такого тревожного сна я пробуждался во мраке, для того чтобы сидеть в той же грязи и ужинать холодным драммахом. Дождь хлестал мне в лицо или ледяными струйками сбегал по спине, а туман стоял вокруг нас, точно стена. Когда же дул ветер, внезапно рассеивая мглу, перед нами открывалась пропасть, в темной глубине которой громко бурлили ручьи.

Шум бесчисленных рек слышался повсюду. От непрекра-

щающегося дождя все горные ключи разлились; долины наполнились водой, точно водоемы; в каждом потоке вода высоко вздымалась, переполняла русло и выступала из берегов. Во время наших ночных переходов мы слышали торжественные голоса воды в долинах, напоминавшие то удары грома, то гневные крики. Я вспоминал тогда «водяного духа» – демона потоков, – про которого говорится в сказках, что он рыдает и ревет у брода, пока не приблизится к нему обреченный на гибель путник. Мне кажется, что Алан верил этому или наполовину верил. И когда шум реки становился громче обыкновенного, я с удивлением замечал, что он крестится католическим крестом.

В продолжение этих ужасных странствий мы с Аланом редко говорили друг с другом. Правда, я чувствовал, что смерть моя близка, и это могло служить мне лучшим извинением. Но, помимо всего прочего, я от рождения не умел прощать. Я не обижался из-за пустяков, но зато долго не мог забыть оскорбления. Теперь же я злился как на своего товарища, так и на самого себя. В продолжение этих двух дней он был очень внимателен ко мне, и хотя молчал, но постоянно был готов прийти мне на помощь, видимо надеясь, что моя досада пройдет. В течение того же времени я неизменно разжигал в себе злобу, грубо отказывался от услуг Алана и обращал на него столько же внимания, сколько на какой-нибудь куст или камень.

Во вторую ночь или, скорее, на рассвете третьего дня

мы очутились на таком открытом склоне, что не могли выполнить своего обычного плана, то есть немедленно поесть и лечь спать. Прежде чем мы достигли защищенного места, предрассветные сумерки значительно рассеялись, и, хотя продолжал идти дождь, тумана уже не было. Алан, взглянув на меня, принял озабоченный вид.

– Ты бы лучше отдал мне свою поклажу, – сказал он чуть ли не в десятый раз с тех пор, как мы расстались с разведчиком у Лох-Раиноха.

– Я отлично себя чувствую, благодарю вас, – ответил я ледяным тоном.

Алан сильно покраснел и сказал:

– Я больше тебе не буду это предлагать, Давид. Я не отличаюсь терпением.

– Я никогда не говорил, что вы этим отличаетесь, – ответил я. Это был грубый и глупый ответ ребенка.

Алан промолчал. Но по его поведению я понял, что, вероятно, с той минуты он простил себе проступок у Ключи; он снова загнул свою шляпу и пошел, весело насвистывая песни и поглядывая искоса на меня с вызывающей улыбкой.

На третью ночь мы должны были пересечь на западе землю Бальуйддер. Ночь стояла ясная и холодная, в воздухе чувствовался мороз, и дул северный ветер, разгонявший тучи и отрывавший звезды. Ручьи по-прежнему были переполнены и громко шумели среди холмов, но я заметил, что Алан не думает больше о «водяном духе» и находится в прекрас-

ном настроении. Для меня же перемена погоды наступила слишком поздно. Я был смертельно болен, весь дрожал, и на мне не оставалось живого места; ветер пронизывал меня насквозь, и свист его оглушал меня. В таком несчастном положении я должен был выносить колкие замечания моего товарища. Он говорил много и всегда язвительным тоном, называя меня не иначе, как «виг».

– Вот, – говорил он, – вам прекрасный случай прыгнуть, любезный виг. Я знаю, что вы славно прыгаете! – и так далее.

Все это говорилось с издевкой и с крайне насмешливым видом.

Я знал, что сам нарвался на такое обращение, но чувствовал себя слишком несчастным, чтобы в чем-нибудь каяться. Я сознавал, что мне недолго оставалось волочить ноги по земле: я лягу и умру на этих мокрых вершинах, как овца или лисица, и кости мои будут белеть, как кости животного. Может быть, в этом было много ребяческого, но мне начинала нравиться эта мысль: я стал гордиться тем, что умру одиноко в пустыне и дикие орлы будут кружить надо мной в мои последние минуты. «Алан тогда раскается, – думал я. – Когда я умру, он вспомнит, скольким обязан был мне, и это воспоминание превратится для него в пытку». Итак, я шел, как глупый, больной, бессердечный школьник, разжигая в себе злобу к товарищу, тогда как мне следовало бы упасть на колени и молить бога о прощении. И насмешки Алана радовали меня. «А, – думал я, – у меня для тебя наготове еще луч-

ший ответ: когда я буду лежать мертвым, моя смерть будет тебе пощечиной. Какая месть! Да, ты будешь жалеть о своей неблагодарности и жестокости».

Между тем мне становилось все хуже и хуже. Один раз я даже не выдержал и упал, потому что ноги мои уже заплетались, и это поразило Алана. Но я быстро встал и продолжал свой путь как ни в чем не бывало, так что он скоро забыл про этот случай.

Меня бросало то в жар, то в озноб, и почти невыносимо колело в боку. Наконец я почувствовал, что не могу больше тащиться дальше, но вместе с тем у меня внезапно явилось желание дать выход моей злобе, излить ее на Алана и поскорее покончить с жизнью. Он только что назвал меня «вигом». Я остановился.

– Мистер Стюарт, – сказал я голосом, дрожавшим, как струна, – вы старше меня и должны были бы знать, что такое хорошие манеры. Неужели вы считаете остроумным попрекать меня моими политическими убеждениями? Я думал, что если джентльмены ссорятся, то делают это вежливо. Если бы я не думал так, то сумел бы не хуже вас посмеяться над вами.

Алан остановился передо мной, склонив голову набок. Его шляпа была загнута, руки в карманах. Он слушал со злой улыбкой, которую я разглядел при свете звезд. И когда я замолчал, он начал насвистывать яacobитскую песню, сочиненную в насмешку над поражением генерала Кона при Пре-

стонпансе.

Эй, Джонни Кон, ты еще идешь?

Барабаны твои еще бьют?

Мне пришло в голову, что в день этой битвы Алан сражался на стороне моего короля.

– Зачем вы насвистываете эту песню, мистер Стюарт? – спросил я. – Для того ли, чтобы напомнить мне, что вы терпели поражение на обеих сторонах?

Песня замерла на губах Алана.

– Давид! – сказал он.

– Пора с этим покончить, – продолжал я, – я хочу сказать, что вы впредь должны учтиво выражаться о моем короле и о моих добрых друзьях Кемпбеллах.

– Я Стюарт...

– О, – сказал я, – знаю, что вы носите королевское имя. Но вы должны помнить, что с тех пор, как я нахожусь в Гайленде, я видел много людей, которые носят его. И лучшее, что я могу сказать об этих людях, – это то, что им не мешало бы помыться.

– Понимаешь ли ты, что оскорбляешь меня? – спросил Алан очень тихо.

– Очень жаль, – возразил я, – потому что я еще не все сказал! Если вам не нравится моя отповедь, то еще менее понравится ее заключительная часть. За вами гнались в поле взрослые люди из моей партии, а вы мстите несовершеннолетнему. Я считаю это низким. Вас били и виги, и Кемпбел-



лы... Вы удирали от них как заяц. Вам подходит с уважением говорить о них.

Алан стоял неподвижно, и только концы его плаща хлопали по ветру за его спиной.

– Жаль, – сказал он наконец. – Есть вещи, которые нельзя оставлять без внимания.

– Я никогда не просил вас об этом, – сказал я. – Я так же готов, как и вы.

– Готов? – спросил он.

– Готов, – повторил я. – Я не флюгарка и не хвостун, как некоторые мои знакомые. Вперед! – И, вынув шпагу, я стал в позицию, как учил меня сам же Алан.

– Давид! – закричал он. – Ты с ума сошел! Я не могу драться с тобой, Давид. Это будет убийство!

– Вы это имели в виду, когда оскорбляли меня? – сказал я.

– Это правда! – воскликнул Алан и с минуту стоял, теребя рукою губы, как человек в сильном затруднении. – Это чистая правда, – повторил он и вынул шпагу. Но, прежде чем я смог дотронуться своей шпагой до ее лезвия, он отбросил ее и упал на землю. – Нет, нет, – повторял он, – не могу, не могу...

Тут исчезли последние остатки моей злобы, и я почувствовал себя только больным, несчастным, побежденным. Я едва понимал, что делаю. Я готов был отдать весь мир, чтобы вернуть свои слова обратно. Но когда слово сказано, как поймать его обратно? Я вспомнил прежнюю доброту и му-

жество Алана, вспомнил, как он терпеливо помогал мне и ободрял меня в самые тяжелые дни. Затем вспомнил, как я оскорблял его и понял, что навеки потерял своего отважного друга. В то же время болезнь, мучившая меня, словно удвоилась, и колоть в боку стало сильнее. Мне казалось, что я лишаюсь чувств.

Тут я понял и другое: никакие извинения не могли уничтожить того, что было сказано. Напрасно было надеяться – ничто не могло смыть оскорбления. Но там, где извинения были напрасны, крик о помощи мог вернуть мне Алана. Я забыл на минуту свое самолюбие.

– Алан, – прошептал я, – если вы не сможете мне помочь, мне придется умереть здесь.

Он вскочил и посмотрел на меня.

– Это правда, – повторил я, – я умираю. Отведите меня под какой-нибудь кров, мне легче будет умереть.

Мне не было надобности притворяться. Без всякого желания с моей стороны я говорил со слезами в голосе, который мог бы разжалобить даже каменное сердце.

– Можешь ты идти? – спросил Алан.

– Нет, – отвечал я, – не могу без вашей помощи. В последнее время у меня подкашиваются ноги; в боку колет, как раскаленным железом; я не могу свободно дышать. Если я умру, простите ли вы мне, Алан? В душе я вас очень любил даже в минуты злобы.

– Тсс... тсс! – воскликнул Алан. – Не говори этого! Давид,

мильный, ты знаешь... – Рыдания заглушили его слова. – Дай я обниму тебя! – продолжал он. – Вот так! Теперь покрепче опирайся на меня. Бог знает, где тут дом! Мы теперь в Бальуйддере. Тут должны быть дома, и даже дружеские дома. Легче тебе так идти, Дэви?

– Да, так я могу идти, – ответил я и пожал ему руку. Он опять чуть не разрыдался.

– Дэви, – сказал он, – я дурной человек: у меня нет ни ума, ни доброты. Я забыл, что ты еще ребенок, я не замечал, что ты умираешь на ходу. Дэви, тебе надо постараться простить меня.

– О Алан, не будем говорить об этом! – сказал я. – Нам нечего стараться исправить друг друга – вот что верно! Мы должны только терпеть и щадить один другого, Алан! О, как болит мой бок! Нет здесь жилища?

– Я найду тебе жилище, Давид, – утешал он меня. – Мы пройдем вдоль ручья, где должно быть жилье. Бедный мой мальчик, не лучше ли будет, если я понесу тебя на спине?

– О Алан, – ответил я, – ведь я дюймов на двенадцать выше вас!

– Вообще нет! – воскликнул Алан порывисто. – Ты, может быть, выше на безделицу, на один или на два дюйма... Конечно, я не уверяю, что я великан! Впрочем, теперь, когда я сообразил, – прибавил он, и голос его смешно изменился, – я думаю, что ты, может быть, близок к истине. Может быть, ты выше меня на локоть или даже больше!

Было и приятно и смешно слышать, как Алан отказывался от своих слов из боязни новой ссоры. Я бы рассмеялся, если бы в боку у меня не так кололо, но если бы я рассмеялся, то, я думаю, мне пришлось бы и заплакать.

– Алан, – воскликнул я, – отчего ты так добр ко мне? Отчего ты заботишься о таком неблагодарном друге?

– Право, я сам не знаю, – ответил Алан, – я именно и любил в тебе то, что ты никогда не ссорился, но теперь я люблю тебя еще больше!

## XXV. В Бальуйддере

У двери первого дома, к которому мы подошли, Алан постучался, что было не особенно осторожно в такой части Гайлэнда, как склоны Бальуйддера. Здесь властвовал не один большой клан, а несколько мелких рассеянных родов, которые оспаривали друг у друга землю. Это был, что называется, «безначальный народ», вытесненный в дикую местность, у истоков Форта и Тейса, наступлением Кемпбеллов. Здесь были Стюарты и Мак-Ларены, что было одно и то же, так как Мак-Ларены на войне подчинялись вождю Алана и составляли с Аппином один клан. Здесь были также многие из старого, объявленного вне закона, кровавого клана Мак-Грегоров. Они всегда имели дурную репутацию, теперь более, чем когда-либо, и не пользовались доверием ни одной партии во всей Шотландии. Глава их – Мак-Грегор из Мак-Грегора – находился в изгнании; более непосредственный предводитель части их, рассеянной около Бальуйддера, Джемс Мор, старший сын Роб-Роя, в ожидании суда был заключен в Эдинбургский замок. Они были во вражде с гайлэндерами и лоулэндерами, с Грэмами, Мак-Ларенами и Стюартами. Поэтому Алан предпочитал избегать их.

Случай нам помог. Мы попали в дом Мак-Ларенов, где Алана были рады принять не только ради его имени, но также и благодаря слухам, которые дошли о нем сюда. Меня

немедленно уложили в постель и послали за доктором, который нашел меня в печальном состоянии. Но оттого ли, что он был хорошим врачом, или потому, что я был молод и силен, я пролежал в постели не дольше недели и вскоре мог уже с легким сердцем продолжать путь.

Все это время Алан не покидал меня, хотя я часто упрашивал его уйти. Оставаясь здесь, он своею безрассудной смелостью возбуждал постоянное удивление двух или трех друзей, посвященных в его тайну. Днем он прятался в пещере на горном склоне, поросшем небольшим лесом, а ночью, если путь был свободен, приходил в дом навещать меня. Нечего и говорить, как я радовался, видя его. Миссис Мак-Ларен, наша хозяйка, находила все недостаточно хорошим для такого дорогого гостя. А так как у Дункана Ду – так звали нашего хозяина – были две флейты и сам он очень любил музыку, то время моего выздоровления стало настоящим праздником, и мы часто обращали ночь в день.

Солдаты не докучали нам. Однажды, впрочем, в глубине долины прошла партия, состоявшая из двух рот и нескольких драгунов; я видел их в окно, лежа в постели. Гораздо удивительнее было то, что ко мне не приходил никто из должностных лиц, и мне не задавали вопросов, откуда и куда я иду. В это беспокойное время я не подвергался допросам, точно жил в пустыне. А между тем мое присутствие здесь было известно всем жителям Бальуйддера и окрестностей, так как многие приходили в гости к моим хозяевам, а потом,

по обычаю страны, сообщали эту новость соседям. Объявления тоже уже были напечатаны. Одно из них было приколото булавкой к ногам моей постели, и я прочитал не очень лестное описание моей особы, а также написанную более крупным шрифтом сумму, обещанную за мою голову. Дункан Ду и все, кто знал, что я пришел вместе с Аланом, не могли сомневаться в том, кто я. Да и многие другие могли возыметь подозрения, хоть я и переменял одежду, но не мог переменить лета и наружность, а восемнадцатилетние мальчишки из Лоулэнда не так часто встречались в этом месте и особенно в такое время. Легко было сообразить, в чем дело, приняв во внимание объявление. Но ничего подобного не случилось. У иных людей тайна хранится между двумя или тремя близкими друзьями и все-таки каким-то образом становится известной, но у гайлэндеров ее сообщали целому народу и хранили веками.

Один только случай заслуживает упоминания о том, как меня посетил Робин Ойг, один из сыновей знаменитого Роб-Роя. Его повсюду искали, так как его обвиняли в похищении молодой женщины из Бальфрона, на которой он, как утверждали, насильно женился, а между тем он разгуливал в Бальуйддере, как джентльмен в своем обнесенном стенами парке. Это он подстрелил Джемса Мак-Ларена, и распря между ними никогда не прекращалась, но все-таки он вошел в дом своих кровных врагов без страха, как путешественник в общественную гостиницу.

Дункан успел сказать мне, кто он, и мы с беспокойством переглянулись. Надо сказать, что вскоре должен был прийти Алан, и вряд ли два эти человека могли поладить. А между тем, если бы мы послали Алану извещение или подали сигнал, мы, наверное, возбудили бы подозрение такого мрачного человека, как Мак-Грегор.

Он вошел очень вежливо, но держал себя, как с низшими: сиял шляпу перед миссис Мак-Ларен, но снова надел ее на голову, разговаривая с Дунканом; и, установив таким образом подобающие отношения, как он думал, с моими хозяевами, Мак-Грегор подошел к моей постели и поклонился.

– Мне сказали, сэр, – заговорил он, – что ваше имя Бальфур.

– Меня зовут Давид Бальфур, – ответил я, – к вашим услугам.

– Я в ответ мог бы вам назвать свое имя, сэр, – продолжал он, – но оно за последнее время несколько утратило значение. Может быть, достаточно будет сказать вам, что я родной брат Джемса Мора Друммоида, или Мак-Грегора, о котором вы не могли не слышать.

– Да, сэр, – сказал я немного испуганно, – но я также не мог не слышать о вашем отце, Мак-Грегоре Кемпбелле.

Я поднялся на постели и поклонился. Я думал, что это польстит ему, если он гордится отцом, лишенным покровительства законов.

Он поклонился в ответ и продолжал:



– Вот что я хочу вам сказать, сэр. В сорок пятом году мой брат поднял часть рода Грегора и повел шесть рот, чтобы нанести решительный удар неправой стороне. Врач, шедший с нашим кланом и вылечивший ногу моему брату, когда тот сломал ее в схватке при Престонпансе, носил то же имя, что и вы. Он был братом Бальфура из Байса, и если только вы находитесь в какой-нибудь степени родства с этим джентльменом, то я отдаю себя и свой парод в ваше распоряжение.

Надо напомнить читателю, что я о своем происхождении знал не больше, чем какая-нибудь собака. Хотя мой дядя и болтал о нашем важном родстве, но ничего не объяснил точно, и у меня сейчас не оставалось другого выхода, как позорно признаться в своем невежестве.

Робин коротко ответил, что ему остается пожалеть, что он побеспокоился, повернулся ко мне спиной и, не поклонившись, направился к двери. Я слышал, как он сказал Дункану, что я не более как «безродный негодяй, не знавший собственного отца». Как я ни сердился на эти слова, стыдясь в то же время собственного незнания, я едва мог удержаться от улыбки при мысли, что человек, находившийся вне закона (и которого действительно через три года повесили), был разыскателем к происхождению своих знакомых.

У самой двери Робин встретил входящего Алана, и оба они, отступив, посмотрели друг на друга, как две чужие собаки. Оба были невелики ростом, но в эту минуту они точно вытянулись от сознания собственного достоинства. Каждый

из них движением бедра высвободил эфес своей шпаги, чтобы можно было скорее вытащить клинок.

– Мистер Стюарт, если не ошибаюсь? – сказал Робин.

– Верно, мистер Мак-Грегор: это имя, которого нечего стыдиться, – отвечал Алан.

– Я не знал, что вы в моей стране, сэр, – сказал Робин.

– Я предполагаю, что я в стране моих друзей, Мак-Ларенов, – сказал Алан.

– Это щекотливый вопрос, – отвечал тот. – На это можно и возразить кое-что. Но, кажется, я слышал, что вы умеете биться на шпагах?

– Если вы только не родились глухим, мистер Мак-Грегор, то вы слышали обо мне гораздо больше, – сказал Алан. – Я не один в Аппине умею обращаться с оружием. И когда мой родственник и вождь Ардшиль несколько лет тому назад разрешал спор с джентльменом, носившим ваше имя, я не помню, чтобы Мак-Грегор одержал верх.

– Вы имеете в виду моего отца, сэр? – спросил Робин.

– Это меня несколько не удивляет, – сказал Алан. – Джентльмен, о котором я говорю, имел скверную привычку прибавлять «Кемпбелл» к своему имени.

– Мой отец был стар, – отвечал Робин. – Партия была неравная. Мы с вами составим лучшую пару, сэр.

– Я тоже думаю так, – сказал Алан.

Я готов был выскочить из кровати, а Дункан не отходил от этих петухов, готовый вмешаться при первом удобном

случае. Но когда последние слова были произнесены, ждать больше было нечего. И Дункан, очень побледнев, бросился между ними.

– Джентльмены, – сказал он, – я думал совсем о другом. У меня есть две флейты, а вот тут два джентльмена – оба прослабленные игроки на этом инструменте. Давно уже идет спор о том, кто из них лучше играет. Вот и представился прекрасный случай разрешить этот спор.

– Что же, сэр... – сказал Алан, все еще обращаясь к Робину, с которого не сводил глаз, так же как и Робин с него, – что же, сэр, мне кажется, что я действительно что-то подобное слышал. Вы музыкант, как говорят? Умеете вы немного играть на флейте?

– Я играю, как Мак-Фиммон! – воскликнул Робин.

– Это смело сказано, – заметил Алан.

– Я до сих пор оправдывал и более смелые сравнения, – ответил Робин, – притом имея дело с более сильными противниками.

– Это легко испытать, – сказал Алан.

Дункан Ду поторопился принести обе флейты, являвшиеся его главным достоянием, и поставить перед гостями баранью ногу и бутылку питья, называемого «Атольский броз», приготовленного из старой водки, меда и сливок, медленно сбитых в определенной пропорции. Противники все еще были на шаг от ссоры, но оба уселись по сторонам горящего очага, соблюдая чрезвычайную учтивость. Мак-Ларен

убеждал их попробовать его баранину и броуз, напомнив при этом, что жена его родом из Атоля и известна повсюду своим умением готовить этот напиток. Но Робин отказался от угощения, заявив, что это вредит дыханию.

– Прошу вас заметить, сэр, – сказал Алан, – что я около десяти часов ничего не ел, а это хуже для дыхания, чем какой угодно броуз в Шотландии.

– Я не хочу иметь никаких преимуществ перед вами, мистер Стюарт, – отвечал Робин. – Ешьте и пейте, и я сделаю то же самое.

Оба съели по небольшой порции баранины и выпили по стакану броуза миссис Мак-Ларен. Затем, после продолжительного обмена учтивостей, Робин взял флейту и сыграл небольшую пьеску в очень быстром темпе.

– Да, вы умеете играть, – признал Алан и, взяв у своего соперника инструмент, сначала сыграл ту же пьесу и в том же темпе, а затем начал вариации, которые украсил целым рядом фиоритур, столь любимых флейтистами.

Мне понравилась игра Робина, но игра Алана привела меня просто в восторг.

– Это недурно, мистер Стюарт, – сказал соперник, – но вы проявили мало изобретательности в своих фиоритурах.

– Я! – воскликнул Алан, и кровь бросилась ему в лицо. – Я уличаю вас во лжи!

– Значит, вы признаете себя побитым на флейтах, – сказал Робин, – если вы хотите переменить их на шпаги?

– Прекрасно сказано, мистер Мак-Грегор, – ответил Алан, – и пока, – он сделал сильное ударение на этом слове, – я беру свои слова назад. Пусть Дункан будет свидетелем.

– Право, вам нет надобности кого-либо звать в свидетели, – сказал Робин. – Сами вы гораздо лучший судья, чем любой Мак-Ларен в Бальуйддере, потому что, честное слово, вы очень приличный флейтист для Стюарта. Передайте мне флейту.

Алан передал флейту, и Робин стал повторять и исправлять некоторые вариации Алана, которые он, казалось, прекрасно запомнил.

– Да, вы понимаете музыку, – сказал мрачно Алаи.

– А теперь будьте сами судьей, мистер Стюарт, – сказал Робин и повторил вариации с самого начала, придав им новую форму, с такой изобретательностью, с таким чувством и необыкновенным вкусом, что я изумился, слушая его.

Что же касается Алана, то лицо его потемнело и запылало; он кусал ногти, точно человек, которого глубоко оскорбили.

– Довольно! – воскликнул он. – Вы умеете играть на флейте, можете хвалиться этим. – И он хотел встать.

Но Робин сделал знак рукой, точно прося внимания, и перешел к медленному темпу шотландской народной песни. Это была прекрасная вещь, и сыграна она была превосходно, но, кроме того, она оказалась песнью аппинских Стюартов, самую любимую Алана. Едва прозвучали первые ноты, как он переменялся в лице, а когда темп ускорился, едва мог

усидеть спокойно на месте. Задолго до окончания песни последняя тень гнева исчезла с его лица, и, казалось, он думал только о музыке.

– Робин Ойг, – объявил он, когда тот кончил играть, – вы великий флейтист. Мне не подобает играть в одной стране с вами. Клянусь честью, у вас больше музыкальности в мизинце, чем у меня в голове. И хотя мне все-таки кажется, что я шпагой мог бы доказать вам нечто другое, предупреждаю вас заранее, что это было бы дурно! Противно моим убеждениям спорить с человеком, который так хорошо играет на флейте!

На этом ссоре окончилась. Всю ночь броуз и флейты переходили из рук в руки. Уже совсем рассвело, и все трое были порядочно навеселе, когда Робин подумал об уходе.

## **XXVI. Конец бегства. Мы переправляемся через Форт**

Было уже около половины августа, и стояла прекрасная, теплая погода, обещавшая ранний и обильный урожай. Как я говорил уже, не прошло и месяца с начала моей болезни, а меня нашли уже способным продолжать путь. У нас было так мало денег, что мы прежде всего должны были торопиться, потому что, не успеешь ли вовремя дойти до мистера Ранкэйлора или если бы он отказался помочь мне, мы бы, конечно, умерли с голоду. Кроме того, по соображениям Алана, погоня за нами теперь должна была значительно ослабеть, и граница реки Форт или даже Стрлингский мост, где находилась главная переправа через реку, должна была охраняться с меньшим вниманием.

– Главный принцип в военном деле, – говорил Алан, – идти туда, где вас менее всего ожидают. Форт затрудняет нас. Ты знаешь поговорку: «Форт – узда для дикого гайлэндера». Итак, если мы будем пытаться обойти истоки реки и спуститься у Киппена или Бальфрона, то там именно нас и будут стараться поймать. Но если мы прямо пойдём на старый мост в Стерлинге, то, даю тебе слово, нас пропустят не оставивая.

Следуя этому плану, мы в первую же ночь дошли до дома

Мак-Ларена в Стратэйре, родственника Дункана, где и переночевали 21 августа. Оттуда мы снова с наступлением ночи сделали следующий легкий переход. 22-го мы, в кустах вереска, на склоне холма в Уэм-Вар, в виду стада оленей, проспали счастливейшие десять часов на чудном, ярком солнце и на такой сухой почве, какой я никогда не видел. В следующую ночь мы дошли до Аллан-Уотера и, спустившись вдоль его берега, увидели внизу перед собой всю равнину Стерлинга, плоскую, как блин; посередине на холме расположен был город с замком, а лунный свет играл в излучинах Форта.

– Теперь, – сказал Алан, – не знаю, рад ли ты этому, ты снова на своей родине. Мы уже перешли границу Гайлэнда, и если нам теперь удастся перебраться через эту извилистую реку, мы сможем бросить шапки в воздух.

На Аллан-Уотере, близко к месту, где он впадает в Форт, мы увидели небольшой песчаный островок, заросший репейником, белокопытником и другими низкорослыми растениями, которые могли бы закрыть нас, если мы ляжем на землю. Здесь-то мы и расположились лагерем, совсем в виду Стирлингского замка, откуда слышался барабанный бой, так как близ него маршировала часть гарнизона. В поле на берегу реки весь день работали косари, и мы слышали лязг камней о косы, голоса и даже отдельные слова разговаривавших. Нужно было лежать, прижавшись к земле, и молчать. Но песок на островке был нагрет солнцем, зеленая трава защищала наши головы, пища и вода были у нас в изобилии, и, в довершение



всего, мы находились почти в безопасности.

Как только косари кончили свою работу в начале сумерек, мы перешли вброд на берег и направились к Стирлингскому мосту вдоль рвов, пересекавших поля.

Мост находился вблизи холма, на котором возвышался замок: это был старый, высокий, узкий мост с башенками. Можно себе представить, с каким интересом я смотрел на него, не только потому, что это известное в истории место, но и потому, что мост этот должен был спасти меня и Алана. Месяц еще не взошел, когда мы пришли сюда; немногочисленные огни светились вдоль фасада крепости, а ниже виднелись немногие освещенные окна в городе. Но все было совершенно спокойно, и казалось, у прохода не было стражи.

Я стоял за то, чтобы тотчас же отправиться, но Алан был осторожнее.

– Как будто все спокойно, – сказал он, – но мы все-таки положим здесь во рву и посмотрим.

Так мы лежали около четверти часа, то молча, то перешептываясь и не слыша ничего, кроме плеска воды над устоями моста. Наконец прошла мимо старая хромая женщина с палкой. Сперва она остановилась близко от места, где мы лежали, и стала что-то причитать о том, как ей трудно приходится, и о том, какой длинный путь ей пришлось пройти; затем она пошла по крутому подъему моста. Старуха была так мала ростом, а ночь так темпа, что мы скоро потеряли хромую женщину из виду и только слышали, как звук ее ша-

гов, стук палки да кашель становились все слабее.

– Она, наверное, прошла, – шепнул я.

– Нет, – ответил Алан, – ее шаги все еще глухо звучат по мосту.

В эту минуту послышался голос:

– Кто идет?

И мы услышали, как приклад ружья загремел о камни. Я предполагаю, что часовой раньше спал и что если бы мы попытались, то прошли бы незамеченными. Но теперь он проснулся, и случай был упущен.

– Это нам не удастся, – сказал Алан, – никогда нам это не удастся, Давид.

И, не прибавив ни слова, он пополз прочь через поля. Немного далее, когда мы были вне поля зрения часового, Алан поднялся и пошел по дороге, направляющейся к востоку. Я не понял, зачем он это делает, да едва ли я мог быть чем-нибудь доволен, так меня огорчило только что пережитое разочарование. Минуту назад я видел себя в своем воображении у дверей мистера Ранкэйлора, видел, как я представляю ему свои права на наследство, подобно герою баллады. И вот я снова скитающийся, гонимый преступник, который бредет на другой стороне Форта.

– Ну? – сказал я.

– Ну, – отвечал Алан, – чего же ты хочешь? Они не такие дураки, какими я считал их. Нам все еще остается перейти Форт, Давид... Проклятие дождям, питавшим его, и холмам,

между которыми он течет!

– А зачем мы идем к востоку? – спросил я.

– О, просто попытаться счастья! – сказал он. – Если мы не можем перейти реку, то надо посмотреть, не переправимся ли мы через залив.

– На реке есть брод, а в заливе его нет, – сказал я.

– Конечно, есть брод, – сказал Алан, – но какой от него прок, если он охраняется?

– Но, – сказал я, – реку можно переплыть.

– Можно тем, кто это умеет, – отвечал он, – но я не слышал, чтобы кто-нибудь из нас с тобой был очень искусен в этом деле. Что касается меня, то я плаваю, как камень.

– Я не могу сравниться с вами в умении возражать, Алан, – сказал я, – но мне кажется, что мы худое меняем на еще худшее. Если трудно переплыть реку, то, очевидно, еще труднее переплыть залив.

– Но ведь существуют лодки, если не ошибаюсь, – сказал Алан.

– Да, а также деньги, – возразил я. – Но так как у нас нет ни того, ни другого, они могли бы и не существовать вовсе.

– Ты так думаешь? – спросил Алан.

– Да, – отвечал я.

– Давид, – сказал он, – у тебя мало изобретательности и еще менее веры. Но дай мне только поворочать мозгами, и если мне не удастся выпросить, занять или даже украсть лодку, я сделаю ее!

– Так это вам и удастся! – сказал я. – Но вот что всего важнее: если вы перейдете мост, то мост ничего не расскажет. Но если вы переплывете залив и лодка окажется не на той стороне – кто-нибудь должен был перевести ее, – вся местность будет настороже.

– Полно! – закричал Алан. – Если я сделаю лодку, я содам и человека, чтобы отвезти ее назад! Итак, не приставай ко мне больше с глупостями, а иди – это все, что от тебя требуется, – и предоставь Алану думать за тебя.

Таким образом, мы всю ночь шли по северной части равнины у подножия высоких Окильских гор, мимо Аллоа, Клекманнана и Кельросса, которые мы обошли. В десять часов утра, проголодавшиеся и усталые, мы добрались до маленького поселка Лимекильис. Это местечко расположено близко к берегу залива, на другой стороне которого виден город Куинзферрн. Над поселками, городом, деревнями и фермами поднимался дымок. Жатва была окончена; два корабля стояли на якоре; взад и вперед по заливу плавали лодки. Все это представляло для меня очень приятное зрелище, и я не мог вдоволь налюбоваться на эти веселые, зеленые, возделанные холмы и на людей, работающих в полях и на море.

Но там, на южном берегу Форта, стоял дом мистера Ранкэйлора, где, я был уверен, меня ожидало богатство. А я стоял здесь, на северной стороне, одетый в бедную одежду чужеземного покроя, с тремя серебряными шиллингами вместо целого состояния; голова моя была оценена, а единственным

моим товарищем был человек, приговоренный к смерти!

– О Алан! – сказал я. – Подумай только: там, напротив, меня ждет все, что только может желать душа... Птицы прилетают туда, лодки переплывают – все, кто хочет, могут попасть туда – все, кроме меня! Алан, сердце мое разрывается на части!

В Лимекильнсе мы зашли на небольшой постоялый двор – мы узнали его по шесту над дверью – и купили хлеба и сыра у пригожей девушки, по-видимому служанки. Мы сложили все в узелок, думая присесть и подкрепиться в небольшом лесу на берегу моря, который виднелся впереди на расстоянии трети версты. Пока мы шли, я продолжал смотреть на ту сторону залива и вздыхать, не замечая, что Алан стал задумчивым. Наконец он остановился.

– Обратил ты внимание на девушку, у которой мы купили это? – спросил он, похлопывая по хлебу и сыру.

– Конечно, – сказал я, – это была хорошенькая девушка.

– Ты так думаешь?! – воскликнул он. – Но, Давид, это хорошая новость.

– Отчего же? – спросил я с удивлением. – Какую это может принести нам пользу?

– Ну, – сказал Алан, кинув на меня плутоватый взгляд, – я надеюсь, что это, может быть, доставит нам лодку.

– Думать наоборот было бы вернее, – сказал я.

– Это ты так думаешь, – ответил Алан. – Мне не нужно, чтобы она влюбилась в тебя, а нужно, чтобы она пожалела те-

бя, Давид, а для этого нет надобности находить тебя красавцем. Покажись! – Он осмотрел меня с любопытством. – Мне бы хотелось, чтобы ты был немного бледнее, но в остальном ты отлично годишься для моей цели: у тебя настоящий вид висельника, оборванца, каторжника, точно ты стащил платье у огородного пугала. Марш направо кругом и прямо к постоялому двору за нашей лодкой!

Я, смеясь, последовал за ним.

– Давид Бальфур, – сказал он, – ты очень веселый джентльмен, и твоя роль, без сомнения, покажется тебе очень смешной. Но при всем том, если ты хоть в грош ставишь мою голову, не говоря уже о твоей, ты, может быть, будешь так добр, что взглянешь на это дело серьезно. Я собираюсь сыграть комедию, успех которой для нас обоих имеет громадное значение. Пожалуйста, не забывай этого и веди себя соответствующим образом.

– Хорошо, хорошо, – сказал я, – пусть будет по-вашему.

Когда мы подошли к поселку, Алан велел мне взять его под руку и повиснуть на нем, словно я обессилел от усталости. Когда он открыл дверь постоялого двора, казалось, что он почти несет меня. Служанка, по-видимому, удивилась – и было отчего! – нашему быстрому возвращению, но Алан, не тратя даром слов для объяснения, усадил меня на стул, спросил чарку водки, которую давал мне пить маленькими глотками, а затем, разломав хлеб и сыр, начал кормить меня, точно нянька, и все это с таким озабоченным, нежным

видом, который обманул бы даже самого судью. Не мудрено, что служанка обратила внимание на бледного, переутомленного юношу и его любящего товарища. Она стала рядом с нами, оперлась на стол.

– Что с ним случилось? – спросила она наконец.

Алан, к моему великому удивлению, повернулся к ней с яростью.

– Что случилось! – закричал Алан. – Он прошел больше сотен верст, чем у него волос на подбородке, и чаще спал в мокром вереске, чем на сухих простынях. «Что случилось!» – говорит она. Скверное случилось, вот что... – И он продолжал с недовольным видом ворчать себе под нос и кормить меня.

– Он слишком молод для этого, – сказала служанка.

– Слишком молод, – проворчал Алан, стоя к ней спиной.

– Ему было бы лучше ехать, – сказала она.

– А где же мне достать ему лошадь? – воскликнул Алан, оборачиваясь к ней с тем же разъяренным видом. – Вы бы хотели, чтоб я украл ее?

Я думал, что такая грубость заставит ее удалиться в сердцах, и действительно она на время замолчала. Но мой товарищ прекрасно знал, что делал, и хотя в некоторых отношениях был очень наивен, но в делах, подобных этому, отличался большой проницательностью.

– Я отлично вижу, – сказала она наконец, – что вы джентльмены.

– Ну, – сказал Алан, немного смягченный (я думаю, против воли) этим простодушным замечанием, – положим, что это правда. Но слышали вы когда-нибудь, чтобы благородное происхождение наполняло карманы деньгами?

На это она вздохнула, точно сама была обедневшей важной леди.

– Нет, – сказала она. – Это вы правду сказали!

Я все время злился, что играю такую роль, и молчал, не зная, стыдиться ли мне или смеяться. Но тут я не мог далее выдержать и попросил Алана оставить меня в покое, так как уже чувствую себя лучше. Голос мой прерывался, потому что я всегда ненавижу ложь. Но мое замешательство тоже помогло заговору, потому что девушка, без сомнения, приписала хрипоту в моем голосе болезни и усталости.

– Разве у него нет родных? – спросила она со слезами.

– Как не быть! – воскликнул Алан. – Нам бы только добраться до них. У него есть родные, и очень богатые. Нашлась бы постель, где лечь, и пища, и доктора, чтобы смотреть за ним, а тут он должен бродяжить по лужам и спать в вереске, точно нищий.

– Почему же? – спросила девушка.

– Это я не могу вам сказать, милая моя, – ответил Алан, – но вот что я сделаю: я просвищу вам маленькую песенку.

С этими словами он перегнулся через стол и едва слышно, но с удивительным чувством просвистал несколько тактов



песни «Чарли, мой любимец». <sup>20</sup>

– Тсс... – сказала она и через плечо посмотрела на дверь.

– Вот какое дело! – сказал Алан.

– Такой молодой! – воскликнула девушка.

– Он достаточно велик для... – И Алан ударил указательным пальцем по шее сзади, подразумевая, что я достаточно взрослый для того, чтобы лишиться головы.

– Какой позор! – воскликнула она, сильно краснея.

– Это тем не менее случится, – сказал Алан, – если мы не устроимся лучше.

Тут девушка повернулась и выбежала из комнаты, оставив нас одних. Алан был в прекрасном настроении оттого, что его планы так быстро исполняются. Я же злился, что меня выставляют якобитом и обращаются со мной, как с ребенком.

– Алан, – воскликнул я, – я не могу больше выносить этого!

– Тебе все-таки придется это сделать, Дэви, – сказал он. – Если ты теперь все испортишь, то сам, может быть, и выскочишь из огня, но Алан Брек навверное погибнет.

Это было так верно, что я мог только вздохнуть, и даже этот вздох послужил целям Алана, так как его услышала девушка, когда она снова влетела в комнату с блюдом сосисок и бутылкой крепкого пива.

– Бедняжка! – сказала она и, поставив перед нами еду,

---

<sup>20</sup> «Чарли, мой любимец» была якобитской песней.

дружески тронула меня за плечо, точно приглашая ободриться.

Затем она предложила нам есть, говоря, что платы за это не возьмет, так как гостиница принадлежит ей или, по крайней мере, ее отцу, который на целый день уехал в Питтенкриефф. Мы не ждали второго приглашения, так как хлеб и сыр – плохое питание, а сосиски пахли очень вкусно. Пока мы сидели и ели, девушка, стоя на том же месте у стола, глядела на нас, раздумывая, хмурясь и вертя в руках завязки своего передника.

– Я думаю, что у вас слишком длинный язык, – сказала она наконец Алану.

– Да, – ответил он, – но вы видите, что я знаю, с кем говорю.

– Я никогда не выдам вас, – отвечала она, – если вы это хотите сказать.

– Нет, – воскликнул он, – этого вы не сделаете! Но я скажу вам, что вы сделаете: вы поможете нам!

– Я не могу, – отвечала она, – нет, не могу!

– А если бы вы могли? – спросил Алан; девушка ничего не ответила. – Послушайте, милая, – продолжал Алан, – здесь есть лодки... Я видел даже две на берегу, когда проходил по окраине города. Если бы мы могли воспользоваться лодкой, чтобы под прикрытием ночи переехать в Лотиан, и нашли бы какого-нибудь молчаливого порядочного человека, чтобы он вернул эту лодку и держал язык за зубами, два человека бы-

ли бы спасены: я – по всей вероятности, он же – наверняка. Если мы не получим этой лодки, то у нас остаются только три шиллинга. И, даю вам честное слово, я не знаю, куда нам тогда идти, и что надо делать, и где найдется место для нас, кроме как на виселице! Неужели мы так и не получим лодку, голубушка? Неужели вы будете лежать в своей теплой постели и вспоминать о нас, когда ветер будет завывать в трубе, а дождь стучать по крыше? Вы будете есть свой обед у жаркого очага и думать о моем бедном, больном мальчике, кусающем себе на болоте пальцы от голода и холода? Он должен идти вперед, здоров он или болен... Хотя бы смерть держала его за горло, он все-таки должен тащиться под дождем по бесконечным дорогам, и, когда он будет испускать последний вздох на груде холодных камней, при нем не будет никого, кроме меня и бога.

Я заметил, что призыв Алана очень взволновал девушку. Ей хотелось помочь нам, и вместе с тем она боялась, что поможет преступникам. Поэтому я решил вмешаться в разговор и успокоить ее сомнения частицей правды.

– Слыхали вы когда-нибудь, – спросил я, – о мистере Ранкэйлоре из Ферри?

– Ранкэйлор, стряпчий, – отвечала она. – Разумеется!

– Ну вот, – продолжал я, – я направляюсь к нему. – Так что вы можете сами судить, злодей ли я. Я скажу вам больше: хотя действительно вследствие ужасной ошибки моя жизнь в некоторой опасности, однако у короля Георга во всей Шот-

ландии нет лучшего подданного, чем я.

Лицо девушки сразу прояснилось, но зато Алан омрачился.

– Больше мне ничего не надо, – сказала она. – Мистер Ранкэйлор – известный человек. – И она посоветовала нам, покончив с едой, уйти из поселка возможно скорее и скрыться в леске на берегу моря. – И можете довериться мне, – прибавила она, – я найду средство переправить вас.

Мы больше не стали ждать, ударили по рукам, быстро доели сосиски и снова, пошли из Лимекильнса в лесок. Это была маленькая рощица, образовавшаяся из каких-нибудь двадцати кустов бузины, и боярышника, и нескольких молодых ясеней, но достаточно густая, чтобы скрыть нас от проходящих по дороге или по берегу. Здесь мы должны были оставаться, наслаждаясь чудной, теплой погодой и надеждой на избавление и обдумывая в подробностях, что нам оставалось делать.

В течение всего дня у нас была только одна неприятность: пришел странствующий музыкант и уселся в лесу с нами. Это был пьяный оборванец с красным носом и гноящимися глазами; из кармана у него выглядывала бутылка с водкой. Он рассказал нам длинную историю своих обид, которые ему нанесли люди всех рангов, начиная от лорда-президента судебной палаты, отказавшего ему в справедливом иске, до судебных приставов в Инверкэйтинге, которые были более милостивы к нему, чем он ожидал. У него не могло не явиться-

ся подозрений насчет двух приятелей, сидевших весь день в чаще без дела. Все время, пока он находился с нами, мы чувствовали себя как на горячих углях от его назойливых вопросов. Музыкант не был похож на человека, умеющего держать язык за зубами, и после его ухода мы с большим нетерпением стали ожидать, когда сможем сами уйти отсюда.

День простоял ясный. Ночь настала тихая и светлая. В городе и поселках начали появляться огни, потом, спустя некоторое время, они гасли один за другим. Было уже больше одиннадцати, и мы давно мучились тревогой, когда наконец услышали скрип весел в уключинах. При этом звуке мы выглянули и увидели девушку, которая приближалась к нам в лодке. Она никому не доверила нашего дела, даже возлюбленному, если такой был у нее, и как только уснул ее отец, вышла украдкой из дому через окно, стащила у соседа лодку и сама явилась нам на помощь.

Я был в замешательстве, не зная, как выразить ей мою благодарность, но девушка еще более изумилась, слушая нас. Она просила не терять времени и не говорить, заметив – очень справедливо, – что главное в нашем деле – это поспешность и молчание. И, говоря таким образом, она довезла и высадила нас на берегу Лотиана, недалеко от Карридена, пожала нам руки и снова отплыла по направлению к Лимекильнсу, прежде чем мы успели произнести хоть слово благодарности за ее услугу.

Впрочем, мы ничего не могли бы сказать, так как слов бы-

ло недостаточно для такой доброты. Только Алан долгое время стоял на берегу и качал головой.

– Это славная девушка, Давид, – сказал он наконец. – Это очень славная девушка!

И час спустя, когда мы уже лежали в пещере на берегу и я начинал дремать, он снова стал превозносить ее. Со своей стороны, я не мог ничего прибавить. Я чувствовал угрызения совести и страх за это добродушное создание. Меня мучило, что мы воспользовались ее наивностью, и страшило, не подвергли ли мы ее опасности, вмешав в нашу историю.

## XXVII. Я прихожу к мистеру Ранкэйлору

На следующий день мы решили, что Алан будет один бродить где хочет до заката, но, как только наступят сумерки, он спрячется около дороги недалеко от Ньюхолльса и не шевельнется, пока не услышит моего свиста. Я сперва предложил ему просвистеть вместо сигнала «Славный Эйрльский дом», мою любимую песню. Но он ответил, что эта песня слишком общеизвестна и что ее случайно может насвистывать любой пахарь. Вместо того он научил меня отрывку гайлэндерской песни, который я до сих пор храню в памяти и, возможно, не забуду до самой смерти. Каждый раз, вспоминая эту песню, я мысленно переносусь к последнему дню наших скитаний, когда Алан, сидя в глубине пещеры и отбивая такт, насвистывал, а свет и тени играли на его лице.

Солнце еще не взошло, когда я шел уже по длинной улице Куинзферри. Это был городок с добротными каменными домами, многие из которых имели шиферные крыши. Городская ратуша, как мне показалось, была хуже, чем в Цибле, да и сама улица не так хороша, но все, вместе взятое, заставило меня стыдиться своих грязных лохмотьев.

По мере того как наступал день, зажигались очаги, отворялись окна и люди выходили из домов, мое беспокойство

и уныние усиливались. Я почувствовал теперь, что не имею под собой почвы и не могу доказать не только моих прав, но даже и установить свою личность. Если все мои ожидания окажутся иллюзией, то я действительно жестоко обманулся и очутился в печальном положении. Но если даже дело обстояло так, как я предполагал, то и тогда, по всей вероятности, понадобится немало времени, чтобы восстановить мои права. А разве я мог ждать с тремя шиллингами в кармане, да еще с Аланом на руках, которого надо было отправить отсюда? Если мои надежды рухнут, мы оба еще можем очутиться на виселице. Я продолжал ходить взад и вперед по улице, замечая, что люди искоса поглядывали на меня при встрече или, заметив меня из окна, толкали друг друга локтем, с улыбкой что-то говоря. У меня зародилось новое опасение: мне трудно будет добиться даже разговора со стряпчим и тем более убедить его в правдивости моего рассказа.

Хоть убей меня, я никак не мог набраться храбрости и обратиться с вопросом к кому-нибудь из этих почтенных граждан: мне стыдно было заговорить с ними в таких грязных отрепьях. Если бы я спросил, где находится дом мистера Ранк-эйлора, они, вероятно, расхохотались бы мне в лицо. Итак, я то ходил взад и вперед по улице, то спускался к гавани, точно собака, потерявшая хозяина. По временам меня охватывало отчаяние, и странное чувство грызло мое сердце. Наконец настал уже день. Было около девяти часов утра. Я устал от своих странствий и случайно остановился против очень



хорошего дома, обращенного красивыми, чистыми окнами к берегу. На подоконниках стояли цветы; стены были только что оштукатурены; охотничья собака зевала на ступеньках, словно давая понять, что она у себя дома. Я стоял и завидовал этому бессловесному скоту, когда дверь отворилась и из нее вышел краснощекий, добродушный господин с пронизательными глазами, в густо напудренном парике и в очках. У меня был такой несчастный вид, что никто на меня не обращал внимания; он же раза два взглянул на меня. Казалось, этот джентльмен был поражен моей жалкой внешностью и, прямо подходя ко мне, спросил, что мне здесь нужно.

Я ответил, что пришел в Куинзферри по делу, и, собравшись с духом, попросил его указать мне дом мистера Ранкэйлора.

– Это тот самый дом, из которого я только что вышел, – ответил он, – и, по довольно странной случайности, я сам мистер Ранкэйлор.

– В таком случае, сэра, – сказал я, – очень прошу вас переговорить со мной.

– Я не знаю вашего имени, – возразил он, – и даже вашего лица.

– Меня зовут Давид Бальфур, – отвечал я.

– Давид Бальфур! – повторил он, повысив голос, как бы с удивлением. – А откуда вы взялись, мистер Давид Бальфур? – спросил он, глядя мне довольно строго в глаза.

– Я побывал во многих странных местах, сэра, – сказал я, –

но думаю, что лучше будет поговорить об этом в другой обстановке.

Он, казалось, некоторое время раздумывал, поглаживая рукой губу и поглядывая то на меня, то на мостовую.

– Да, – решил мистер Ранкэйлор, – это будет, без сомнения, самое лучшее.

И он повел меня с собою в дом, крикнул кому-то, кого я не видел, что будет занят все утро, и провел меня в маленькую пыльную комнату, заваленную книгами и документами. Тут он сел, пригласил и меня сесть, хотя, казалось, с некоторым сожалением перевел взгляд с чистого стула на мои грязные лохмотья.

– А теперь, – сказал он, – если у вас есть дело, то будьте кратки и поскорей добирайтесь до сути. *Nec gemino bellum Trojanum orditur ab ovo*<sup>21</sup>, – понимаете вы это? – сказал он, пристально глядя на меня.

– Я даже поступлю так, как говорит Гораций, сэр, – отвечал я, улыбаясь, – и прямо приведу вас *in medias res*<sup>22</sup>.

Он кивнул, по-видимому довольный, так как действительно его латинская цитата была приведена, чтобы испытать меня. Несмотря на то что я чувствовал себя немного ободренным, кровь прилила мне в лицо, когда я прибавил:

– У меня есть основание думать, что я имею права на по-

---

<sup>21</sup> Цитата из «Науки поэзии» Горация, где он восхваляет Гомера за то, что тот не начинает рассказ о Троянской войне с яйца, то есть с начала.

<sup>22</sup> В середину вещей (лат.)

местье Шоос.

Он достал из ящика папку с бумагами и, открыв ее, положил перед собой.

– Дальше? – спросил он.

Но я выпустил свой заряд и теперь замолчал.

– Ну, ну, мистер Бальфур, – сказал он, – вам надо продолжать. Где вы родились?

– В Иссендине, сэр, – сказал я, – в тысяча семьсот тридцать четвертом году, двенадцатого марта.

Он, казалось, следил за моими показаниями по своей книге, но я не знал, что это значило.

– Ваш отец и мать? – спросил он.

– Моим отцом был Александр Бальфур, школьный учитель в Иссендине, – сказал я, – а мать – Грэс Питтароу... Мне кажется, она была родом из Ангуса.

– Есть у вас бумаги, удостоверяющие вашу личность? – спросил мистер Ранкэйлор.

– Нет, сэр, – сказал я, – но они на руках у мистера Кемпбелла, священника, и могут быть во всякое время представлены. Мистер Кемпбелл может удостоверить мою личность, и, кроме того, я не думаю, чтобы мой дядя вздумал отречься от меня.

– Вы имеете в виду мистера Эбenezера Бальфура? – спросил он.

– Да, его, – сказал я.

– И вы его видели? – спросил он.

– Я был принят в его собственном доме, – ответил я.

– Встречали вы когда-нибудь человека, но имени Хози-  
зен? – спросил мистер Ранкэйлор.

– Я встретил его в наказание за мои грехи, вероятно, –  
сказал я, – потому что по его приказу и стараниями моего  
дяди меня похитили близ города, увезли в море, где я чуть не  
погиб при кораблекрушении и после сотни других бедствий  
попал сюда и теперь сижу перед вами в этих отрепьях.

– Вы говорите, что потерпели кораблекрушение, – про-  
должал Ранкэйлор. – Где это случилось?

– Около южного берега острова Малл, – сказал я. – Ост-  
ров, на который я был выброшен, называется Эррейд.

– А, – сказал он, улыбаясь, – вы сильнее меня в геогра-  
фии. Должен вам сказать, что до сих пор все согласуется со  
сведениями, которые я получил раньше. Но вы говорите, что  
вас похитили. Как это понимать?

– В самом прямом смысле этого слова, сэр, – отвечал я. –  
Я направлялся к вам, когда меня заманили на бриг, ударили  
по голове, бросили в трюм, так что я смог понять, что случи-  
лось, только когда мы были уже далеко в море. Мне угрожа-  
ло попасть на рабовладельческие плантации, но по божьей  
милости я избежал этой участи.

– Бриг погиб двадцать седьмого июня, – сказал он, загля-  
дывая в книгу, – а теперь двадцать четвертое августа. Тут  
довольно большой пробел во времени, мистер Бальфур.

– Уверяю вас, сэр, – отвечал я, – что этот пробел очень

легко заполнить. Но прежде чем рассказывать, мне хотелось бы убедиться, что я говорю с другом.

– Ну, это значит попасть в заколдованный круг, – сказал стряпчий. – Я также не могу быть уверенным, пока не выслушаю вас. Я не могу быть вашим другом, пока не буду достаточно осведомлен о вашем деле.

– Вы не должны забывать, сэр, – отвечал я, – что я уже пострадал из-за своей доверчивости и был отправлен в рабство вашим же клиентом, если не ошибаюсь.

Все это время я, видимо, поднимался во мнении мистера Ранкэйлора и, таким образом, завоевывал его доверие. Но моя неожиданная реплика заставила его громко рассмеяться.

– Нет, нет, – воскликнул он, – дело обстоит не так плохо! *Fui, non sum*<sup>23</sup>. Я действительно был поверенным вашего дяди, но пока вы болтались на Западе, много воды утекло. И если у вас не звенело в ушах, то не от недостатка разговоров о вас. В самый день кораблекрушения мистер Кемпбелл пришел в мою контору и потребовал, чтобы вас во что бы то ни стало разыскали. Я никогда не слышал о вашем существовании, но знал вашего отца, и на основании некоторых данных – о них я поговорю после – я был склонен бояться самого дурного. Мистер Эбенезер, не отрицая, что видел вас, объявил – это показалось мне невероятным, – что дал вам значительную сумму и вы уехали в Европу с намерением за-

---

<sup>23</sup> Был, но не есть (лат.)

кончить свое образование. Это казалось и вероятным и похвальным. На вопрос, как это случилось, что вы ни словом не известили мистера Кемпбелла, он заявил, будто бы вы выразили горячее желание порвать со своей прошлой жизнью. На дальнейший вопрос, где вы находитесь, он отвечал, что не знает наверное, но думает, что в Лейдене. Вот и все его ответы. Я не думаю, чтобы кто-либо поверил ему, – продолжал мистер Ранкэйлор улыбаясь. – В особенности ему не понравились некоторые мои вопросы, и он, попросту говоря, выставил меня за дверь. Мы были тогда в большом затруднении. Несмотря на все наши подозрения, у нас не было никаких доказательств. В это же время явился капитан Хозизен и рассказал, что вы утонули. Тут выяснилось, что ваш дядя лгал, но без других результатов, кроме беспокойства для мистера Кемпбелла, убытка для моего кармана и еще одного пятна на репутации мистера Бальфура, которая и без того уже запятнана. А теперь, мистер Давид, – прибавил он, – вы знаете весь ход дела и можете судить, насколько я достоин доверия.

На самом деле рассказ его был более педантичен, чем он звучит в моей передаче, и уснащен большим количеством латинских цитат. Но его юмор и сочувствие ко мне, сквозившие в его взгляде и во всех его манерах, почти рассеяли мое недоверие. К тому же по его обхождению со мной я понял, что он уже больше не сомневается в том, кто я такой. Итак, первое: моя личность была установлена.

– Сэр, – сказал я, – рассказывая вам свои приключения, я должен предать в ваши руки жизнь своего друга и поэтому рассчитываю на вашу скромность. Дайте мне слово, что жизнь его будет для вас священна. Что же касается моей безопасности, то лучшей гарантией мне служит выражение вашего лица.

После этого я рассказал ему свои похождения с самого начала, а он слушал, сдвинув очки на лоб и закрыв глаза, так что я иногда боялся, не спит ли он. Но нет, я потом убедился, что он слышал каждое слово. Вообще тонкость его уха и редкая память часто удивляли меня. Он запоминал даже странные, незнакомые гэльские имена и повторил мне их спустя много лет, хотя слышал их один-единственный раз в своей жизни. Когда я назвал Алана Брека, произошла смешная сцена. Имя Алана, разумеется, гремело по всей Шотландии, так же как известие об аппинском убийстве и о награде, предложенной за голову убийцы. Не успело это имя сорваться с моего языка, как стряпчий шевельнулся и открыл глаза.

– На вашем месте я не стал бы называть ненужных имен, мистер Бальфур, – сказал он, – в особенности имен гайлэндеров, многие из которых виновны перед законом.

– Весьма возможно, что это было бы лучше, – возразил я, – но, раз оно уж вырвалось у меня, остается только пожалеть и продолжать дальше.

– Вовсе нет, – отвечал мистер Ранкэйлор. – Вы, вероятно, заметили, что я туюват на ухо и потому не совсем разобрал

это имя. Если позволите, мы будем называть вашего друга Томсоном, – тогда не будет недоразумений. А впредь я бы на вашем месте поступил так со всеми гайлэндерами, о которых вам придется упоминать, живы они или мертвы.

Тут я понял, что он прекрасно слышал имя и догадался, что я могу дойти в своем рассказе до убийства. Если ему нравилось притворяться, меня это не касалось. Я улыбнулся и согласился, заметив, впрочем, что это совсем не гайлэндское имя. Во всем остальном рассказе Алан назывался мистером Томсоном, – это меня тем более сместило, что хитрость была в его же духе.

Далее Джемс Стюарт был представлен под именем родственника Томсона. Колин Кемпбелл получил имя мистера Глэна, а когда речь зашла о Ключни, я назвал его мистером Джемсоном, гайлэндским предводителем. Это был самый откровенный фарс, и я удивлялся, почему у стряпчего была охота разыгрывать. Впрочем, это было в духе времени, когда в государстве существовали две партии и люди, стоявшие вне этих партий, всячески старались не задевать ни ту, ни другую.

– Ого, – сказал стряпчий, когда я кончил, – да это целая эпическая поэма, целая «Одиссея». Вам следует передать ее на латинском языке, когда знания ваши будут пополнены, или, если вы предпочтете, на английском, хотя я лично выбрал бы латинский, как более выразительный язык. Вы много путешествовали. Какой только приход в Шотлан-



дии не видел вас? Кроме того, вы выказали странную способность вечно попадать в ложное положение и в то же время, в общем, вести себя достойным образом. Мистер Томсон мне представляется джентльменом, обладающим некоторыми прекрасными качествами, хотя он, пожалуй, находит слишком большое удовольствие в кровопролитии. Однако, несмотря на его достоинства, мне было бы приятнее, если б он просолился в Северном море, так как такой человек, мистер Бальфур, может причинить большие затруднения. Но вы, разумеется, поступите справедливо, оставаясь верным ему: он в свое время был верен вам. It comes – можно сказать – он был вам верным товарищем, не менее *paribus curis vestigia figit*, потому что иначе вы должны были бы оба болтаться на виселице. Ну, к счастью, эти дни миновали, и я думаю, рассуждая по-человечески, что близится конец ваших бедствий.

Рассуждая так о моих приключениях, он глядел на меня глазами, светившимися юмором и добротой, и я едва мог скрыть свое удовольствие. Я так долго скитался среди людей вне закона и спал в горах под открытым небом, что мне казалось большим достижением снова сидеть в чистом доме под крышей и дружески беседовать с прилично одетым господином. Раздумывая таким образом, я нечаянно взглянул на мои лохмотья, и мне опять стало стыдно. Стряпчий заметил это и понял меня. Он встал, крикнул наверх, чтобы поставили еще один прибор, так как мистер Бальфур останет-

ся обедать, и повел меня в спальню на верхнем этаже. Здесь он предложил мне воды, мыло и гребенку, дал мне одежду, принадлежащую его сыну, и с соответствующими наставлениями оставил меня за туалетом.

## XXVIII. В поисках наследства

Я как мог привел себя в порядок и, заглянув в зеркало, с радостью увидел, что нищего уже нет, а Давид Бальфур снова воскрес. Но все-таки я как-то стыдился этой перемены и более всего – чужого платья. Когда я был готов, мистер Ранкэйлор встретил меня на лестнице, поздравил и опять повел в кабинет.

– Садитесь, мистер Давид, – сказал он. – И теперь, когда вы стали более похожи на самого себя, я посмотрю, не могу ли я сообщить вам что-нибудь новое. Вас, вероятно, удивляли отношения, сложившиеся между вашим отцом и дядей. Это действительно странная история, которую я с трудом могу объяснить вам. Потому что, – прибавил он с явным смущением, – всему делу причиной была любовь.

– По правде говоря, – заметил я, – понятие о таком чувстве плохо вяжется у меня с представлением о дяде.

– Но ваш дядя, мистер Давид, был когда-то молод, – возразил стряпчий, – и, что, вероятно, еще больше удивит вас, он был красив и изящен. Люди выглядывали из дверей, чтобы посмотреть на него, когда он проезжал мимо них на своем горячем коне. Я сам наблюдал это, и, признаюсь откровенно, не без зависти, потому что я был от роду некрасивым малым, а в те времена это было важно.

– Мне кажется, что это какой-то сон, – заметил я.

– Да, да, – ответил стряпчий, – так всегда бывает между молодым и старом поколением. Но это не все: ваш дядя был умен и многое обещал в будущем. В тысяча семьсот пятнадцатом году он вздумал отправиться на помощь мятежникам, но ваш отец последовал за ним, нашел его в канаве и привез обратно на потеху всего графства. И вот оба юноши влюбились в одну леди. Мистер Эбенезер, которым все восторгались, которого любили и баловали, был совершенно уверен в своей победе, а когда увидел, что ошибся, то совсем потерял рассудок. Вся округа знала об этом: он то лежал больной дома среди рыдавших родных, склонившихся над его постелью, то ездил с одного постоянного двора на другой, рассказывая о своем несчастье Тому, Дику и Гарри. Ваш отец, мистер Давид, был добрый джентльмен, но очень, очень слабохарактерный. Он потакал глупости своего брата и, наконец, с вашего позволения, решил отказаться от леди. Но она была не глупа – вы, верно, от нее унаследовали здравый смысл – и не согласилась выйти за другого. Оба на коленях ползали перед ней, и наконец она обоим указала на дверь. Это произошло в августе... Боже мой, я в тот год вернулся из колледжа! Сцена, должно быть, была чрезвычайно смешная.

Я сам подумал, что это была глупая история, но не мог забыть, что в ней участвовал мой отец.

– Вероятно, сэр, в этой истории была и трагическая сторона, – сказал я.

– Нет, сэр, ее вовсе не было, – отвечал нотариус. – В тра-

гедии предполагается какая-нибудь веская причина для спора, какое-нибудь *dignus vindice podus*, а в этой пьесе завязкой служила блажь молодого избалованного болвана, которого следовало покрепче связать и выпороть ремнем. Но не так думал ваш отец. И дело кончилось тем, что после бесконечных уступок с его стороны и самых разнообразных сентиментальных и эгоистических выходов вашего дяди они заключили нечто вроде сделки, от последствий которой вам пришлось недавно пострадать. Один из братьев взял леди, а другой – поместье. Это донкихотство вашего отца, несправедливое само по себе, повлекло за собой длинный ряд несправедливостей. Ваш отец и мать жили и умерли бедными, вас воспитали в бедности, и в то же время какие тяжелые годы переживали арендаторы Шооса! И что пережил сам мистер Эбенезер, мог бы я прибавить, если бы это меня интересовало!

– Во всем этом самое странное то, – сказал я, – что характер человека мог так измениться.

– Верно, – сказал мистер Ранкэйлор. – Но мне это кажется довольно естественным. Не мог же он не понять, что сыграл в этом деле некрасивую роль. Люди, знавшие эту историю, отвернулись от него.

– Хорошо, сэр, – сказал я, – но какое же мое положение во всем этом?

– Поместье несомненно принадлежит вам, – отвечал стряпчий. – Что бы ни подписал ваш отец, оно по закону

должно перейти к вам. Но ваш дядя будет защищаться до последней возможности. Процесс всегда дорого стоит, а семейный процесс еще и позорен. Мой совет – не требовать слишком многого от вашего дяди, пожалуй, даже оставить его в Шоосе, а удовольствоваться пока хорошей ежегодной рентой.

Я сказал ему, что согласен на уступки и что мне, разумеется, было бы неприятно выставлять семейные дела на суд публики. В то же время в мыслях моих уже начал в общих чертах составляться план, который мы впоследствии привели в исполнение.

– Так что самое главное, – спросил я, – это уличить моего дядю в том, что он виноват в похищении меня?

– Разумеется, – отвечал мистер Ранкэйлор. – Но, по возможности, помимо суда. Поймите, мистер Давид, мы, без сомнения, могли бы найти несколько матросов с «Конвента», которые подтвердили бы ваше похищение, но если они будут вызваны свидетелями, мы не сможем остановить их показаний, и наверное они упомянут имя мистера Томсоиа. А это, как я заключаю из ваших слов, нежелательно.

– Вот, сэр, как я думаю поступить, – сказал я и открыл ему свой план.

– Но из этого следует, что мне придется встретиться с этим Томсоном? – спросил он, когда я кончил.

– Да, сэр, я так думаю, – сказал я.

– Вот так штука! – воскликнул он, потирая лоб. – Вот тебе

и раз! Нет, мистер Давид, мне кажется, что план ваш неприемлем. Я ничего не имею против вашего друга мистера Томсона, я ничего не знаю о нем дурного: если бы я знал – обратите на это внимание, мистер Давид! – моей обязанностью было бы задержать его. Но рассудите сами: благоразумно ли нам встречаться? Он, может быть, виновен в каком-нибудь преступлении. Он, возможно, не все вам рассказал о себе. Его, может быть, и зовут не Томсон, а иначе! – воскликнул поверенный, подмигивая. – Ведь эти молодцы подбирают себе имена по дороге, как ягоды боярышника.

– Я предоставляю вам решать самому, сэр, – сказал я.

Однако было ясно, что мой план произвел на него впечатление, так как он продолжал размышлять, пока нас не позволили обедать в обществе миссис Ранкэйлор. И не успела она оставить нас одних за бутылкой вина, как стряпчий вернулся к моему предложению. Когда и где я должен встретиться с моим другом мистером Томсоном? Уверен ли я в его скромности? Предположим, что мы поймаем врасплох старую лисицу, – соглашусь ли я на те или другие условия? Подобные вопросы он задавал мне через большие промежутки времени, задумчиво потягивая вино. Когда мои ответы, очевидно, удовлетворили его, он еще больше задумался, позабыв даже о кларете. Затем он достал лист бумаги и карандаш и стал что-то писать, взвешивая каждое слово. Наконец он позвонил, и в комнату вошел клер.

– Торрэнс, – сказал он, – это должно быть переписано на-

бело до вечера. А когда все будет сделано, то будьте так любезны приготовиться пойти с этим джентльменом и со мной, так как вы, вероятно, понадобится нам в качестве свидетеля.

– Сэр, – воскликнул я, как только клерк ушел, – так вы решились?

– Вы сами видите, – сказал он, наливая вино в стакан. – Но не будем больше говорить о делах. Вид Торрэнса напомнил мне о смешном случае, который произошел несколько лет назад. У меня было назначено с ним свидание у Эдинбургского перекрестка. Каждый пошел по своим делам, а когда пробило четыре часа, Торрэнс, выпив лишнее, не узнал своего начальника, а я, забыв очки дома, видел без них так плохо, что, даю вам слово, не был в состоянии узнать своего клерка. – Тут Ранкэйлор от души рассмеялся.

Я сказал, что это действительно странный случай, и из вежливости улыбнулся. Но меня весь день удивляло, почему он беспрестанно возвращается к этой истории, рассказывая ее все с новыми подробностями и заливаясь смехом, так что я наконец пришел в замешательство от такого поведения моего нового друга.

Приблизительно в назначенное мною Алану время я под руку с мистером Ранкэйлором вышел из дома, а за нами следовал Торрэнс с документами в кармане и закрытой корзинкой в руках. Пока мы шли по городу, стряпчему приходилось раскланиваться направо и налево и постоянно останав-



ливаться с людьми, просившими у него совета по общественным и частным вопросам. При этом я мог заметить, что он пользовался большим уважением в городе. Мы пошли вдоль гавани по направлению к гостинице «В боярышнике» и к молу у парома, бывшими свидетелями моего несчастья. Я не мог без волнения глядеть на эти места, вспоминая, что многих из бывших тогда со мною людей уже не было в живых.

Я думал об этом, как вдруг мистер Ранкэйлор вскрикнул, ударив рукой по карману, и засмеялся.

– Ну, – воскликнул он, – не забавно ли это! После всего, что я говорил, я все-таки забыл очки!

Тут я, разумеется, понял, к чему клонился его рассказ, и сообразил, что он нарочно оставил очки дома, чтобы, приняв помощь Алана, в то же время не видеть его и не попасть таким образом в неловкое положение. Действительно, это было хорошо придумано: если бы теперь дело и приняло дурной оборот, то как мог мистер Ранкэйлор удостоверить личность моего друга и дать показания против него? А все-таки он что-то слишком долго не замечал, что забыл дома очки. Все время, пока мы шли по городу, он раскланивался и разговаривал с таким большим количеством людей, что мог возбудить сомнение, так ли слабы его глаза.

Как только мы миновали гостиницу – я на пороге увидел хозяина с трубкой в зубах и удивился, что он не состарился, – мистер Ранкэйлор изменил порядок шествия и пошел сзади с Торэнсом, а меня послал вперед разведчиком. Я взошел

на холм, насвистывая время от времени свой гэльский мотив. Наконец я с радостью услышал ответный свист, и Алан поднялся из-за куста. Он немного упал духом, проведя весь день в одиночестве, скрываясь и плохо закусив в пивной около Дундаса. Но при взгляде на мою одежду лицо его просияло, а когда я рассказал ему, как подвинулись наши дела, и объяснил ему, какую роль он должен сыграть, Алан совсем воспрянул духом.

– Это блестящая мысль, – сказал он, – и, уверяю вас, для исполнения ее вы не могли бы найти лучшего человека, чем Алан Брек. Такую штуку, заметьте, не всякий сумеет сделать: она требует человека сообразительного. Но мне думается, что ваш поверенный хотел бы скорее видеть меня, – сказал Алан.

Я стал звать мистера Ранкэйлора и махать ему рукой. Он подошел, и я представил его моему другу мистеру Томсону.

– Я очень рад встретиться с вами, мистер Томсон, – сказал стряпчий. – Но я забыл свои очки, и наш друг мистер Давид, – он хлопнул меня по плечу, – скажет вам, что без них я почти слеп, так что не удивляйтесь, если завтра я пройду мимо, не узнав вас.

Он сказал это, думая успокоить Алана. Но гордость последнего возмущалась даже от такого пустяка.

– Сэр, – сухо отвечал он, – мне кажется, это не имеет значения, так как мы встретились для определенной цели – добиться справедливости по отношению к мистеру Бальфуру

– и, помимо этого, вряд ли имеем что-нибудь общее. Но я принимаю ваши извинения: вы принесли их очень кстати.

– Я не смею надеяться на большее, мистер Томсои, – искренне сказал Ранкэйлор. – Мы с вами главные действующие лица в этом деле, и нам следует прийти к соглашению, а потому позвольте взять вас под руку, так как оттого, что темно и я забыл очки, плохо вижу тропинку. Вы же, мистер Давид, найдете в Торрэнсе очень интересного собеседника. Только помните, что ему совсем не для чего знать ваши приключения, а также приключения... гм... мистера Томсона.

На этом основании оба они пошли вперед, доверительно разговаривая друг с другом, а Торрэнс и я образовали арьергард.

Когда мы подошли к Шоос-гаузу, наступила ночь. В пятидесяти ярдах от дома мы шепотом еще раз посоветовались; затем поверенный, Торрэнс и я тихонько двинулись вперед и притаились за углом дома. Как только мы стали по местам, Алан, не скрываясь, подошел к дому и начал стучать.

## XXIX. Я вступаю в свои владения

Алан некоторое время тщетно стучал в дверь: удары его только будили эхо в доме и окрестностях. Наконец я услышал стук осторожно отворяемого окна и понял, что дядя на своем наблюдательном пункте. При недостаточном ночном освещении он мог видеть только фигуру Алана, вырисовывавшуюся темным силуэтом на ступеньках; трое же свидетелей были совершенно скрыты от него, так что честному человеку в собственном доме нечего было бы тревожиться. Несмотря на это, он долгое время молча смотрел на посетителя, и когда заговорил, то в голосе его слышался страх.

– Что это? – спросил он. – Ночь – не время для порядочных людей, а с ночными птицами у меня нет дел. Что вас привело сюда? У меня есть мушкетон.

– Это вы, мистер Бальфур? – отвечал Алан, отступая и глядя в темноту. – Обращайтесь поосторожнее с мушкетоном: будет скверно, если он выстрелит.

– Что вас привело сюда? И кто вы такой? – злобно спросил мой дядя.

– Я не намерен сообщать свое имя всей округе, – сказал Алан. – А что меня сюда привело – это дело другое и касается вас более, чем меня. И, если вы желаете слушать, я положу это дело на музыку и пропою его вам.

– А что это такое? – спросил дядя.

– Давид, – отвечал Алан.

– Что? – воскликнул дядя явно изменившимся голосом.

– Сказать вам его фамилию? – спросил Алан. Последовала пауза. Затем дядя с сомнением в голосе прибавил:

– Мне кажется, лучше будет впустить вас в дом.

– Безусловно, – сказал Алан, – но вопрос в том, пойду ли я. Вот что я вам скажу. Мне кажется, что нам лучше обсудить это дело здесь, на пороге, или нигде. Предупреждаю вас: я так же упрям, как и вы, и притом я джентльмен более высокого происхождения.

Эта перемена тона смутила Эбеиезера. Подумав некоторое время, он сказал:

– Хорошо, хорошо, что надо, то надо, – и затворил окно.

Он очень долго спускался по лестнице и еще дольше открывал запоры, вероятно раскаиваясь в своем решении на каждой ступени и перед каждым болтом и засовом. Наконец мы услышали скрип дверных петель, и дядя мой осторожно вышел. Увидев, что Алан отступил на один или на два шага, он сел на верхней ступеньке, держа наготове мушкетон.

– А теперь, – заявил он, – помните, что у меня в руках мушкетон и что если вы приблизитесь на шаг, то будете убиты.

– Это очень вежливо сказано, – заметил Алан.

– Ну, – отвечал дядя, – ваше поведение не обещает ничего хорошего, и я должен быть наготове. А теперь мы понимаем друг друга, и вы можете рассказать о своем деле.

– Если вы такой догадливый человек, – сказал Алан, – то, без сомнения, заметили, что я гайлэндский джентльмен. Имя мое к делу не идет, но страна моих родственников находится недалеко от острова Малл, о котором вы, вероятно, слышали. В тех местах погибло судно, и когда на следующий день мой родственник искал вдоль берега деревянные обломки корабля, то наткнулся на полуживого юношу. Он привел его в чувство, а затем вместе с другими джентльменами отвел в старый, полуразрушенный замок, где с тех пор и содержится его. Мои родственники – народ довольно дикий и не такой щепетильный насчет закона, как некоторые известные мне люди. Узнав, что юноша благородного происхождения и приходится вам родным племянником, мистер Бальфур, они попросили меня зайти к вам и переговорить с вами об этом. И, предупреждаю вас, если мы не сойдемся, вы его вряд ли опять увидите, так как мои родственники, – наивно прибавил Алан, – очень бедные люди. Дядя прокашлялся.

– Для меня это довольно безразлично, – ответил он. – Я всегда был недоволен им, и я не считаю своим долгом вмешиваться в эту историю.

– Ну, ну, – сказал Алаи, – я вижу, чего вы добиваетесь: вы притворяетесь, будто он вам безразличен, для того чтобы мы назначили за него меньший выкуп.

– Нет, – ответил дядя, – я говорю чистую правду. Меня совсем не интересует этот мальчишка. Я не стану платить никакого выкупа, и вы можете делать с ним все, что угодно, –

мне все равно.

– Нет, сэр, – сказал Алан. – Ведь кровь не вода, черт возьми! Вы из одного стыда не покинете сына своего брата. Если вы это сделаете и это станет известным, вы, думается мне, будете не очень-то любимы в вашей стране.

– Я и так не особенно любим, – отвечал Эбенезер. – И, кроме того, я не понимаю, как это может стать известным. Я рассказывать не буду, вы и ваши родственники – тем более. Это праздная болтовня, мой милый.

– Тогда Давид сам расскажет, – сказал Алан.

– Каким образом? – резко спросил дядя.

– Очень просто, – сказал Алан. – Мои друзья держали вашего племянника у себя, пока была надежда получить за него деньги, но, потеряв ее, они, без сомнения, отпустят его на все четыре стороны, будь он проклят!

– О, мне это тоже безразлично! – отвечал дядя. – Меня это не особенно огорчит.

– А я думал иначе, – сказал Алан.

– Почему? – спросил Эбенезер.

– Ну, мистер Бальфур, – отвечал Алан, – у каждого дела могут быть только две стороны: или вы любите Давида и заплатите, чтобы освободить его, или у вас есть причины не желать его возвращения, и тогда вы заплатите, чтобы мы оставили его у себя. Очевидно, вы не желаете первого. Значит, вам желательно второе. Очень рад. И я, и друзья мои получим за это славные денежки.

– Я не понимаю вас, – сказал дядя.

– Не понимаете? – спросил Алан. – Так слушайте: вы не хотите, чтобы мальчишка возвращался. Что с ним надо сделать и сколько вы за это заплатите?

Дядя не отвечал и беспокойно ерзал по ступеньке.

– Слушайте, сэр! – закричал Алан. – Помните, что я джентльмен. Я ношу королевское имя и не такой человек, чтобы уйти с пустыми руками. Или вы дадите мне ответ вежливо и незамедлительно, или же, клянусь вершиной Глэнко, я проткну вам брюхо своей шпагой!

– Эй, любезный, – воскликнул дядя, вскочив на ноги, – подождите минутку! Что с вами? Я обыкновенный человек, а не учитель танцев и стараюсь быть вежливым, насколько это возможно. А ваши дикие слова позорят вас: «Проткну брюхо!» Как бы не так! А чего же я буду ждать со своим мушкетеном? – проворчал он.

– Порох и ваши старые руки перед блестящей шпагой в моих руках то же, что улитка в сравнении с ласточкой, – сказал Алан. – Прежде чем ваш трепещущий палец найдет курок, эфес моей шпаги будет торчать в вашей груди.

– Эй, любезный, да разве я спорю? – возразил дядя. – Говорите что хотите, поступайте по-своему – я не буду перечить. Скажите только, что вам надо, и увидите, что мы отлично поладим.

– Верно, сэр, – сказал Алан, – я требую одной откровенности. Короче говоря: хотите вы, чтобы парня убили или чтобы



мои родственники продолжали его содержать?

– Боже мой, – воскликнул Эбенезер, – разве можно так выражаться!

– Убить или сберечь? – повторил Алан.

– О, сберечь, сберечь! Без кровопролития, прошу вас.

– Как хотите, – сказал Алан, – но это будет дороже. Содержать его затруднительно – это щекотливое дело...

– Я все-таки хочу, чтобы его содержали, – отвечал мой дядя. – Я никогда не поступал безнравственно и не начну поступать так теперь для удовольствия дикого гайлэндера.

– Вы слишком щепетильны, – насмешливо произнес Алан.

– Я человек принципа, – просто сказал Эбенезер, – и, если за это надо платить, я заплачу. Вы забываете, кроме того, что мальчик сын моего брата.

– Хорошо, – сказал Алан, – теперь уговоримся о цене. Мне нелегко назначить ее, и сперва хотелось бы узнать некоторые подробности. Мне нужно знать, например, сколько вы заплатили Хозизену, когда в первый раз сбывали юношу с рук.

– Хозизену? – закричал дядя, застигнутый врасплох. – За что?

– За похищение Давида, – сказал Алан.

– Это ложь! – воскликнул дядя. – Его никогда не похищали. Тот, кто сказал это вам, солгал. Похищен! Он никогда не был похищен.

– Если он этого избежал, то не по моей вине да и не по

вашей, – сказал Алан, – а также и не по вине Хозизена, если только ему можно верить.

– Что вы хотите сказать? – воскликнул Эбенезер. – Разве Хозизен рассказывал вам что-нибудь?

– Ах вы старый негодяй, да как же я мог бы иначе это знать! – воскликнул Алан. – Мы с Хозизеном компаньоны, мы делим прибыль. Теперь вы сами видите, как вам может помочь ваша ложь. И, должен вам откровенно признаться, вы сделали большую глупость, посвятив его в ваши личные дела. Но теперь поздно жалеть: что посеешь, то и пожнешь. Вопрос вот в чем: сколько вы заплатили ему?

– Разве он не говорил вам? – спросил мой дядя.

– Это мое дело, – отвечал Алан.

– Хорошо, – сказал дядя, – мне все равно: чтобы он ни говорил, он все равно лгал. Я скажу вам чистую правду: я дал ему двадцать фунтов. И, чтобы быть совершенно честным, прибавлю: сверх того он должен был получить деньги за продажу мальчика в Каролине, так что, в сущности, вышло бы немного больше, но, как видите, не из моего кармана.

– Благодарю вас, мистер Томсон. Этого вполне достаточно, – сказал стряпчий, выступая вперед. Затем учтиво продолжал: – Добрый вечер, мистер Бальфур.

– Добрый вечер, дядя Эбенезер, – сказал я.

– Славная сегодня ночка, мистер Бальфур, – прибавил Торрэнс.

Мой дядя не отвечал ни слова, продолжая сидеть на сту-

пеньке, точно окаменев.

Алан тихонько вынул из его рук мушкетон, а стряпчий, взяв его под руку, стащил со ступеньки, повел в кухню и усадил на стул у очага, где огонь был потушен и горел один только ночник. Мы все последовали за ним.

Мы глядели на дядю, чрезвычайно радуясь своей удаче, но не без некоторой жалости к пристыженному старику.

– Ну, ну, мистер Эбенезер, – сказал стряпчий, – не падайте духом: я обещаю вам, что мы удовольствуемся немногим. А пока дайте нам ключ от погреба. Торрэнс принесет нам старого вина, которое мы разопьем по поводу этого события. – Затем, обратившись ко мне и взяв меня за руку, сказал: – Мистер Давид, желаю вам всего хорошего в вашем новом положении, которое, я уверен, вы вполне заслужили. – Потом он шутливо обратился к Алану: – Поздравляю вас, мистер Томсон, вы очень искусно вели дело, но одного только я не мог понять: как вас, собственно, зовут? Яков или Карл? Или, может быть, Георг?

– Отчего вы думаете, что меня зовут одним из этих трех имен, сэр? – спросил Алан, выпрямляясь и точно предчувствуя оскорбление.

– Оттого, что вы упоминали о своем королевском имени, сэр, – отвечал Ранкэйлор, – а так как никогда еще не существовало короля Томсона – я, по крайней мере, никогда не слышал о таком, – я подумал, что вы говорите об имени, данном вам при крещении.

Это было одним из тех ударов, к которым Алан был наиболее чувствителен, и, надо признаться, он с трудом перенес его. Не ответив ни слова, он отошел в дальний угол кухни и, надувшись, сел там. Только когда я подошел к нему, подал ему руку и поблагодарил его по справедливости, как главного виновника моего успеха, он слегка улыбнулся и наконец решился присоединиться к нашему обществу.

К этому времени мы развели огонь и откупорили бутылку вина; из корзины появился хороший ужин, за который сели Алан, Торрэнс и я, тогда как стряпчий и дядя пошли совещаться в соседнюю комнату.

Посидев там около часа, они наконец пришли к соглашению, после чего мой дядя и я по всей форме скрепили своими подписями договор. По условиям договора, мой дядя обязывался вознаградить Ранкэйлора за его вмешательство и выплачивать мне ежегодно две трети чистого дохода от поместья Шоос.

Итак, нищий странник из баллады вернулся домой. Лежа в ту ночь на кухонных сундуках, я сознавал себя состоятельным человеком, имеющим положение в своей стране. Алан, Ранкэйлор и Торрэнс храпели на своих жестких постелях. На меня же, прошедшего столько дней и ночей под открытым небом, в грязи, на камнях, голодным, в постоянном страхе за свою жизнь, эта счастливая перемена подействовала сильнее, чем прежние невзгоды.

Я не спал до рассвета, глядя на отражение пламени на по-

толке и строя планы на будущее.

## XXX. Прощание

Хотя лично я причалил к тихой пристани, но у меня на руках оставался Алан, которому я был стольким обязан. Кроме того, у меня на душе тяжким бременем лежало дело об убийстве Колина Кемпбелла и тюремное заключение Джемса Глэнского.

Назавтра, около шести часов утра, гуляя с Ранкэйлором перед Шоос-гаузом, вокруг которого расстилались поля и леса моих предков, теперь принадлежавшие мне, я открыл ему свою душу. И, несмотря на серьезную чеху нашего разговора, мой взгляд радостно скользил по окружающему и сердце мое прыгало от гордости.

Стряпчий вполне согласился со мной: пока дело касалось моих обязанностей к Алану, я должен был помочь ему выбраться отсюда, несмотря ни на какой риск. Но что касается Джемса, он был совершенно другого мнения.

– Мистер Томсон – одно, а родственник мистера Томсона – совсем другое, – сказал он. – Я мало знаком с фактами, но заключаю, что одно знатное лицо, назовем его Г. А., здесь замешано и даже, как думают, относится к этому человеку враждебно. Г. А.<sup>24</sup>, без сомнения, благородный джентльмен, но *timeo qui posuerit deos*. Если вы хотите помешать его мще-

---

<sup>24</sup> Г. А. – Герцог Арджайльский.

нию, то помните, что есть лишь одна возможность не допустить ваших свидетельских показаний: посадить вас на скамью подсудимых. Тогда вы оказались бы в том же положении, что и родственник мистера Томсона. Вы скажете, что вы невинны, но ведь и он невиновен. А быть судимым гайлэндскими присяжными, по гайлэндской распре и под председательством гайлэндского судьи – прямая дорога на виселицу.

Эти рассуждения приходили и мне в голову, и я не находил на них возражения. Но я все-таки спросил наивно:

– В таком случае, сэ,р, мне остается только быть повешенным, не правда ли?

– Мой милый мальчик, – воскликнул он, – идите с богом и поступайте, как считаете честным! В мои лета не следовало бы советовать вам выбирать безопасное, но позорное, и я, прошу прощения, беру назад свои слова. Ступайте и выполняйте свой долг, и если вас присудят к виселице, идите на виселицу, как джентльмен. На свете есть вещи похуже виселицы.

– Таких немного, сэ,р, – сказал я улыбаясь.

– Ну нет, сэ,р, – воскликнул он, – очень много! И, чтобы не идти далеко за примером, для вашего дяди было бы теперь лучше, если бы он прилично болтался на виселице.

С этими словами он вернулся в дом – все еще в прекрасном расположении духа, так как, очевидно, остался доволен мной, – и написал два письма, вслух комментируя их.

– Это письмо, – сказал он, – к моим банкирам – Британ-

скому льнопрядильному обществу, открывающему кредит на ваше имя. Посоветуйтесь с мистером Томсоном: он, вероятно, знает, что надо делать, а вы при помощи этого кредита доставите ему средства к существованию. Я надеюсь, что вы сумеете беречь деньги, но в деле мистера Томсона можно быть даже расточительным. Относительно его родственника лучше всего направиться к лорду-адвокату, рассказать ему все и предложить свои свидетельские показания. Примет ли он их, или нет, или обратит их против Г. А. – это уже другое дело. Чтобы достать вам хорошую рекомендацию к лорду-адвокату, я написал письмо вашему однофамильцу, ученому мистеру Бальфуру Пильригскому, которого я очень уважаю. Лучше, если вас представит человек, носящий одну с вами фамилию, а лэрд Пильригский пользуется большим уважением у властей и находится в хороших отношениях с лордом-адвокатом<sup>25</sup> Грантом. На вашем месте я не стал бы обременять его подробностями, и, знаете ли, считаю, что совершенно лишнее упоминать о мистере Томсоне. Старайтесь подражать лорду – это хороший пример. Будьте осторожны с адвокатом, и да поможет вам бог, мистер Давид!

Вслед за тем он простился со мной и вместе с Торрэнсом отправился к Куинзферри, тогда как Алан и я пошли по направлению к Эдинбургу. Проходя по тропинке мимо столбов у ворот и недостроенного домика привратника, мы огля-

---

<sup>25</sup> Лорд-адвокат – представитель судебной власти в Шотландии, главный общественный обвинитель.



нулись на дом моих предков. Громадный, обнаженный, без единой струйки дыма, он казался необитаемым, только в одном из верхних окон виднелась верхушка ночного колпака, который раскачивался вверх и вниз, вперед и назад, точно голова кролика в норе. Я не услышал слова приветствия, когда явился сюда, и не видел ласки, когда был здесь, но зато за мной наблюдали при моем уходе отсюда.

Мы шли медленно, не чувствуя ни малейшего желания ни идти, ни говорить. Оба мы думали о близкой разлуке и с грустью вспоминали минувшие дни. Впрочем, мы говорили о том, что надо было сделать: было решено, что Алан будет скрываться где-нибудь поблизости, но один раз в день приходить в определенное место, где я смогу общаться с ним лично или через посланного. А я должен был отыскать адвоката из аппинских Стюартов, которому, следовательно, можно довериться: на его обязанности будет найти судно и обеспечить Алану безопасный отъезд из Шотландии. Покончив с делом, мы снова замолкли. Я пробовал было шутить с Аланом, называя его мистером Томсоном, а он дразнил меня новым платьем и поместьем, но было ясно, что нам хочется скорее плакать, чем смеяться.

По тропинке, пересекавшей холм Корсторфайн, мы дошли до места, носившего название «Отдых». Взглянув на корсторфайнское болото, затем на город и на замок на горе, мы оба остановились, так как поняли без слов, что здесь наши пути расходятся. Алан повторил мне еще раз адрес адво-

ката, затем час, когда я смогу найти его самого и сигналы, с помощью которых можно будет отыскать его. Я отдал ему все, что имел – гинейю или две, взятые у Ранкэйлора, – чтобы он пока не голодал. Мы постояли, молча глядя на Эдинбург.

– Что же, прощай, – сказал Алан, протягивая мне руку.

– Прощайте, – сказал я, быстро пожав ее, и спустился с холма.

Мы ни разу не взглянули друг другу в лицо. Пока Алан был еще в виду, я даже не оглянулся на него, но зато дальше, идя по дороге в город, почувствовал себя таким потерянным и одиноким, что готов был сесть у дороги и заплакать, как ребенок.

Около полудня я, миновав Весткирку и Грассмаркет, вошел в город. Огромная высота домов, достигавших десяти и пятнадцати этажей, узкие сводчатые входы, непрерывно извергавшие народ, товары, выставленные в окнах, шум и суета, дурной воздух, нарядные одежды и масса других впечатлений ошеломили меня, и я машинально отдался на волю толпы, которая понесла меня из стороны в сторону. Но я не переставал думать об Алане и «Отдыхе» и все время – хотя читатель, наверное, поймет, что я не мог не восхищаться новым для меня, красивым зрелищем, – у меня болело сердце, и я чувствовал, что совесть упрекает меня в чем-то дурном.

Наконец сама судьба привела меня к дверям банка Британского льнопрядильного общества.

Теперь, когда Давид достиг известного положения, издатель намерен с ним на время распрощаться. Со временем, может быть, он расскажет о бегстве Алана, о том, что было предпринято по делу об убийстве, и о многих других интересных обстоятельствах. Это, во всяком случае, будет зависеть от желания публики. Издатель питает большую склонность как к Алану, так и к Давиду и охотно провел бы в их обществе еще некоторое время, но не все могут разделять его желания. Опасаясь этого, а также обвинения в недостатке внимания, он торопится заявить, что у друзей все шло хорошо, в общечеловеческом смысле этого слова. Что бы ни случилось с ними, они всегда поступали честно, но и о себе не забывали.